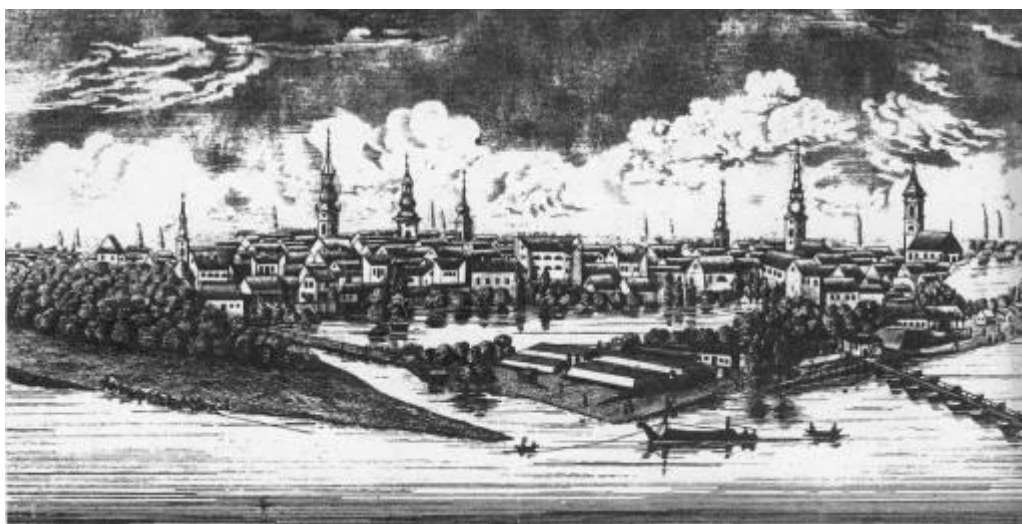

Алексей Арсеньев

У ИЗЛУЧИНЫ ДУНАЯ

Очерки жизни и деятельности
русских в Новом Саду

ББК 63.3(2)61
А 85

ISBN 5-85887-053-8

*Под редакцией
В.Б.Кудрявцева*

*Издание осуществлено при поддержке
президента ROSCORP Р.В.Ордовского-Танаевского*

© А.Б.Арсеньев, 1999
© Г.К.Самойлов, оформление, 1999

Автор настоящего труда — представитель третьего поколения т.н. «первой волны» русских эмигрантов, прибывших в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в 1920 г. с юга России.

Родители и широкий круг русских людей, с которыми он рос и общался в Нови-Саде (Новом Саду), воспитали его на почве русской культуры. Позднее он проявляет интерес к судьбам и духовной жизни людей, навеки отторгнутых от своей родины. Из года в год

накапливались свидетельства современников, материалы старой периодики, архивные сведения, рукописи, фотографии...

В книге повествуется о беженцах из России, осевших в 20-х гг. в укромном провинциальном городке Европы, вдали от шумных центров русского Зарубежья. Всесторонне осветить общественную и личную жизнь этих людей, показать, как их приняли в новой среде, проследить, чем они жили, чем занимались и как им удалось сохранить себя русскими, — таковы цели, которые ставил перед собой автор книги.

В отдельных главах даны портреты представителей интеллигенции и очерчена их деятельность в Нови-Саде: монархиста гр. В.А.Бобринского, литератора А.А.Сердюковой, философа А.И.Шпаковского, театрального режиссера Ю.А.Ракитина.

Запутанные исторические события и взаимоотношения между народами, проживающими на рубежах неустойчивого Балканского полуострова и Средней Европы, отразились на судьбах русских беженцев-изгнанников-эмигрантов и их детей. Отсылая рукопись в Россию, автор не только «возвращает» своих «героев» домой. Он надеется, что читатель, интересующийся историей нашего века, расширит свои представления о русском Зарубежье, сложившиеся преимущественно на основании данных о жизни на чужбине выдающихся русских артистов, писателей, ученых...

Петроварадинская крепость на правом берегу Дуная

«Nominatur Neoplanta»

Глубоко тронутая подарком казне Австрийской империи — значительной суммы форинтов, собранных в 1748 г. жителями безымянного селения на противоположном от строящейся Петроварадинской крепости берегу Дуная, — молодая императрица Мария Терезия на грамоте об основании «Первого свободного королевского города в области Бачка» росчерком пера меняет предложенное для него название и утверждает: «Nominatur Neoplanta» (по-немецки Neusatz, по-венгерски Újvidék, по-сербски Нови Сад).

Город стелется на аллювиальных отложениях Дуная, на террасе, вдоль которой река сужается и делает крутой поворот, омывая правобережную, вулканического происхождения скалу — восточный отрог Фрушка-Горы. Нови-Сад уютно расположился на стыке холмисто-лесистой местности (на юге) и болотисто-степной (на севере).

Богатая ключевыми источниками, местность была заселена еще в доисторическое время. Позже здесь осело сарматское племя языгов; жили и кельты. Последних оттеснили римляне, построившие в 30 г. до н.э. на Дунае, своей северо-восточной границе, укрепление Весте-Кузум и наблюдательный пункт на Петро-варадинском холме. В V в. это укрепление уничтожают гунны, прорвавшиеся во внутренние районы римского «лимеса». С падением Западной Римской империи в 476 г. ее легионы покидают придунайские области. Во времена Византийского царства селение Петрикон также имело стратегическое значение. До сер. VI в. варвары (авары, гунны, лангобарды, протоболгары, герулы, гепиды), переправляясь через Дунай, либо уходили дальше на запад, либо возвращались с добычей за Дунай.

Самыми опасными были вторжения славянских племен, проникавших вплоть до предместий Константинополя. К сер. VII в. они перекрывают почти всю территорию Балканского полуострова. В конце IX в. венгры, теснимые печенегами, перешли Карпаты и поселились в Среднедунайской низменности. Венгерское государство переживает расцвет при короле Беле IV. В 1237 г. он дарит петроварадинскую местность цистерцианцам — католическому монашескому ордену, прибывшему из французской Шампани. Они создают здесь аббатство, устанавливают через Дунай паром, строят и укрепляют монастырь, готовятся к обороне от монголо-татар, проникших в Паннонскую низменность. Со 2-й пол. XIII в. Петроварадин меняет своих властителей: крепнет и увеличивается феодальное Сербское царство.

Однако с XIV в. набеги на Балканский полуостров уже не являются кратковременными этапами турецких завоеваний. В течение XV в. все южнославянские феодальные государства были покорены. С гибелью Сербской деспотии реки Сава и Дунай становятся последним препятствием для проникновения османов в Европу. Заняв Белград,

турецкое войско великого визиря Ибрагима через пять лет, 12 июля 1526 г., стояло перед Петроварадином. Во время 170-летнего османского владычества в Средней Европе Петроварадинская крепость не имела военного значения, а была промежуточным пунктом на большой торговой дороге из Вены в Стамбул.

После поражения турок в Венгрии их гарнизон в 1687 г. покидает Петроварадин, район между Дунаем и Савой занимают австрийцы. Частично разрушая и используя остатки венгерских и турецких укреплений, австрийцы 90 лет ведут в Петроварадине постройку мощной крепости.

По соседству с крепостью на противоположном, левом берегу Дуная растет славянское рыбацкое селение Бистрица. Постепенно здесь осели ремесленники, купцы, садоводы. За всю сравнительно короткую историю Нови-Сада в нем преобладает сербское население, но город отличается и этническим разнообразием. Прибывавшие добровольно или партиями, вследствие проводимой колонизации, в городе обоснуются немцы, венгры, евреи, словаки, греки, армяне, чехи, русины, украинцы... Крепость «Гибралтар на Дунае» с большим гарнизоном будет обеспечивать надежную защиту ремесленникам и крестьянам.

Массовое переселение в 1690 г. около 80 тысяч сербов на территорию севернее Дуная и получение ими от императора Леопольда I *Привилегий* на религиозную независимость, сохранявших православные и национальные традиции, положат начало приобщению сербов к европейской культуре, непривычным профессиям и новому укладу жизни. Подчиняясь власти австрийского монарха, сербы, селившиеся в основном на опустевших местах южной Венгрии, подвергались притеснениям со стороны мадьярских помещиков и католических епископов. Они обращались за помощью к православной России, усиливая подозрения властей и давая поводы для гонений. Положение настолько осложнилось, что в 1751–1753 гг. возникло переселенческое движение сербов в Россию, когда в царствование Елизаветы Петровны формировались поселения «Новая Сербия» в Елизаветградской области и «Славяно-Сербия» (ныне г. Славянск Донецкой обл.).

Оставшиеся в южной Венгрии сербы, состоявшие в пограничных военных отрядах, продвигались на государственной службе. Другие занимались торговлей. Выгодные международные сделки и материальная благоустроенность постепенно способствуют развитию национального самосознания сербов и вступлению их в открытую борьбу за культурную и политическую независимость.

Нови-Сад. Епархиальный дворец и Сербский православный собор. Фотография 1912 г.

На протяжении XVIII — сер. XIX вв. влиятельным сербским духовным центром был городок Сремски-Карловцы, живописно расположенный на холмах, склоняющихся к Дунаю, в 11 км вниз по течению от Петроварадинской крепости. О русском влиянии и помощи, оказанной сербам со стороны Российской империи, сохранилось много свидетельств. Петр Великий поддерживал связь с карловацкими митрополитами и духовенством сербских монастырей, возникших в укромных уголках Фрушка-Горы. Киевская Духовная академия направляла туда иконописцев и богослужебные книги. Митрополит Моисей Петрович просил российского императора прислать учителей славянского и латинского языков: «Не материальные блага испрашиваю, а духовные. Не денег требую, а помощи в просвещении, оружия душам нашим. Будь нам вторым Моисеем и избавь нас из Египта незнаний». Император откликнулся — от Синода первым прибыл Максим Суворов и привез 400 букварей и 100 учебников грамматики. До того времени в сербских школах учебников не было. Благодаря русским учителям и учебникам в среде образованных сербов привился русско-славянский (позднее «славено-сербский») язык, который до сер. XIX в. являлся и литературным языком.

Родоначальником сербского драматического искусства стал управляющий карловацкой Латинской школой, ректор сербских учебных заведений Карловацко-белградской митрополии россиянин Эммануил Козачинский, выписанный из Киева. В 1736 г. в Сремски-Карловцах была исполнена его драма «Трагедія, сиречь печальна повесть о смерти последнего царя сербскаго Уроша Пятаго».

Нови-Сад. Сербский район, Дунайская улица. Фотография 1912 г.

Благодаря своему бурному развитию в XIX в. Нови-Сад постепенно затмит славу Сремски-Карловцев, станет крупнейшим сербским селением. Белград к нач. XIX в. оставался еще провинциальным уездным полутурецким городом с ориентальными патриархальным укладом жизни и архитектурой, тогда как Нови-Сад достигает своего культурного апогея. Еще в 1790 г. Эммануил Янкович привозит сюда из Лейпцига сербскую типографию, с 1810 г. здесь действует *Сербская гимназия*, с 1825 г. издается литературно-общественный журнал «Летопис Матице српске», в 1861 г. возникает первый на Балканах профессиональный *Сербский народный театр*, а в 1864 г. из Будапешта удается перевезти в Нови-Сад культурно-просветительное заведение — *Матицу сербскую*. Все это существует наряду с венгерскими, немецкими, словацкими, еврейскими культурными учреждениями, однако Нови-Сад становится в основном городом крупных сербских землевладельцев, влиятельных политических партий и прессы, учащейся молодежи и богемы — сербских поэтов, художников, публицистов. За городом утверждается слава культурного центра сербов, его называют «Сербскими Афинами», «гидрой югославянской идеи».

В революционном 1848 г. на знаменитой Майской скупщине в Сремски-Карловцах сербы провозгласили южную область монархии своей, автономной «Воеводиной». Был избран воевода, а митрополит стал величаться патриархом. Однако вскоре после неожиданной кончины воеводы его титул поспешно присваивает себе австрийский император. Автономия не закрепилась, но память о Воеводине, как зачатке собственной государственности, у сербов сохранится.

Сербская интеллигенция в Австро-Венгрии проявляла интерес к общественной и культурной жизни России, знакомила с ней читателей газет и журналов. На сербских студентов в Петербурге и особенно на распространенную патриотическую организацию

«Объединенная сербская молодежь» сильное влияние оказывали демократические движения 60–70-х гг. в России. Участник революционных кружков И.И.Бочаров даже принял участие в Третьем съезде этой организации в Белграде (1867), посетил Нови-Сад. Видные новисадцы ездили на Славянский съезд в Москву (1867).

Первый перевод на иностранный язык романа «Дым» И.С.Тургенева сделал новисадец, Илья Вучетич¹. Первым произведением Л.Н.Толстого, появившемся на сербском языке, был рассказ «Метель», напечатанный в новисадском литературном журнале «Даница» (1868). Там же в 1870 г. публиковался и его роман «Семейное счастье» (отдельный том вышел в Нови-Саде, 1877). Поклонник и переводчик Толстого новисадец Йован Максимович издает трехтомник его повестей и рассказов (Нови-Сад, 1891), а перевод романа «Воскресение» печатается в журнале «Бранково коло» в Сремски-Карловцах вслед за очередными выпусками тетрадей петербургской «Нивы»². В Нови-Саде опубликованы первые переводы и ряда сочинений А.П.Чехова.

К концу XIX в., ввиду изменившейся обстановки в Австро-Венгрии и в освободившейся от османского ига Сербии, Нови-Сад утрачивает первенство в культурной жизни сербов. В Белграде постепенно возникают новые очаги сербской общественно-политической и культурной жизни; интеллигенция из Воеводины устремляется в столицу Княжества (затем — Королевства Сербия).

Окончание мировой войны и воссоединение в 1918 г. южнославянских народов в Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев, сопровождаемое присоединением к нему обломков южных территорий развалившейся Австро-Венгерской империи, оставляют неизгладимый след в истории Нови-Сада, насчитывавшего около 30 тысяч жителей и к тому времени погрязшего в некую провинциальную рутину.

¹ Роман опубликован на сербском языке в 1869 г. (Будапешт) через неполных два года после его написания. В журнале «Јавор» в 1885 г. опубликованы письма Тургенева к переводчику, а подарок писателя (тульский медный самовар) ныне хранится в Городском музее Нови-Сада.

² Контакты писателя с Нови-Садом заслуживают особого исследования, которое внесет не только дополнения, но и коррективы в биографию Л.Толстого. В частности, следует изучить сохранившиеся материалы в Чехии, Словакии, Швеции, Югославии, Италии, США о приездах из Ясной Поляны в Нови-Сад Душана Маковицкого (врача и друга писателя) к своей сестре — супруге Милоша Крно, предводителя словаков в Воеводине. Исходя из обстоятельств жизни Д.Маковицкого и его родственников, необходимо разобраться в причинах замалчивания им подготовки к переезду Льва Николаевича на постоянное жительство в дом М.Крно в Нови-Саде.

«Русские братья»

Мировая война изменила этнический состав населения Нови-Сада. Уехало много немцев и венгров. В течение нескольких послевоенных лет из России в Воеводину возвращаются австро-венгерские военнопленные, некоторые со своими новыми семьями. Хорваты из Воеводины и Далмации постепенно будут выезжать в Северную и Южную Америку.

При такой обстановке волнами станут вливаться в Королевство СХС русские беженцы — начиная с так называемой «сербской эвакуации» из Одессы (весна 1919 г.), «английской» из Новороссийска (весна 1920 г.) и «французской» из портов Крыма (ноябрь 1920 г.); затем последует прибытие эшелонов чинов Русской армии, женщин и детей из лагерей в Турции и Греции (с весны 1921 г. по весну 1923 г.), военных из лагерей Болгарии, кадет Сибирского Императора Александра I и Хабаровского гр. Муравьева-Амурского кадетских корпусов из Китая (декабрь 1925 г.) и т.д.

Число беженцев из России достигло в стране почти 50 тысяч. По некоторым подсчетам, проведенным в 1921 г., в Королевстве СХС из общего числа русских 69% составляли мужчины; в возрасте 19–45 лет их было 66%, а неженатыми числилось 70%¹. Количество беженцев постоянно менялось, так как они продолжали прибывать партиями или в одиночку, пытаясь с Балкан проникнуть в Западную Европу.

Чтобы лучше представить этих утомленных, измучившихся людей, приведем слова проф. Д.Н.Иванцова:

«Беженцы — не эмигранты, между ними и эмигрантами имеется огромное различие. Эмигрант смотрит вперед — беженец всей душой рвется назад, рассматривая свое пребывание за границей как преходящий эпизод, не заслуживающий затраты всех сил и внимания. Эмигрант является за границу с твердой верой в будущее — беженец подавлен постигшей его материальной и нравственной катастрофой. Эмигранты, как правило, лишь физически здоровые и нравственно крепкие люди — среди беженцев, даже находящихся в возрасте полного расцвета сил, имеется немало больных, нервно надорванных и калек. Эмигрант, прежде чем решиться на переезд, старается реализовать свое имущество — огромная часть беженцев бросила родину буквально с пустыми руками. Эмигрант сам выбирает страну переселения — беженец оказывается там, куда его загонит судьба. И как раз относительно беженцев, попавших в Королевство СХС, приходится подчеркнуть, что встречающие их на чужбине условия далеко не таковы,

чтобы не приходилось считаться с весьма тяжелыми препятствиями к рациональному использованию знаний и сил»².

Отметив, что русские, покинувшие Россию после 1919 г., были *беженцами*, современный историк М.И.Раев считает, что они очень скоро стали *эмигрантами*, так как отказались принять большевистский режим, установившийся на родине. Этот отказ для многих явился окончательным, когда, согласно советскому декрету от 1921 г. (и новому, от 1924 г.), эти россияне были лишены подданства. По категоризации Лиги наций они стали *апатридами*³. Канадский исследователь Р.Джонстон тоже уделяет внимание определению русских в зарубежье и предпочитает именовать их *изгнанниками*⁴. По нашему мнению, изгнанниками можно считать те группы оппозиционных советскому режиму ученых, философов, литераторов и общественных деятелей, которые осенью 1922 г. с семьями высланы из Москвы и Петрограда в Берлин и с юга России в Константинополь.

С первых дней прибытия россиян в Королевство СХС в Белграде были созданы *Управление русского Главноуполномоченного по устройству русских беженцев* и *Государственная комиссия, ведающая интересами русских беженцев*. Через возникшие во всех уголках страны «русские комитеты» они развернули широкую деятельность по регистрации, приему и распределению людей по «колониям», оказывали материальную помощь, старались обеспечить жильем и устроить на работу.

Во главе с королем Александром I Карагеоргиевичем, воспитанником Императорского училища правоведения и выпускником Пажеского корпуса в Петербурге, отсталая страна, понесшая огромные жертвы в двух балканских войнах (1912–1913) и мировой войне⁵, приняла беженцев радушнее любой другой страны Европы, оказав им братскую моральную и материальную помощь.

Крупнейшая русская колония оказалась в Белграде. В нем и его окрестностях осело около 10 тысяч беженцев — при общем количестве жителей столицы не более 120 тысяч. Большие колонии также были сосредоточены в Сербии, Черногории, Македонии — районах, сильно пострадавших от войны. Много их было и в Боснии, Герцеговине, Воеводине, отличавшихся этнически смешанным населением и разными вероисповеданиями.

Одной из наиболее многочисленных в Королевстве СХС оказалась новисадская русская колония. В жизнь бывшего австро-венгерского города она внесла иную культурную ноту, оживила давно устоявшийся, по-западному мещанский уклад быта. Уют опрятного и многонационального придунайского города, близость столицы (75 км), соседство со Сремски-Карловцами, где обосновались Синод Русской православной церкви во главе с митрополитом Антонием (Храповицким) и Штаб Главнокомандующего Русской армией ген.-лейтенанта П.Н.Врангеля, — способствовали тому, что Нови-Сад оказался удобным для

временного проживания на чужбине. Русские «переименовали» его на свой манер — в *Новый Сад*. С учетом нашей темы продолжим его так называть.

Объезжая провинцию, корреспондент первой в Белграде русской ежедневной газеты отметил про Новый Сад: «Вообще место, в котором находится “купатило” (ванны минеральной воды), особенно привлекательно. Вся эта часть города напоминает не то небольшой немецкий курортный город, не то наше Царское Село»⁶.

Правда, часть беженцев оказалась здесь только проездом. По собственной воле или стечением обстоятельств им снова пришлось перевязать едва разобранные чемоданы и двинуться дальше в надежде на то, что впереди их ждет более гостеприимный город и лучшая жизнь. Однако большинство осталось, нашло угол, разложило свой скарб, поставило самовары или зажгло керосиновые примусы. Нашлась кое-какая работа, создался некий уют — русские обживались на Паннонской низменности, многим из них напоминавшей родную степь...

Необходимо отметить, что до прибытия первых беженцев в Новый Сад и его окрестности (Петроварадин, Сремска-Каменица, Футог) в 1915–1918 гг. на этих тогда еще австро-венгерских территориях осело до трех десятков российских военнопленных: Никодим Николаев, Иван Мукас, крестьянин Иван Сухомлинов, поляк Георгий Веселовский, Николай Юринский, Евфимий Григорьев, еврей Соломон Гаврис, Прокопий Винниченко, терский казак Илья Макаров, Исай Кулик, Иван Лебединский, Дмитрий Перлов и др.⁷ В 1918 г. вместе с сербскими солдатами в город прибыла на поселение и группа русских добровольцев с Салоникинского фронта.

В мае 1920 г. поселившихся в Новом Саду русских беженцев было всего около 30, к концу октября — уже 238⁸. В те дни *Комитет по оказанию помощи русским беженцам* возглавляли адвокат д-р Коста Хаджи и управляющий Городским госпиталем Джура Трифкович. Большую поддержку россиянам оказывали владелец продуктового магазина Влада Стефанович и семья известного типографа Николы Ивковича.

Главнокомандующий Русской армией барон П.Н.Врангель в кругу русской колонии Нового Сада (сидят: ген. от кавалерии В.А.Ирманов, ген.-лейтенант К.В.Апухтин, ген.-лейтенант П.Н.Врангель, епископ Бачкский Ириней, ген.-лейтенант Д.Н.Чернояров, ген.-лейтенант А.Н.Розеншильд фон Паулин и др.). 18 марта 1922 г.

В своем обращении к мэру и Городскому совету д-р К.Хаджи 29 апреля 1920 г. писал:

«Широко известно, что последнее наступление большевистской Красной армии в южных районах великой России подняло со своих очагов огромное число наших братьев — русских. Гонимые террором, они были вынуждены бежать и нашли приют в братской стране Сербии. Здесь испокон веку утвердилось мнение не только о близком родстве с русскими, но и вера, что освобождение и объединение всего сербского народа будут осуществлены при щедрой помощи России, великого Славянского народа, который и до суровой Мировой войны приносил в жертву тысячи своих лучших сыновей для спасения Сербии и освобождения всего Славянства... Однако волны великих потрясений, поднявшие нас, одновременно привели к крушению мощной России. Наши братья и по Божьим и по человеческим законам имеют основания и право требовать от нас моральную и материальную помощь, так как, свободные и объединенные, мы являемся их должниками... К господину мэру и Городскому совету от имени комитета обращаюсь с просьбами:

1. Принять решительные меры для обеспечения русских беженцев квартирами, при необходимости — применить насильственную реквизицию.

2. Ввиду уже обнаружившихся злоупотреблений, не хозяевам, а властям следует определять приемлемые цены на эти квартиры.

3. Провести ревизию цен по уже заключенным контрактам на сдачу квартир русским.

4. Городскому управлению необходимо приложить дополнительные усилия по обеспечению беженцев работой и предоставлению материальной поддержки.

5. Русским следует отвести помещения для кухни и общей столовой, так как они намерены сами готовить себе свои национальные блюда.

6. Столовую оснастить всей кухонной утварью.

7. Создать Сербско-русский дом, в котором будут происходить наши встречи с ними, как это ранее было устроено в зале Матицы сербской во время пребывания у нас французов.

8. Помочь русским в создании их публичной библиотеки.

9. Дать им возможность заниматься предпринимательством, торговлей, открывать экспортные конторы и т.д.

10. Городскому совету обратиться к гражданам с воззванием об оказании помощи по снабжению русской столовой продуктами.

11. Содействовать при устройстве благотворительных концертов и спектаклей для сбора средств в Фонд оказания помощи братьям-беженцам»⁹.

Городские власти и местное население, преимущественно сербы, откликнулись на просьбы комитета. Были открыты общая столовая, Русский клуб, создана библиотека, улучшались квартирные условия беженцев, большинство их устроено на работу, периодически пополнялись кассы Фонда помощи и фонда «Дар русским».

Вскоре беженцы скромно отблагодарили своих самых деятельных покровителей. На общем собрании колонии в мае 1921 г. д-ру К.Хаджи и В.Стефановичу были вручены от штаба ген. Врангеля русские ордена Св. Анны.

Опубликованный отчет о пропитании и временном проживании беженцев в Новом Саду свидетельствует, что через «русские бараки» на железнодорожном вокзале прошло (с декабря 1920 г. по март 1921 г.) 6175 беженцев и военных инвалидов, перед тем как они были направлены в другие колонии областей Бачка и Банат¹⁰.

К февралю 1921 г. в городе уже 503 русских, в июне — около 800, а в нач. 1922 г. — 1217¹¹. По переписи 1931 г., 1158 беженцев (не считая принявших югославское подданство) проживали в Новом Саду — городе с 64 тысячами жителей¹²; однако с уверенностью можно считать, что русских в 30-х гг. здесь проживало не менее полутора тысяч и до начала Второй мировой войны это число не снижалось.

С прибытием беженцев в Новом Саду возникают эмигрантские общества и организации, действовавшие независимо от белградских. *Русский комитет по трудоустройству* (своеобразная биржа труда) открывает курсы: строительные, переплетные, токарные, машиноремонтные. Какое-то время комитет возглавляла графиня Вера Ильинична Толстая (в замужестве Ваковская), внучка Л.Толстого, руководительница курсов кройки и шитья в отведенных для этого помещениях мужской сербской гимназии¹³. Секретарем и видным членом комитета был С.С.Усов, сын профессора Московского университета С.А.Усова, друг юности Андрея Белого¹⁴.

Между тем с сентября 1922 г. помощь Государственной комиссии резко сократилась. Под почетным председательством бачкского епископа д-ра Иринея Чирича, известного русофила, в Новом Саду вскоре возникло *Русско-сербское благотворительное общество*. Председательницами его состояли одновременно сербская и русская дамы: О.Вилич и графиня М.Н.Коморовская, З.Проданович и М.И.Харченко и др. Широкую деятельность проявляли Ю.И.Мариюшкина, Л.Г.Курочкина, Е.П.Тихомирова (урожд. княжна Волконская), Н.Г.Вишневская, графиня Уварова, О.И.Бунакова... Епископ Иринея стал и почетным председателем новосадского отдела *Российского общества Красного Креста*. Руководили отделом Н.И.Антонов, бывш. член Государственной думы, и ген.-лейтенант К.В.Апухтин. На собранные пожертвования некоторое время действовала *Русская амбулатория*.

Радужие приемы беженцев в Новом Саду можно представить по газетной заметке о первом русско-сербском вечере, состоявшемся 20 февраля 1921 г. в гимнастическом зале общества «Сокол». Вечер открыл русский профессор, прочитавший доклад о русско-сербском культурном сближении. После ответных приветствий и при большом воодушевлении местного населения состоялся концерт русских песен и оперных арий. Гимнасты выступили с ритмическими Сокольскими упражнениями, а казаки исполнили кавказские танцы¹⁵. Через несколько дней вечер пришлось повторить.

Первое время подобные восторженные приемы и мероприятия были характерны и проходили почти во всех русских колониях. Однако леволиберальный обозреватель вскоре отметил: «Вначале русские вели себя отлично... Тем легче было пойти им навстречу. И наш народ, по мере своих возможностей, делал это сердечно и охотно. Но затем прибыла потерпевшая поражение армия Врангеля, которую наше официальное государство приняло не как беженцев, а как военную организацию. Это вызвало недоумение во всех рядах, и русских и домашних, в широких кругах народа породило недоверие ко всем русским... Сегодня иссякло то тепло и чистосердечие к ним»¹⁶.

В свою очередь, беженцы не ассимилировались. Они плохо говорили на языке среды, в которой оказались, жили обособленно, в свободное время были деятельными лишь в своих,

только что возникших обществах. По результатам переписи, из 28950 россиян, прибывших в Королевство СХС до апреля 1921 г., 75,7% имели высшее или среднее образование, неграмотных было ничтожное число¹⁷. Сопоставим эти сведения с данными переписи югославского населения в том же 1921 г.: общее число неграмотных в Королевстве составляло 51,5%, а в Южной Сербии и Боснии достигало 80%¹⁸.

Между тем, смутно представляя ужасы революции и большевистский террор, часть югославской интеллигенции левого уклона с самого начала обращалась к пришельцам: «В нашем и их интересах мы требуем от них, чтобы они приступили к поискам путей возврата на свою родину. Они нужны ей, как мы знаем; они и сами заявляют, что представляют умы России»¹⁹, Высокий уровень образования беженцев, при дефиците в глубинке страны специализированных кадров, все же лишь меньшинству из них давал возможность поступить на соответствующую работу. Без подданства (с «карточками» Нансена, поверенного уполномоченного по делам русских беженцев при Лиге наций) большинство россиян принимали на государственную или частную работу временно — по контракту, с уменьшенным окладом. Местная газета сообщала: «Условия жизни русских в Новом Саду весьма затруднительны, если учесть, что в большинстве это высокообразованные люди, которые не могут найти себе службу, соответствующую их профессии и интересам»²⁰.

Благодарные гостеприимной стране за убежище и оказанную поддержку, русские не всегда реально учитывали возможности среды, в которой оказались. Новосадский преподаватель гимназии Д.В.Скрынченко выступил во влиятельной газете сербской Радикальной партии: «Мы, беженцы, требуем равноправия в юридическом и материальном положении. Считаю, что в этом нет ничего предосудительного. Тяжелые условия жизни заставляют нас требовать этого, ведь, как и нашим коллегам на постоянной службе, и нам нужно кушать и одеваться»²¹.

Многие беженцы получали помощь от *Государственной комиссии*, но с течением времени она все больше будет ориентирована на материальную поддержку русских учебных заведений, старческих и инвалидных домов, культурных организаций.

ВЪ РОССІЮ и ИЗЪ РОССІИ: 1. ДЕН. ПЕРЕВ. во всё м. Россіи отъ 100 лев. и выше и въ срокъ отъ 5 до 15 дней. Выплата въ дѣларахъ или червонцахъ. 2. ВЕЩЕВ. и др. ПОСЫЛКИ: Гривна отъ 354. Пошлина. Гарантия отъ 3. ВЫЪЗДЪ ЛИЦЪ ИЗЪ РОССІИ въ Россію въ и друг. стр. Сербіи и румын. въ пути. Въм. Навиг. мѣридуи. Педроби. авиом. и речств. скоростью: 25 диваръ. NOVI SAD, Ul. Subotića, 12. Представительство А. ZAVOLOTNY. Jugoslavija.	
ПРОИЗВОДСТВО ГАЛСТУКОВЪ „ВЕНЕРА“ Якова Александровича АМИЛАХВАРИ NOVI SAD Румынская 43.	„Хоп овде је“!! За Божић само ту код Исе Кулика (Руса) мушког кројача дати правити модерно оде- ло. Цене солидне. Послуга тачна. Уставска ул. 9. 788 2-2
АДВОКАТЪ Сергій Петровичъ МЕТЕЛЬСКІЙ Нови Сад, Краља Петра I ул. 13/1 Југославија Тел. 33-42.	Руско слатко свежо зготовљено продаје се у Новом Саду у трговини Штефановића и Вагнера.
Руски војнички магазин М. Сада, Краља Петра I ул. бр. 30. ДОБИО ЈЕ ОВЕН ДАМА НОВЕ: Давидова, тукани, најбоље рубље златнаца, златна, златна, златна, златна, златна, и друге ствари ит. златна за Божан. 3-3	ШТИМОВАЊЕ И ОПРАВКУ КЛАВИРА ВРШИ СА ГАРАНЦИЈОМ Ђ. Ф. БЕЗКРОВНИ, органосор- НОВИ САД ЈОВ. СУБОТИЋА УЛ. БР. 9.
ВЪ НОВОМЪ САДУ 1305 ул. Кр. Петра, 29. РУССКІЙ ПОРТНОЙ И. КУЛИКЪ шавити мужское платье (штетское и воен- ное) по последнимъ парижскимъ жур- наламъ. Большой выборъ собственныхъ матеріаловъ. РАБОТА ПЕРВОКЛАССНАЯ Умѣреннымъ цѣнамъ. Русскимъ складомъ.	ЗУБНОЙ ВРАЧЪ ЛИДІЯ Я. СОКОЛОВА НОВИ САД, Кр. Петра I ул. 29 ПАЛАТА „СИНЕСА“ Лечение, пломбированіе зуба безъ боли. Золотые зубы и мосты по последней методѣ. Цѣны умеренныя.

Газетные рекламные объявления. Новый Сад, 1920-е гг.

Новосадские русские постепенно приспособляются: гвардии поручик А.М.Елагин откроет трактир «У пустого кармана», потомственный дворянин Ю.Б.Нечаев будет содержать ночлежный дом, полковник Г.Ф.Безкровный займется настройкой роялей. Возникнут русская столовая В.Забусовой, портняжная мастерская И.М.Кулика, производство галстуков «Венера» Я.А.Амилахвари, первая вулканизаторская мастерская и автомобильные принадлежности К.Суханова, комиссионный магазин П.И.Исаева, первый в городе косметический салон «Фемина» М.Н.Поповой, частная школа танцев балерины В.Валиной, курсы иностранных языков под руководством княг. Е.П.Долгорукой. Частные уроки музыки или иностранных языков будут давать кн. Н.П.Трубецкой, княг. А.В.Волконская, фрейлина М.С.Хитрово. Откроются дамский салон и парикмахерская «Петр Великий» П.Е.Великого, парфюмерная лавка «Хлоя» М.В.Томашевского, мастерская головных уборов Э.А.Крупирова, курсы вокала оперной певицы из Петербурга Л.Л.Беляевой-Долинской. Владелец типографий и переплетных в Киеве и Житомире подполковник Н.И.Крыжановский предложит Библиотеке Матицы сербской устроить переплетную мастерскую. Бывший крупный судостроитель с Волги старообрядец Д.В.Сироткин наладит пароходное сообщение

между Белградом и Новым Садом. Беженцы поступят на государственную службу²², в частные фирмы и мастерские.

В 1922–1923 гг. под началом полковника Аглаимова офицеры Ахтырского гусарского, Белгородского драгунского и Изюмского гусарского полков работали на разборке старого укрепления Bruckschanze перед мостом на левом, новосадском берегу Дуная — напротив Петроварадинской крепости; они временно проживали в сыром рavelине, получая 600 динаров в месяц (при вычете 10 динаров в день на пропитание).

К 1923–1924 гг. увеличивается число беженцев, выезжавших из Королевства СХС на Запад. Новосадская газета обратила на это внимание и на своих страницах публиковала письма читателей, высказывавших причины. По мнению одного русского журналиста, в Новом Саду мало русофилов, беженцы покидают Сербию несколько обиженными. Главный редактор газеты О.Суботич, возражая, указывал, что сербский народ сравнительно недавно освободился от турецкого ига и сформировался в крестьянско-демократическом духе, в то время как беженцы в большинстве являются представителями веками существующего дворянского сословия. По его мнению, в этом противоречии «менталитетов» кроется причина многих недоразумений и чрезмерной чувствительности беженцев. Обоим возразит русский Н.П.: причина чисто материального порядка; проживая уже почти 5 лет вне России, все время в ожидании скорого возврата, беженцы не занимались вопросом благоустройства своей жизни на чужбине. Однако в последнее время, когда правительства европейских стран налаживают отношения с Советской Россией, беженцам приходится задумываться над собственным будущим. Их временная работа по контракту, при пониженном окладе, не сулит ничего прочного и надежного, а в Европе труд оплачивается лучше и одинаково для всех. Русский читатель М.А. приводит иную причину: беженцы благодарны за оказываемую государством материальную помощь, но она поступает нерегулярно, опаздывает по несколько месяцев, поэтому находящимся в постоянных долгах россиянам все покупки обходятся дороже²³.

Отток беженцев из Королевства СХС отмечался и столичной прессой. Газета «Политика» сообщала, что более 7000 русских — квалифицированных рабочих, техников и инженеров — покинули страну, главным образом при посредничестве особого бюро в Белграде, вербовавшего русских на крупные заводы Франции. Анонимный обозреватель писал: «Если в первое время после прибытия русских мы к ним относились с состраданием, настала пора государству стремиться иметь от них пользу. Так поступают Париж и Прага»²⁴.

Из кого же, собственно говоря, составила новосадская русская колония? Пристанище здесь нашли: казаки (преимущественно кубанские), военные инвалиды,

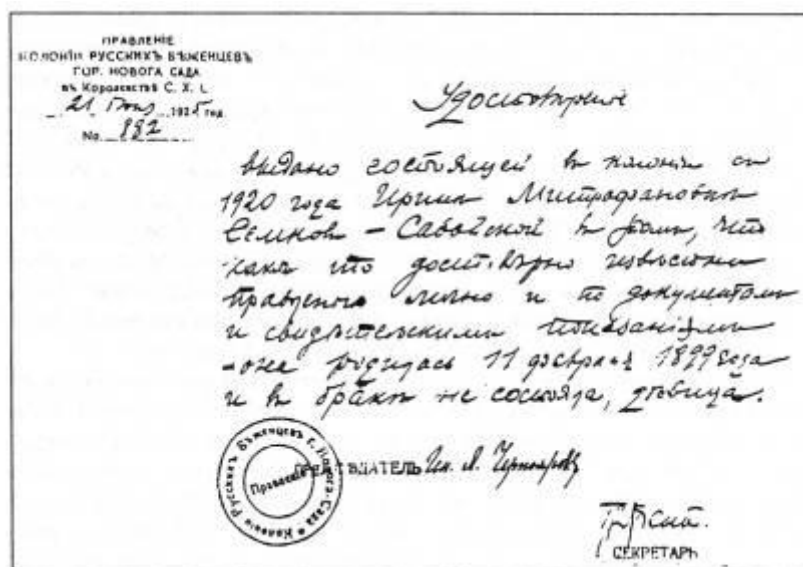
офицеры, купцы, врачи, инженеры, летчики, агрономы, артисты, преподаватели, чиновники, помещики, дворяне...

В городе и его окрестностях проживали: графы — Бобринские, Гудовичи, Канкрины, Коморовские, Коновницыны, Милорадовичи, Стибор-Мархотские, Толстые, Уваровы; князья — Волконские, Воронцовы, Гагарины, Голицыны, Долгорукие, Кудашевы, Куракины, Трубецкие; бароны — Тизенгаузены, Унгерн-Штернберги; известные дворянские семьи — Апухтины, Бибиковы, Борисовы-Морозовы, Бунаковы, Васильчиковы, Вышеславцевы, Дашковы, Демидовы, Державины, Елагины, Лобачевы, Оленины, Ордовские-Танаевские, Орловы, Пржевальские, Раевские, Родзянко, Румянцевы, Соловьевы, Сперанские, Таракановы, Третьяковы, Хитрово, Хрущевы, Чернышевы, Шишкины, Энгельгардты... В 1923 г. из Афин в Королевство СХС переехал выдающийся русский генеалог Леонид Михайлович Савелов (1868–1947), долгие годы возглавлявший московское Историкородословное общество. С женой и дочерью он три года проживал в местечке Сремска-Каменица в 5 км от Нового Сада, в котором служил чиновником почтового ведомства. Однако, вопреки мнению местного населения, дворяне не составляли большинства россиян в Новом Саду.

Редко кому из беженцев удавалось поселиться в комфортабельных квартирах или домах, особенно в первые годы изгнания. Русские семьи чаще всего ютились в пристройках, флигелях, даже сараях. Одиночки создавали «коммуны», некоторые были приняты в состоятельные сербские дома и вскоре стали членами этих семей. По соседству с еврейским кладбищем некий предприимчивый россиянин Буйкевич купил одноэтажный дом с небольшим участком и колодцем. Отстроив несколько примыкавших к дому пристроек, он все помещения сдавал внаем соотечественникам, а сам обосновался во Франции, изредка приезжая в Новый Сад. Годами на этом участке (ул. Дударска, 61) дружно жили до десяти семейств: Калишевские, Маккавеевы, Синькевичи, фон Гаас, Веденяпины, Бунаковы, Ивановы и др.

Все 20-е годы много беженцев еще ютилось в «русском бараке» и в железнодорожных вагонах на запасных путях городского вокзала. В десяти помещениях бывшей газовой фабрики устроились семьи — Пржевальские, Джунковские, Сперанские, Катериничи, Бразоль, обрусевшие немцы Ган. Генерал от кавалерии Владимир Александрович Ирманов (1852–1931), герой обороны Порт-Артура, комендант Владивостокской крепости, командир 3-го Кавказского армейского корпуса в Первой мировой войне, заместитель ген. А.Г.Шкуро на должностях начальника 1-й Кавказской дивизии и 3-го Конного корпуса (1919), в Новом Саду жил с женой и двумя дочерьми на Еврейской улице. Ежедневно его можно было видеть в военной форме, идущим с ведрами за водой к колодцу на перекрестке улиц. Было ему уже

за 70, и русские осуждали дочерей («этаких здоровых девиц»), что они не освобождают старика от тяжелой «повинности».

Удостоверение, выданное председателем правления колонии русских беженцев в Новом Саду. 1925 г.

На правом берегу Дуная, в Петроварадине, беженцам предоставили угловой двухэтажный дом, в котором разместилось несколько семей, в том числе Широбоковы — Николай Матвеевич, Мария Алексеевна и их дети Георгий, Олег, Людмила, Нина, Тамара, а также семья ген.-майора Генерального штаба М.М.Георгиевича. Проживали русские и в длинном здании бывшего австро-венгерского павильона на самом верху Петроварадинской крепости (семьи — авиаконструктора Н.И.Лобач-Жученко, полковников М.М.Бузинова, П.П.Богдашевского и А.Л.Мариюшкина, инженер-полковника Н.Н.Рябова, офицеров А.Н.Ванифатова и А.Л.Орехова).

Первым председателем новосадской колонии стал врач Геронтий Гаврилович Харченко (ок. 1880–1941), бывш. крупный владелец угольных и железорудных шахт в Екатеринославской губернии, открывший с супругой продуктовый ларек в Новом Саду. Вскоре его сменил действительный статский советник Аркадий Ипполитович Келеповский (1870–1925), бывш. московский чиновник особых поручений при Вел. Кн. Сергее Александровиче, а в Новом Саду — служащий Окружного финансового управления. В 1923 г. правление колонии возглавил ген.-лейтенант Диодор Николаевич Черноярлов (1864–1929), ранее преподаватель и воспитатель будущего короля Александра Карагеоргиевича в петербургском Пажеском корпусе, с 1914 г. военный камендант Ростова-на-Дону, а в Новом Саду — скромный чиновник на государственной службе. В 1928 г. пост председателя занял гвардии полковник Владимир Иустинович Чаплиц (1871–1930), после его кончины колонию

снова принял на несколько лет Г.Г.Харченко. Последним ее председателем оказался энергичный ген.-майор Кубанского казачьего войска Федор Владимирович Данилов.

Административная жизнь почти 300 колоний основывалась на «Положении о колониях русских беженцев в Королевстве СХС». Если колония насчитывала более 25 членов, то помимо председателя избиралось и правление. Функции руководства состояли в следующем: представлении колонии перед Государственной комиссией, ведающей делами русских беженцев; поддержании связей и сотрудничестве с местными органами власти; регистрации беженцев, распределении материальных пособий, заботе об облегчении жизни русских, выдаче соответствующих документов (удостоверений, проездных записок и пр.), сохранении в рядах беженцев порядка и достоинства.

Весна 1924 г. ознаменовалась важной политической вехой русско-югославских отношений, которые привели к установлению формально новых видов в защите интересов россиян, оказавшихся в Королевстве СХС. В нач. марта 1924 г. официально упразднена дипломатическая миссия бывшего Российского правительства. Василию Николаевичу Шtrandтману (1877–1963), который с августа 1914 г. состоял Российским посланником в Королевстве Сербия, а с 1919 г. по назначению правительства адм. Колчака — дипломатическим агентом в Белграде, была поручена функция «делегата, ведающего интересами русских граждан, проживающих в Королевстве СХС». Государственная комиссия (учреждение, заботившееся о беженцах) многие годы размещалась в здании бывшего посольства России и продолжала работу примерно в том же личном составе, что и при Российской миссии.

Сообщая о дипломатическом «маневре» в Белграде, журналист софийской газеты «Русь» Евгений Юрьев отметил эволюцию статуса россиян на чужбине и их необходимость осознать свое положение:

«Установление новых форм защиты русских интересов в Королевстве СХС приобретает для русских эмигрантов характер полезного предупреждения. Оно напоминает нам о том, что все те разнообразные, по инерции сохранившиеся российские учреждения, которые отвечали беженскому периоду нашего пребывания за границей, рано или поздно должны выдохнуться и закрыться. Оно лишний раз подчеркивает наше превращение из беженцев — в эмигрантов. Если мы сумеем правильно понять это новое “знамение времени”, мы сделаем из него правильные и целесообразные выводы. В новых условиях нашей жизни в изгнании, мы сами должны найти и создать отвечающие нашей эмигрантской сущности формы организации, защиты своих интересов и политической работы»²⁵.

- ¹ *Simpson, Sir John Hope*. The Refugee Problem — Report of a Survey. London; New York; Toronto, 1939. P. 85.
- ² *Иванцов Д.* Русские беженцы в Югославии в 1921 году // Русский экономический сборник. Вып. 2. Прага, 1925. С. 80.
- ³ *Raeff M.* Russia Abroad: A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. New York; Oxford, 1990. P. 16.
- ⁴ *Johnston R.* New Mecca, New Babylon: Paris and the Russian Exiles, 1920–1945. Kingston; Montreal, 1988. P. 7.
- ⁵ В границах Королевства Сербия до балканских войн проживало 2 854 000 жителей. Согласно отчету Международного статистического комитета в Копенгагене, в войнах 1912–1918 гг. Сербия потеряла 1 680 000 человек — см.: Застава (Нови Сад), 1921, 8 июня
- ⁶ Русская газета: Органъ независимой мысли (Белградъ), 1920, 23 мая.
- ⁷ Архив Југославије. МУП К.Ј. 14225/804. Материјали о политичким и војним избеглицама и ратним заробленицима, Русима. 1940 год. Одељење јавне безбедности у Новом Саду.
- ⁸ Архив Југославије. МУП. Ф. 224/802.
- ⁹ Историйки архив Новог Сада. Ф. 150.10333/1920.
- ¹⁰ Застава: Орган радикалне странке (Нови Сад), 1921, 24 октябра.
- ¹¹ Архив САНУ. Историјска збирка — Руске избеглице, бр. 14386-III; Новое время: Ежедневная газета (Белградъ), 1921, 19 июня; Там же, 1922, 7 февраля.
- ¹² Военный журналист: Двухнедельный орган национальной военно-общественной мысли (Белград), 1939, 1 ноября.
- ¹³ Писатель о Верочке отзывался с похвалой: «Умница, самостоятельная, сердечная» — запись Д.Маковицкого от 16 сентября 1907 г. (Литературное наследство. Т. 90, кн. 2, с. 515; на с. 503 — фотография писателя с внучкой). Вера Ильинична и крестившийся в 1922 г. в Новом Саду ее сын Сергей впоследствии поселились в США.
- В июне 1991 г. на уникальной встрече потомков Л.Толстого, проживающих в разных странах, она окажется старейшей в роде: «Изящно и легко льется слово американки Веры Ильиничны, какие обороты речи, какая музыка — в интонации, артикуляции... Уезжая из усадьбы, внучка Толстого земным поклоном благодарила тех, кто оберегает Ясную, кто так чтит память ее великого предка» (*Плахова Е.* Толстые в Ясной // Слово, М., 1991, № 9).
- ¹⁴ А.Белый вспоминал: «...третий сын, Сергей Сергеевич, поиграв в тринтавизм и психологию лумпен-пролетария, женился на крупной помещице и графине... Все это случилось потом: пока же росли веселые “парни”... С.С.Усов, молодой человек с истинно художественным темпераментом и с “надрывом”, искренним в те годы, одно время виделся мне, юному Давиду Копперфильду, неким Стирфорсом (у каждого юноши есть свой “Стирфорс”!); он выглядел “выпадышем” из нашей скучной среды...» (Белый А. На рубеже двух столетий. М., 1989. С. 119–120).
- С.С.Усов в Новом Саду вторично женился, на сербке. Был душой общества — пел, аккомпанировал на гитаре. Умер он 25 июля 1943 г. в Русском клубе, где его просили выступить.
- ¹⁵ Застава (Нови Сад), 1921, 24 февраля.
- ¹⁶ Nova Evgora (Zagreb), 1922, knj. VI, br. 8.
- ¹⁷ Там же.
- ¹⁸ Центральная Европа: Еженедельник (Прага), 1927, 8 декабря.
- ¹⁹ Nova Evgora, 1922, knj. VI, br. 8.
- ²⁰ Застава, 1921, 12 мая.
- ²¹ Там же, 1922, 30 декабря.
- ²² До 15 ноября 1921 г. на государственную службу было принято 68 русских беженцев (Novosadski almanah. Novi Sad, 1922).
- ²³ Застава, 1924, 27 июня, 1 июля, 11 июля.
- ²⁴ Политика (Београд), 1924, 24 августа.
- ²⁵ *Юрьевъ Е.* Дипломатическія превращенія // Русь (Софія), 1924, 14 марта.

Русский православный приход в Новом Саду

Нация без власти и территории является наиболее чистой формой объединения людей, связанных началом общей духовной жизни. В этом смысле русская нация в изгнании напоминает собой Христианскую Церковь¹.

Первая, неотложная забота русских на чужбине, как бы далеко судьба их ни занесла и при любых условиях, — это иметь свой духовный очаг, храм и хор. И хотя в православной части Королевства СХС канонизированное богослужение проводилось на том же церковно-славянском языке, эти желания беженцев не гасли, а благодаря сложившимся обстоятельствам сравнительно легко осуществлялись.

Решением от 31 августа 1921 г. Св. Архиерейский собор Сербской православной церкви принял под свое покровительство Высшее русское церковное управление за границей, прибывшее из Константинополя. В декабре 1922 г. это управление было упразднено после создания *Русского всезаграничного церковного Собора епископов* и *Временного священного Архиерейского Синода*, которые возглавил митрополит Киевский и Галицкий Антоний. Сестринская Сербская церковь отвела русским иерархам нижний этаж великолепного Патриаршего дворца в Сремских Карловцах. В этом укромном городке в 1921 г. и 1938 г. состоялись два значительных для Русской церкви заграничных собора². Архиерейский Синод Русской православной церкви за границей проводил здесь свои ежегодные соборы, издавал двухнедельную газету «Церковные ведомости» (1922-1930) и ежемесячный журнал «Церковная жизнь» (1933–1943). В карловацкой семинарии Св. Саввы преподавало много русских: о. Иоанн Сокаль, о. Тихон Троицкий, о. Борис Волобуев, о. Нил Софийский, о. Нил Малахов, о. Борис Селивановский, Н.Г.Дориомедов, В.Н.Халаев, Н.А.Акаемов, С.М.Муратов, Ф.Ф.Балабанов, а на Богословском факультете в Белграде — профессора М.А.Георгиевский, А.П.Доброклонский, С.М.Кульбакин, Ф.И.Титов, С.В.Троицкий и др.

Духовенство, эвакуированное из Крыма, окажет Сербской церкви помощь — возместит ее потери в священнослужителях, погибших в войнах; русские священники назначались временными администраторами и духовниками в деревнях, принимали запущенные православные приходы сербских епархий в Хорватии.

Опустелые монастыри займут русские монахи. Несколько десятков монахов прибыло в Сербию из знаменитого Валаамского монастыря, в те годы оказавшегося на территории Финляндии. Недалеко от Нового Сада, во фрушкогорском монастыре Хопово, значительном сербском духовно-просветительском центре XVII–XVIII вв., обоснуется Леснинская обитель

Святобогородицкого женского монастыря бывш. Холмско-Варшавской епархии. Возглавляемые игуменьями Екатериной и Ниной, более 70 монахинь летом 1920 г. прибыло сюда из Бессарабии, спасая Чудотворную икону Леснинской Богоматери и свои жизни³.

В Хоповском монастыре, при участии митрополита Антония (Храповицкого), о. Сергия Булгакова, профессоров С.Л.Франка, В.В.Зеньковского, Л.А.Зандера, С.В.Троицкого, Г.Г.Кульмана и др., в 1925 г. состоялся Третий съезд Русского христианского студенческого движения⁴.

Храм Св. Николая в Новом Саду

Способствуя возрождению сербского женского монашества, 19 монахинь Леснинской обители в октябре 1923 г. переехали из Хопова в восстановленный старый монастырь Кувежин. Русские монахи на Фрушка-Горе («Сербском Афоне») поселились в монастырях Беочин и Раваница. В монастыре Гргетег жил и в 1925 г. скончался епископ Александровский и Ставропольский Михаил. В монастыре Язак, при епископе Курском и Обоянском Феофане, до 1927 г. пребывала Чудотворная икона Божией Матери, именуемая Курско-Коренная. Затем она была установлена в русском храме Св. Троицы в Белграде,

откуда начиная с 1944 г. пройдет извилистый путь по Европе — до своего пристанища в США.

Для благотворительной и миссионерской деятельности русские богословы и миряне в Югославии создали православные братства: Преподобного Серафима Саровского Чудотворца, Св. Владимира, о. Иоанна Кронштадтского, Св. Креста. В Белграде действовали кружок богословов им. Св. Анастасия и Св. Иоанна Богослова, православный студенческий кружок им. Св. Серафима Саровского, а в Белой Церкви (г. Бела-Црква) — Православно-миссионерское книгоиздательство.

Русские церковные приходы и храмы в 20-х гг. возникают во многих уголках Королевства СХС — в Белграде, Земуне, Панчево, Загребе, Сараево, Белой Церкви, Сремских Карловцах, Сомборе, Суботице, Великом Бечкереке, Осиеке, Цриквенице... В Новом Саду существовало пять сербских православных храмов; беженцы облюбовали старейший, сохранившийся с 1730-х гг. уютный храм Св. Николая, но в феврале 1922 г. Сербская епархия во главе с епископом Иринеем⁵ уступила им часовню Св. Василия Великого на втором этаже Епископского дворца. Вскоре создано *Общество попечения о духовных нуждах русских беженцев в Новом Саду*, председателем которого был настоятель Русского православного церковного прихода протоиерей Феодор Синькевич (1876, Белая Церковь, Киевская губ. — 1945, Иерусалим), выпускник киевской Духовной академии, первый в эмиграции священник, получивший сан митрофорного протоиерея⁶.

Несколько икон для часовни и большие настенные панно Святителей Константина и Елены, Бориса и Глеба, Александра Невского, Сергия Радонежского, Серафима Саровского и др. расписал художник Николай Васильевич Иванов, бывш. ротмистр.

С июля 1925 г. до своей кончины пост настоятеля новосадского русского прихода занимал о. Нил Малахов (1884–1934), бывш. доцент петербургской Духовной академии, профессор карловацкой Духовной семинарии. Его сменил о. Сергей Самсониевский (1898–1944). Еще молодому, но больному о. Сергию выпадает горькая пастырская доля возглавить и сохранить новосадскую русскую церковь в суровые времена венгерской оккупации начала 40-х гг.

*Эскиз к проекту русского храма в Новом Саду.
Сербский архитектор Дж. Табакович. 1940 г.*

Более десяти лет протодиаконом прихода был любимым всей колонией Яков Федорович Решетников (1892–1939). В сер. 30-х гг., после принятия им священнического сана, митрополит Антоний назначил его настоятелем русского храма Преподобного Серафима Саровского в г. Шелль на юге Франции.

Приходский совет русской церкви в Новом Саду подчинялся Высшему русскому церковному управлению за границей в Сремских Карловцах и ведал церковными делами колонии. Старостами состояли: врач Г.Г.Харченко, полковник М.М.Бузинов, инженер-полковник Г.Б.Броневский, адвокат С.П.Метельский. Русское сестричество в Новом Саду возглавляла Милица Викторовна

Скляр. Многолетние чаяния построить русский храм не успели осуществиться, хотя перед самой войной на пожертвования прихожан земельный участок, средства и проект храма (в древнем владими́ро-суздальском стиле) были обеспечены.

Жители Нового Сада восхищались русским церковным пением. По свидетельству многих, число прихожан сербских храмов значительно возросло благодаря русским регентам и хористам, которые песнопениями украшали божественные службы. «Тако могу само Руси», — говорили прихожане.

Все довоенные годы регентом русского церковного хора был Василий Федорович Григорьев (1884–1970), войсковой старшина Кубанского войска, уроженец Екатеринодара. В 1944 г. он покинул Югославию и после переезда из Германии в США в 1951 г. стал старостой русского храма Иконы Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте» в Филадельфии. Русские духовные песнопения исполнялись и хором сербской Соборной

церкви под управлением П.А.Фигуровского, входили они и в репертуар возникшего в 1922 г. *Русского певческого общества* Василия Григорьева и Козьмы Перегуды.

После Второй мировой войны русским церковным хором управляли Екатерина Федоровна Мазаракий (1888–1965) и Григорий Моисеевич Пальчик (1899–1979), тогда как регентами в сербских храмах состояли Петр Моисеевич Таран (1892–?), Борис Михайлович Моисеев (1896–1974), Борис Петрович Арсеньев (1908–1972) и Николай Федорович Букин (1903–1994), с которым эта прочная цепь прервалась в 1982 г.

Обладая солидной музыкальной подготовкой и талантами, Б.П.Арсеньев и Б.М.Моисеев, помимо гармонизаций и аранжировок церковных песнопений, писали и оригинальные духовные сочинения, занявшие свое место в культурном наследии русских новосадцев⁷.

Из сохранившихся метрических книг русского прихода в Новом Саду⁸ можно почерпнуть интересные сведения о жизни колонии: в период между мировыми войнами крещено 124 ребенка, зарегистрировано 226 браков (из них — 40% смешанных), похоронено 225 русских. Всего в метрических книгах, которые велись с февраля 1922 г. по июнь 1955 г., занесено 385 имен скончавшихся русских (из них 70% мужского пола).

Об эмигрантском быте в Новом Саду свидетельствует ряд статистических данных: из 136 «чисто русских» браков всего в 63 случаях (46%) и жених и невеста вступали в первый брак. Из всех бракосочетавшихся в первый брак вступили 140 невест, во второй — 52, в третий — 6. Приблизительно то же соотношение характерно и для женихов. Случалось, что на 29-м году жизни жених вступал в третий брак (лейтенант флота Анатолий Григорьевич Балыц). Определением Епископского совета и Синода расторгнуто лишь 11 браков. В новосадской русской церкви в православную веру крестилось 55 католиков, 5 лютеран, по одной душе — реформатского, евангелического, униатского, иудейского и магометанского исповеданий (преимущественно местные граждане нерусского происхождения).

По данным метрических книг, беженцы первого поколения чаще всего умирали от сердечных заболеваний и туберкулеза. Резко выражена смертность группы 36-40 лет; причиной смерти были также самоубийства молодых и убийства, совершаемые душевнобольными.

Необходимо отметить, что новосадские русские свои требы совершали и в русских храмах Сремских Карловцев, Земунa, Панчево, Белграда, а также в местных сербских храмах и православной Военной часовне Введения Пресвятыя Богородицы в Петроварадине. Согласно решению Синода Сербской православной церкви, с декабря 1923 г. священники, определенные Высшим русским церковным управлением за границей служить в русских колониях, имели право венчать и вершить прочие чинодействия лишь беженцам, не

имевшим югославского подданства. Венчание в русском приходе югославских подданных считалось канонически незаконным⁹. Поэтому данные о колонии по одним только метрическим книгам не исчерпывающи. С другой стороны, в Новый Сад приезжали русские из других мест — крестить ребенка или «тихо» обвенчаться. Так, 8 (21) сентября 1924 г. в Новом Саду вступил во второй брак Василий Витальевич Шульгин, 46 лет, женившийся на дочери дворянина Марии Дмитриевне Седельниковой, девице 25 лет; она стала верной спутницей Шульгина до последних дней своей жизни.

¹ *Николаевъ К.Н.* Правовое положеніе Православной церкви народа русскаго, въ разсеяніи сущаго. Новый Садъ, 1934. С. 3.

² Деянія Русскаго Всеаграницаго Церковнаго Собора, состоявшагося 8–20 ноября 1921 года (21 ноября — 3 декабря) въ Сремскихъ Карловцахъ въ Королевствѣ С.Х. и С. Сремскіе Карловцы, 1922. С. 156; Деянія Второго Всезарубежнаго Собора Русской Православной Церкви за границей, съ участіемъ представителей клира и мирянъ, состоявшагося 1/14-11/24 августа 1938 года въ Сремскихъ Карловцахъ въ Югославіи. Белградъ, 1939. С. 745.

³ Игуменья Екатерина (графиня Евгения Борисовна Ефимовская) родилась в 1850 г. (Москва). В 19 лет она окончила университет. Ее поэтические сочинения публиковались в «Русском вестнике» М.Н.Каткова и «Руси» И.С.Аксакова. Графиня была знакома с И.С.Тургеневым и В.С.Соловьевым, увлекалась трудами А.С.Хомякова. В Москве она открыла школу для бедных девушек. По предложению епископа Холмско-Варшавского Монтя и обер-прокурора Св. Синода К.П.Победоносцева гр. Ефимовская, получив благословение старца Амвросия Оптинского, в 1884 г. создала православное сестричество в бывшем католическом монастыре польского села Лесна (Седлецкая губ.). При монастыре открывались детские дома, церковно-учительские школы, сельскохозяйственные курсы, больница, богадельня, покупались новые земли. В этих районах население отвергало унию, и вскоре здесь возникло еще несколько православных монастырей. Постепенно женское монашество Западного края России оказалось под духовным руководством игуменьи Екатерины, принявшей постриг в 1908 г.

В военные и революционные годы монахиням удалось эвакуироваться из Польши в Петроград, Витебскую и Нижегородскую губернии, а также в Бессарабию, куда попала и основательница монастыря вместе с настоятельницей игуменьей Ниной (Наталией Григорьевной Косаковской). Мать Екатерина, почетная игуменья Леснинского монастыря в Хопово, скончалась в 1925 г. Военные бедствия и полное разорение монастырей Фрушка-Горы при хорватской оккупации области Срем в годы Второй мировой войны вынудили Леснинскую обитель покинуть Хопово, а в 1950 г. и пределы Югославии. Эта обитель ныне имеет свой благоустроенный монастырь в Нормандии (деревня Провемон); при нем и Чудотворная икона.

⁴ *Зандеръ Л.* Съездъ въ Хопове // Путь: Органъ русской религіозной мысли (Парижъ), 1926, № 2.

⁵ Епископ Бачкский Высокопреосвященный Ириней (Иван Чирич; 1884, Сремски-Карловцы — 1955, Нови-Сад), выпускник сербской гимназии в Новом Саду, с отличием окончил московскую Духовную академию. Образование продолжил в Вене (д-р философии, 1908). Перед Рождеством 1908 г. принял монашество в монастыре Хопово, с 1909 г. сотрудник Патриаршей библиотеки и доцент по Ветхому Завету, археологии и еврейскому языку в семинарии Св. Саввы в Сремски-Карловцах. В 1919 г. назначен епископом Тимокским в Восточной Сербии, а 27 января 1922 г. — епископом Бачкским.

Владыка Ириней состоял председателем Духовного суда, заместителем председателя Св. Архиерейского синода Сербской православной церкви. Писал труды под псевд. «Ириней

Хоповский», выступал с докладами на соборах и международных научных конференциях. С греческого языка перевел труды Св. Василия Великого. В 1927 г. ему была поручена миссия устроить Православную церковь Подкарпатской Руси в Чехословацкой республике, которая с 1928 г. по 1947 г. составляла отдельную епархию при Сербской православной церкви.

⁶ Старшая дочь о. Феодора осталась в России, сын Юрий 18-летним погиб в Добровольческой армии. Вместе со вторым сыном Александром (1903–1996), в будущем архиепископом Лос-Анджелесским, он отступил с Русской армией ген. Врангеля и прибыл в Королевство СХС. Его жене и сыновьям Сергею и Константину, оставшимся в Киеве, в 1922 г. удалось нелегально перейти советско-румынскую границу и воссоединиться с семьей в Новом Саду. Отец Феодор был постоянным членом Епископского совета Русской зарубежной церкви и пользовался влиянием в монархистских кругах. С 1925 г. он некоторое время являлся настоятелем русского прихода в Белой Церкви, а до своего переезда (1936) на Святую Землю — прихода в Земуне близ Белграда. Прах его покоится на русском кладбище Елеонского монастыря (Израиль).

⁷ Ноты литургических и других песнопений Б.П.Арсеньева хранятся в Институте музыкознания при Сербской Академии наук и искусств в Белграде, а сочинения Б.М.Моисеева — в архиве при Успенском православном храме в Новом Саду.

⁸ Хранятся в Канцелярии Бачкского епископата в Новом Саду.

⁹ Гласник: Службени лист Српске православие патријаршије (Сремски Карловци), 1924, № 2.

Глашатаи русского искусства

Я променяю счастье всего Запада
на русский песенный лад печали

Ф. Ницше

Гражданская война вытеснила за пределы родины значительное число отечественных художников, артистов, музыкантов, танцоров... Столичные знаменитости обосновались в мировых культурных центрах, совершая турне и прославляя русское искусство. Менее известные, профессионалы или талантливые дилетанты, прибыли в большом количестве на Балканы как беженцы с юга России. О них сохранилось много отрывочных сведений: чаще всего это шумно разрекламированные в провинциальной прессе имена. Несмотря на то, что эти художественные натуры не обладали гениальностью, чтобы вести искусство по новому руслу, они самоотверженно хранили все созданное ранее, любимое, родное. Художники щедро делились тем, что сохранилось в памяти, в сердце. В незнакомых городах или отдаленных районах их принимали искренне, радушно. Главным являлись доступность, живой голос и подлинно русское исполнение. Они были миссионерами культуры, патриотами, прививавшими молодому эмигрантскому поколению любовь к Родине.

В нач. 20-х гг. часть русских литераторов и художников проявляет интерес к местным народным традициям, знакомится с интеллигенцией новой среды. Возникло несколько кружков и клубов для сближения русских с сербскими деятелями культуры. Совместными силами такие кружки в Белграде издали два-три литературно-художественных журнала. Эти двуязычные издания не удавалось сделать периодическими, так как средств обычно хватало лишь на первый выпуск. В одном из таких изданий, представляющем библиографическую редкость, находим призыв, характеризующий энтузиазм беженцев и их интересы:

«Белград — центр политической и художественной жизни Югославии и той части России, которая перекочевала сюда со всеми своими достоинствами и недостатками, талантами и бездарью, — должен быть центром и объединения славян. Не старая, уставшая Европа спасет родину, только в стенах Славянского Дворца зародится спасение истерзанной и умирающей той России... И мы кладем свой камень на постройку этого дворца. Мы покажем, что и здесь, далеко за пределами родины, живо творчество, живо искусство русское, что не иссяк источник вдохновения и только обострился от боли, от горьких мучений. Мы познакомим сербов с лучшими образцами

*творчества тех, кто на своих плечах перенес всю скорбь, все страдания маятной России»*¹.

В Белграде возникли эмигрантские литературные объединения: кружок «Гамаюн» (1923), Союз русских писателей и журналистов (1925), «Книжный кружок» (1927), содружество «Новый Арзамас» (1928), Союз ревнителей чистоты русского языка (1928), кружок «Литературная среда» (1934). 25–30 сентября 1928 г. в столице Королевства СХС состоялся *Первый съезд русских писателей и журналистов за рубежом*. В его работе приняло участие более сотни делегатов из многих стран рассеяния: Е.Аничков, З.Гиппиус, Б.Зайцев, А.Кизеветтер, А.Куприн, С.Мельгунов, Д.Мережковский, Вас.Немирович-Данченко, П.Струве, Е.Чириков и многие другие.

При белградском *Комитете русской культуры* возникла издательская комиссия, которая в 1929–1933 гг. выпустила 43 книги серии «Русская библиотека» — сочинения И.Бунина, Б.Зайцева, А.Куприна, Д.Мережковского, Е.Чирикова, К.Бальмонта, А.Ремизова, Н.Тэффи, И.Шмелева, И.Северянина, З.Гиппиус, И.Лукаша, М.Алданова и др., а также 10 книжек «Детской библиотеки» и 2 книги «Библиотеки для юношества»².

Весной 1930 г. в Белграде состоялась *Большая выставка русского искусства*, явившаяся событием в культурной жизни столицы. Экспонировалось свыше 400 работ российских живописцев и скульпторов, оказавшихся в разных странах. Наряду с работами А.Бенуа, И.Билибина, Н.Гончаровой, Б.Григорьева, М.Добужинского, К.Коровина, М.Ларионова, Ф.Малявина, И.Репина, Н.Рериха, К.Сомова, О.Цадкина, С.Чехонина были представлены произведения 38 русских художников Югославии³. Из Нового Сада на выставке были две работы: выпускник петербургской Академии художеств баталист Афанасий Иванович Шелоумов (1892–1983) выставил полотно «Атака ген. Врангеля на немецкую батарею», а питомец московской Академии художеств Владимир Семенович Курочкин (1883–1943) — работу «Новый Сад».

При поддержке югославского правительства, многих организаций и на пожертвования русских в 1933 г. торжественно открыт белградский *Русский дом им. Императора Николая II*. Величественное здание, в стиле «русского ампира», десять лет являлось центром научной, просветительной и художественной жизни эмигрантов, приняв под свои своды: Русский научный институт, Военно-научные курсы, Русскую публичную библиотеку, русско-сербские мужскую и девичью гимназии, начальную школу, общество «Русский сокол», два музея, театральную труппу, музыкальное общество, Союз русских художников и другие организации.

Культурная жизнь провинции протекала под знаком русского искусства. Новосадские газеты 20-х гг. хранят след нахлынувшей волны русских гастролеров:

оперных и эстрадных певцов, солистов балета императорских театров, музыкантов, народных хоров, трупп классического и пластического танца, артистов цирка... Можно было бы предположить, что местное население и русская колония этим обилием были утомлены и пресыщены; однако, напротив — в послевоенные годы интерес к культуре возрос, люди были утомлены войной.

Под влиянием гастрольных выступлений русских певцов при новосадском Сербском народном театре основана оперная труппа. За несколько лет существования (1920–1925) ею поставлено более 20 опер; большинство солистов, хористов и музыкантов составляли бывшие артисты оперных театров Петербурга, Москвы, Одессы, Киева, Варшавы, Тифлиса, принятые по контракту или приезжавшие на гастроли из Белграда⁴. Дирижерами труппы состояли Петр Иванович Колпиков и Федор Петрович Селинский (1874–1957), получивший музыкальное образование в родном Симферополе⁵. Спектакли ставил и могучий бас, многолетний музыкальный педагог Евгений Семенович Марьяшец (1883–1953). Супружеская пара, бывшие солисты Одесского оперного театра Надежда Николаевна Архипова (1894–1967) и Николай Сергеевич Баранов (1893–1933) открыли в Новом Саду частную школу вокала, бесплатно обучая талантливых учеников; из этой школы вышло несколько выдающихся югославских певцов. Позднее через профессиональный класс Ольги Константиновны Молчановой (1879–1971), выпускницы Киевской консерватории, бывш. солистки Киевского оперного театра, педагога новосадского Среднего музыкального училища, пройдет новая плеяда будущих оперных певцов.

Во время гастролей русских артистов балета в 1921 г. в балетную труппу при новосадском Сербском народном театре были приняты Елизавета Равская, Мария Соболева, Валентина Валина. Прима-балерина В.Валина несколько лет держала частную балетную школу (в 1922 г. ее посещало 45 учеников). Преподавателями танцев и ритмической гимнастики в местных школах являлись Вера Николаевна Горская и Вера Дмитриевна Чалеева-Гортынская (1901–1985).

Как пример насыщенности русским исполнительским искусством культурной жизни Нового Сада можно привести сезон 1923/24 гг., когда прошли гастроли русских солистов балета, а также Русской драматической труппы из Белграда (в постановке Ю.Л.Ракитина показана комедия-сатира из жизни российских беженцев «Индийский бог» А.Ренникова). Сербский народный театр поставил оперу «Евгений Онегин», на сербском языке в этом театре шли пьесы: Н.Н.Евреинова («Самое главное»), В.А.Рышкова («Государственный преступник»), по Достоевскому («Преступление и наказание»), И.Н.Потапенко («Любовь»), И.И.Мясницкого («Заяц», «Дядюшкин дом»), М.И.Рассудова

(«Эпидемия»), Н.В.Гоголя («Женитьба», «Ревизор»), И.С.Тургенева («Нахлебник»), В 1923 г. дала концерт Надежда Плевицкая, в январе 1924 г. состоялся литературный вечер Аркадия Аверченко. 2–7 марта 1924 г. с триумфом прошли спектакли труппы Московского Художественного театра при участии А.Вырубова, М.Германовой, В.Греч, М.Крыжановской, Н.Массалитинова, П.Павлова и др. Были показаны «Вишневый сад», «Дядя Ваня», «Село Степанчиково», «Екатерина Ивановна» (Л.Андреева), «Дочь моря» (Г.Ибсена), «Поединок жизни» (по Диккенсу). Вторые гастроли пражской труппы МХТ в Новом Саду состоялись в апреле 1926 г. (дано восемь спектаклей).

Народно Позориште
у Новом Саду

Представа 278.
У суботу, 19. маја 1923.

**ГОСТОВАЊЕ РУСКЕ ПОЗОРИШНЕ ТРУПЕ ИЗ БЕОГРАДА
УЗ СУДЕЛОВАЊЕ ЧЛАНОВА БЕОГРАДСКОГ НАР. ПОЗОРИШТА
Г-ђе СИБИРЈАКОВЕ г. г. РАКИТИНА и
МАРЈАШЕЦА и г-ђе РАКИТИН,
ЧЛАНИЦЕ ПЕТРОГРАДСКОГ ТЕАТРА.**

**НОВ КОМАД ИЗ ЖИВОТА РУСКИХ ИЗБЕГЛИЦА
ОД А. М. РЕЊИКОВА**

ИНДИЈАНСКИ БОГ

Комедија-сатера, у три чина. Редитељ: г. Ј. РАКИТИН

Л И Ц А :

<p>Николај Владимиров, Владимир, професор Али Петрович, млади човек Дмитриј Иванович, млади лекарски асистент Степан Иванович, млади лекарски асистент Зина Ефимовна, млада жена Петар Павлович, млади лекарски асистент Ульяна, млада жена Блаженко Павлович, млади лекарски асистент</p>	<p>г. Ефимов гђа Прокопјева гђа Рогова гђа Сибирјак г. Ј. Ракић г. Ракић гђа Ракић г. Ракић г. Ракић г. Ракић г. Ракић г. Ракић г. Ракић г. Ракић г. Ракић</p>
--	--

г. Ј. РАКИТИН, члан и режисер б. Императорског Позоришта и редитељ Нар. Позоришта у Београду, прикључио је у Београду.
г. Е. МАРЈАШЕЦ, члан Београдског Оперног позоришта, прикључио је у Београду.

Цене места:
св тикетом

Локс у партеру 100 Д. — Локс на сцени 120 Д. — Локс на галерији 40 Д. —
Страна 15 Д. — Чело 20 Д. — Позад 25 Д. — Преди 20 Д. — Галерија 1. ред 15 Д.
2. ред 10 Д. — Страна у партеру 8 Д. — Страна на галерији 6 Д.

Пролази улазница од десет на позоришну блочницу од 9—12 при подне, од 3—5 часова
по подне и од 6 часова у вече.

Обраћа се пажња публици да се после почетка и за време чина у позоришту
дворану нико неће пуштати

Представа почиње тачно у 8 сати у вече.

*Афиша гастролей Русской театральной труппы из Белграда.
Новый Сад, 1923 г.*

В октябре 1924 г. в Сербском народном театре А.А.Верещагин поставил спектакль «Палата № 6» по Чехову. Часто на гастроли в Новый Сад приезжала белградская Русская драматическая труппа (1925 г. — «Без вины виноватые»; 1927 г. — «Осенние скрипки»

И.Сургучева и т. д.). В марте 1926 г. прошло шесть спектаклей русской театральной труппы «Синяя птица» из Берлина. В 1927 г. на подмостках только что открытого и вскоре прогоревшего роскошного ресторана «Москва» выступил знаменитый эстрадный певец Юрий Морфесси. В феврале 1928 г. состоялся балетный вечер Тамары Карсавиной; в 1929 г. и 1934 г. дал концерты Хор донских казаков Сергея Жарова.

В 1928–1929 гг. в Сербском народном театре Нового Сада ставит спектакли и исполняет главные роли Лидия Васильевна Мансветова (1893–1966), питомица Петербургской консерватории и драматической студии Ю.Э.Озаровского при Александрийском театре. В нач. 20-х гг. актриса прибыла в Белград со своим супругом Александром Илиодоровичем Сибиряковым (1868–1936), бывшим руководителем одного из театров Одессы. После успешных гастролей их труппа русской драмы вскоре расформировалась, и супруги были вынуждены кочевать по театрам Королевства СХС: Загреб, Сплит, Сараево, Осиек, Сомбор, Новый Сад, снова Сараево, Сплит. Один сезон они проводят в Милане, Неаполе и Риме (Сибиряков работал в *Италии* как оперный режиссер). В Новом Саду Л.В.Мансветова ставит пьесы Л.Андреева («Анфиса»), Г.Ибсена («Нора»), А.И.Косоротова («Сон любви»), В.К.Винниченко («Ложь») и др. Столетие со дня рождения Л.Толстого Сербский народный театр отметил спектаклем «Анна Каренина» в инсценировке и постановке А.И.Сибирякова (открытие сезона 1928/29 гг.).

Мятежный и непоседливый Александр Александрович Верещагин (1885–1965), внук известного художника, выпускник петербургской студии Ю.Э.Озаровского, актер Театра В.Ф.Комиссаржевской, МХТ, «Старинного театра» Н.Н.Евреина, московского Интимного театра «Лоло», театров «Бергонье», «Кривое зеркало» и др., объездивший в 10-х гг. многие страны мира, киноактер в Париже, актер театров Риги, Ревеля, Батуми, — с 1919 г. ставил и играл десятки спектаклей в Белграде, Сараево, Загребе (создал там первую киностудию), Сплите, Скопле, Новом Саду, Осиеке, Сомборе... Перед конечным пристанищем в США артист дольше всего задержался в Новом Саду (с 1931 г. по 1944 г.), где одно время являлся художественным руководителем Сербского народного театра. Постановкой и игрой в спектакле «Васса Железнова» в феврале 1938 г. он отметил здесь 35-летие своей творческой деятельности. Его супруга Александра Лескова-Медведева (1891–1933), актриса и режиссер, тоже ставила пьесы и играла в них («Воскресение» по Л.Толстому, «Ревность» М.Арцыбашева).

На гастроли из Белграда в Новый Сад приезжал и Русский драматический театр. В феврале 1929 г. в Новом Саду выступили бывшие артисты МХТ, прославленные киноактеры Владимир Гайдаров и Ольга Гзовская. Известная в Европе супружеская пара режиссеров и актеров МХТ Вера Греч и Поликарп Павлов в 30-х гг. на сербской сцене

поставили несколько спектаклей русской классики и сами исполняли в них главные роли. Бывшая актриса Александрийского театра Мария Ведринская, вместе с Александром Череповым, провела творческий вечер в июле 1935 г.

В потоке гастролеров не затерялись и одаренные русские новосадцы. Концерты и спектакли устраивали местные труппы, состав которых постоянно менялся. Сегодня нет возможности судить об их художественном уровне и достижениях, но выступления отличались разнообразием исполнителей и имели успех у новосадских зрителей.

Печати организаций русской колонии в Новом Саду и виньетки русских издательств и типографий

Великолепный *Русский балалаечный оркестр* Георгия Диодоровича Черноярова основан в Новом Саду 28 декабря 1921 г. Ансамбль состоял из 16 музыкантов и танцоров, часто выезжал на гастроли по югославским городам, а в 1923 г. совершил большое турне по странам Европы, после которого обосновался в Париже.

Нам не удалось выяснить, состоялся ли 15 февраля 1922 г. в зале новосадской гостиницы «Свобода» широко афишированный концерт Духового оркестра Главнокомандующего Русской армией под управлением композитора Евгения Бодя-Бодя,

на котором должны были исполняться: его «военная опера» в трех действиях (сочиненная в Крыму во время гражданской войны), кантата «Вечерняя заря», увертюры «Приветствие сербам» и «Праздник в Македонии»⁶. В конце 20-х гг. Е.Е.Бодее-Бодей с семьей поселился в Новом Саду, преподавал музыку в сербской гимназии и руководил оркестром «Сокольские фанфары». Большинство музыкантов в оркестре были россиянами (Дмитрий Бибер, Зосима Заборщиков и др.). В нарядной сокольской форме этот оркестр украшал спортивные состязания, играл в городских садах, приглашался на городские парады и балы.

Широкую деятельность развили новосадское *Русское литературно-музыкальное общество* (1923–1925), *Общество русских дилетантов* (1923), *Русский кружок любителей искусства* (1924–1925). В 1924 г. возникло *Русское драматическое общество*, ставившее любительские спектакли. Председателем и художественным руководителем этого новосадского общества состоял юрист Михаил Алексеевич Соловьев (1874–1950). Сохранились сведения о постановке в 1928 г. Ф.Ф.Тургеневым и сотрудниками общества Л.Н.Бобковым и Г.Л.Леонидовым пьесы «Змейка» В.А.Рышкова; сбор от спектакля пошел на оказание помощи Русскому госпиталю в Панчево. Полковник Сергей Тихонович Хондажевский (1889–1944) готовил сочиненные им сцены из военной жизни — «Лубок». В январе 1929 г. в постановке А.И.Сибирякова, при участии Л.В.Мансветовой и местных сил (М.В.Семенов, В.М.Краснова, С.С.Усова и др.), Русское драматическое общество играло мелодраму «Маленькая женщина» О.Миртова.

Участницей новосадских любительских спектаклей в 20-х гг. была Мария Александровна Шретер (1890–1929), жена архитектора Ю.Н.Шретера. В их гостеприимный дом постоянно заходили на огонек друзья, талантливые люди и приезжавшие на гастроли артисты — В.Греч, П.Павлов, Л.Мансветова и др. Приходили певцы местной оперной труппы, режиссеры; писатель С.Р.Минцлов читал здесь свои произведения. Тут же с молодым архитектором-художником Виктором Рыбаковым за чертежной доской сидел хозяин, Юрий Николаевич, который нередко, прервав работу, сопровождал певца, исполнявшего романсы и арии из опер Чайковского, Рахманинова, Мусоргского.

В исполнении вокальных и музыкальных сочинений выделялись местные певцы Надежда Архипова, Николай Баранов, Вера Горская, Антонина Трегубова, Мария Ванифатова (урожд. Шевченко), Александра Флегинская, Сергей Усов, инструментальное трио в составе: Павел Фигуровский (скрипка), Петр Пожарский (виолончель) и София Полетика (фортепиано).

Живописью занимались Елена Николаевна Иеропольская, кн. Всеволод Иванович Ханьков-Лебедкин... В 30-х гг. во многих русских домах висели пейзажи, исполненные акварелью Валентиной Зиновьевной Румянцевой (подпись «Румянцевъ» на пейзажах ставил ее супруг Александр Иванович).

Хор трубачей Новосадской Кубанской станицы и удалые казаки-джигиты устраивали конные скачки и выступали в разных городах, неизменно вызывая общий восторг. Помимо джигитовки особенным успехом пользовались их номера «Атака кавалерии и контратака пехоты», «Свадьба» (похищение невесты со зрительской трибуны, при стрельбе), танцы — казачок, гопак, лезгинка. Позднее Хор трубачей перебрался в Италию, потом в Венгрию, Чехословакию и вновь оказался в Новом Саду. Под предводительством старшины ген.-майора Ивана Диомидовича Павличенко (1889–1961) большая группа казаков, к которой примкнули и казаки из других станиц Сербии, в мае 1929 г. выехала на постоянное поселение в Южную Америку. В Перу они должны были создать казачьи станицы, но стечением обстоятельств это им не удалось⁷.

Русское общество распространения национальной и патриотической литературы и возникший 12 ноября 1922 г. *Русский национальный кружок* имели целью объединить людей, преданных родной культуре, сохранивших ее дух и начала. Оба эти объединения устраивали лекции, литературные и музыкальные вечера. С 1925 г. кружок трансформировался в *Новосадское отделение Русской матицы*.

Ежегодно в Новом Саду, как и в других колониях, отмечались две даты: традиционный «Татьянин день» — 25 января, оканчивавшийся балом, и «День русской культуры» — 6 июня, в день рождения Пушкина, сопровождаемый лекциями по отечественной культуре, годовым отчетом о деятельности колонии и спектаклем.

Насыщенная культурная деятельность облегчала жизнь на чужбине, но и замыкала колонию в ее узкие рамки. Однако в Новом Саду, с его пестрым этническим составом населения, это не было так заметно, поскольку венгры, немцы, евреи, словаки тоже имели свои кружки, школы, газеты.

¹ Медуза: Двухнедельный литературно-художественный журнал (Белградъ), 1923, № 1.

² О литературной и издательской деятельности русской интеллигенции в Югославии см.: *Ђурић О.* Руска каижевна Србија: 1920–1941 (Писци, кружоци и издања). Горњи Милановац; Београд, 1990. С. 301.

³ Велика изложба руске уметности: Каталог. Београд, 1930. С. 37.

⁴ Ангажементы в Новосадскую оперу получили солисты: Елена Ловшинская, София Драусаль, Надежда Архипова, Варвара Сибирякова, Вера Горская, Николай Баранов, Василий Ширай, Константин Жукович, Михаил Верон-Волконский, Евгений Марьяшец, Александр Тростянский, Виктор Григорьев, Наркис Гукасов. Постоянными гастролерами

выступали: Лев Зиновьев, Георгий Юрнев, Елизавета (Лиза) Попова, Павел Холодков, Михаил Каракаш, Евгения Вальяни, Ксения Роговская-Христич, Александр Ригго, Марк Марков, Ольга Шмидт-Кринская, Анна Юренева, Неонила Волевач, Анна Дориан и др. Многие из этих певцов вскоре разъехались по странам Европы.

Хор труппы составляли исключительно русские. Его полный состав в сезоне 1925/26 гг.: Елизавета Равская, Ксения Муравцева, Ольга Тургенева, Антонина Трегубова, Мария Шевченко, Александра Флегинская, Евгения Энгельгардт, Елена Эрдман, Николай Аплечеев, Сергей Вендерович, Валериан Калинин, Николай Мельников, Даниил Таран, Сергей Федоров, Григорий Янышев (Народно позориште у Новом Саду: Годишњак позоришне сезоне 1925/26. Нови Сад, 1926. С. 7).

⁵ В 30-х гг. П.И.Колпиков в Новом Саду был дирижером оперетт. Ф.П.Селинский во 2-й пол. 20-х гг. переехал в Белград; с первых дней Белградского радио (1929) он состоял при нем руководителем симфонического и эстрадного оркестров.

⁶ Местная газета «Застава» подробно информирует лишь о первом визите и восторженном приеме, оказанном 18 марта 1922 г. ген. Врангелю.

⁷ *Королевичъ Петръ*. История переселенія казаковъ въ Республику Перу Новый Садъ, 1930. С. 138.

Сохранили память о себе...

Российские специалисты, принятые на работу в административные, промышленные и хозяйственные учреждения, оставили глубокий след в стремительном послевоенном развитии Нового Сада. Русская интеллигенция не забывала о своей родине, но считать ее беженской, «сидящей на чемоданах» уже нельзя: люди освоились на местах, соответствовавших их профессиям. Без них, как опытных специалистов, зачастую было уже не обойтись, хотя они и не занимали руководящих постов. Они были самоотверженно погружены в работу и довольствовались получаемым окладом. Большинство из эмигрантов, состоявших на государственной службе, должно было принять югославское подданство; в 30-х гг. это условие относилось и к членам их семей.

Под руководством микробиолога Дмитрия Федоровича Конева (1864–1947), бывш. профессора Харьковского ветеринарного института, профессора Белградского университета, с 1921 г. в Новом Саду началось строительство впоследствии известного Пастеровского бактериологического института, в котором нуждалась вышедшая из войн страна. Начальником Военного госпиталя в Петроварадине стал врач Гавриил Иванович Гладилин. В 30-х гг. аптекарем при этом госпитале назначен магистр фармации Аристарх Александрович Пель. Амбулаторией Российского общества Красного Креста в Новом Саду (при которой два года существовало отделение для выкармливания младенцев — «Капля молока») заведовал врач Павел Иванович Плищенко¹.

В Новом Саду работали и другие врачи старшего поколения — военный врач Василий Александрович Муханов, Надежда Тума-новская, венеролог Александр Георгиевич Передельский, Владимир Николаевич Архангельский, Петр Феликсович Пожариский, зубные врачи Стефания Ромуальдовна Соколова, Лидия Яковлевна Соколова-Ротова, а позднее — русские врачи, окончившие высшие школы уже в Югославии: фтизиатры Михаил Михайлович Суетин² с супругой Екатериной Федоровной, Анна Николаевна Букина, Вера Степановна Кисловская, Валентин Автономович Лопушанский, Владимир Александрович Борисевич, Ирина Николаевна Белопольская-Бергер и др.

Русские внесли существенный вклад в развитие сельского хозяйства Югославии. На Сельскохозяйственном факультете в Белграде преподавало много профессор-эмигрантов из Киева, Харькова, Ростова-на-Дону. В период 1925–1932 гг. из 96 дипломов, врученных выпускникам факультета, 58 получили русские³. В Новом Саду научными разработками при Институте агрономических исследований занимались Виктор Карлович

Нейгебауэр, Николай Николаевич Полинский, Евгений Владимирович Гибш-ман, Михаил Васильевич Смолянников, Сергей Андреевич Кисловский. Их труды по семеноводству, хлебным злакам и кукурузе достойно оценены специалистами⁴.

В Областном финансовом управлении служили д-р права Владимир Флегинский, Александр Игнатъев, Аполлинарий Вишневецкий, в комендатуре 1-го армейского округа — инженер Евгений Ермаков и ветеринарный врач Александр Зольберг, на бирже — юрист Федор Калишевский.

На государственной службе новосадского Управления строительными работами в 1924 г. числилось более 20 русских, среди которых ген.-майор Генерального штаба Аркадий Заболотный, инженеры Георгий Зилов, Сергей Картаци, Владимир Козицкий, Сергей Маккавеев, Дмитрий Михайловский, Константин Паризо де ла Валетт, Николай Погорецкий, Михаил Соколов, Михаил Шашкевич, Юрий Шретер. Подрядчиками строительных работ были Евгений Авраменко, Николай Ильинский, Сергей Поздняков, Иван Сарнавский. Надстройкой здания новосадского почтамта (1924–1925 гг.) руководил Георгий Скуратов. В разработке

Русский классицизм в Новом Саду: Офицерский дом. На переднем плане: архитектор Ю.Н.Шретер и инженер М.М.Иванов. 1923 г.

проектов общественных зданий деятельными сотрудниками являлись белградские архитекторы Андрей Васильевич Папков, Петр Дмитриевич Анагности и др.

Видное положение в Новом Саду занимал архитектор Юрий Николаевич Шретер (1888, Одесса — 1976, Сантьяго, Чили). Перед самой войной он окончил архитектурное отделение Института гражданских инженеров в Петербурге. Война и революция не дали

ему возможности поступить в Академию художеств, прерваны были и переговоры о работе у знаменитого архитектора А.В.Щусева. Оказавшись с семьей в эмиграции, в 20-х гг. Юрий Николаевич проектирует в Новом Саду общественные здания, отличающиеся стилистическими особенностями русского классицизма («русского ампира»), жилые дома, особняки: Офицерский дом (1923) на Белградской набережной, 9; амбулаторию (1925) на бульваре М.Пупина, 23; дома по ул. С.Милетича, 13 и 17, ул. Л.Те-лечког, 10; виллу по ул. Н.Тесла, 20 и др. Большую часть своей службы в Королевстве Югославия Ю.Н.Шретер занимался проектированием и строительством объектов военной и гражданской авиации в Новом Саду, Земуне, Сушаке, Любляне.

*«Русский ампир» в Новом Саду: здание амбулатории.
Архитектор Ю.Н.Шретер. 1925 г.*

Преподаватель сербской гимназии Владимир Семенович Курочкин (1883-1943), выпускник московской Академии художеств, бывш. преподаватель Ришельевской гимназии и управляющий Городским музеем Одессы, с 1922 г. в Новом Саду вел курсы рисования и черчения. По его эскизам выполнены витражи на окнах новосадского православного Николаевского храма.

Заметный след в культурной жизни города оставил Павел Александрович Фигуровский (1889-1959), сын священника, окончивший Московское коммерческое училище, есаул Кубанского войска. Более 15 лет он был регентом новосадского любительского хора ремесленников «Невен». Широкий репертуар этого хора

включал классические русские духовные песнопения. Павел Александрович являлся также регентом сербского Соборного храма Св. Георгия и венгеро-немецкого

хора. В 30-х гг. хором униатского храма Св. Апост. Петра и Павла и русинским хором «Максим Горький» управлял Алексей Николаевич Аплечеев.

Среди русских в городе проживали и юристы. Своей деятельностью общее уважение снискали: бывш. судья одесского Окружного суда Михаил Алексеевич Соловьев (1874-1950), бывш. прокурор Николай Михайлович Смирнов (1870-1939), адвокаты — Павел Николаевич Соколов (1876-1929), Михаил Константинович Павлов (1884-1940), Сергей Петрович Метельский (1893-1981), Петр Строчкий, Алексей Григорьевич Высота, юристы — Николай Николаевич Петров, Сергей Петров, Владимир Георгиевич Эрдели.

В декабре 1928 г. нотариус новосадского Апелляционного суда д-р права Георгий Аполлинариевич Вишневский по указу Королевской канцелярии назначен на высокий пост районного судьи. В России Г.А.Вишневский был членом Государственной думы, близко сотрудничал со славянофилом гр. В.А.Бобринским, содействовал оказанию помощи Сербии во время мировой войны, состоял председателем Красного Креста Юго-Западного фронта. В новосадской среде Георгий Аполлинариевич пользовался особой симпатией, так как его предки являлись сербами — выходцами из здешних краев: генерал Федор Вишневский и его сын полковник Гавриил Федорович в 1750-х гг. возглавляли комиссию по переселению сербов в Россию (при императрицах Марии Терезии и Елизавете Петровне).

Добрую память о себе оставили русские преподаватели сербских гимназий Д.В.Скрынченко, А.А.Сердюкова, д-р А.И.Шпаковский, д-р В.М.Работин, М.М.Чайковский, Е.Е.Боден-Бодей, Ф.О.Ревва, К.А.Роде, М.С.Эрдели (урожд. Хитрово), В.Н.Горская, В.С.Курочкин, И.И.Сергеев, Ф.И.Степанов, А.З.Танцов, Е.Я.Федорова, а после Второй мировой войны — частные преподавательницы иностранных языков Е.Д.Черноярова, А.И.Мирович, Е.Ф.Тельнова, Н.А.Чеснокова, В.В.Нейгебауэр, Т.А.Арсеньева, М.В.Порошина и др.

Известным филателистом был Георгий Георгиевич Филевский (1891-?), выпускник Николаевской Морской академии в Петербурге, чиновник налогового отделения новосадского Городского управления.

Со дня основания новосадского шахматного клуба в 1922 г. в нем выделялись русские: ген.-майор Генштаба Владимир Иванович Сенча (1868-1954), Герман Сергеевич Грибушин (?—1980), Владимир Николаевич Борисов (1875-1928), Николай Сергеевич Баранов (1893-1933) и *spiritus movens* клуба Николай Степанович Кулжинский (1900-1974), который 14 раз ежегодно оказывался победителем городских шахматных турниров. В конце декабря 1930 г. Новый Сад посетил чемпион мира по шахматам А.А.Алехин; в кругу колонии он встретил Новый 1931 год.

Одним из первых русских, обративших на себя внимание новосадцев и снискавших всеобщее уважение, был Григорий Спиридонович Петров (1867-1925), выпускник петербургской Духовной академии, публицист, христианский демократ. Как проповедник-оратор, он был известен всем сословиям в России: воспитывал детей великих князей, а знали его и обитатели столичных трущоб. Странником Петров исходил всю Россию, произнес более 9 тысяч проповедей. Его гуманными идеями и поступками вдохновлялся молодой М.Горький. За политическую деятельность и свободолюбие, особенно в вопросах Русской церкви, Синод в 1907 г. лишил его сана священника.

По прибытии в Королевство СХС (1920) Г.С.Петров быстро освоил сербский язык и исходил все уголки страны, прочитав более полутора тысяч популярных лекций-проповедей, в которых призывал к труду, радости жизни, любви к человеку и природе, миру прекрасного. За время сравнительно короткого пребывания в Югославии он опубликовал на сербском языке свыше 30 брошюр, некоторые из них вышли в Новом Саду⁵. Сегодня эти дешевые, доступные издания могут показаться наивными, малосодержательными; однако при этом нельзя не учитывать уровень неграмотных масс того времени и опыт оратора преподносить им духовные ценности. Правление Матицы сербской, оценив это, охотно направляло Петрова в деревни Воеводины.

После неудачных операций Григорию Спиридоновичу в Русском госпитале Панчево и больницах Белграда нашлись люди, которые собрали средства на его лечение в Париже, где он скончался, не дождавшись очередной операции. Прах его был перевезен в Югославию и многие годы, до отправки урны в США, покоился в Новом Саду.

С кафедры Матицы сербской часто выступали русские профессора, проживавшие в университетских городах Королевства. Иногда из Сремских Карловцев приезжал в Новый Сад и произносил проповеди глава Русской зарубежной церкви блаженнейший Антоний (Алексей Павлович Храповицкий; 1863–1936). О подвижнической жизни и деятельности митрополита Антония сохранилось немало количество литературы, которая вместе с его опубликованными трудами составляет целую библиотеку. Один из образованнейших людей своего времени, непримиримый борец за Православие, глубокий ученый, мыслитель⁶, — митрополит Антоний продолжал писать и в эмиграции. Более 20 его книг и брошюр опубликовано в Югославии (некоторые из них в Новом Саду). Они имеют значительную духовно-этическую ценность; основываясь на вековых устоях российской государственности и Христианства, труды митрополита Антония занимают достойное место в богатейшем наследии отечественной философско-религиозной мысли.

¹ П.И.Плищенко (1882–1944) в Севастополе состоял в должности старшего врача Черноморского флотского экипажа, а во время войны — старшим врачом «Алмаза», затем — минного корабля «Император Александр III». (см. Альманахъ Русская эмиграція 1910–1930 гг. Вып. 1. Белград, 1931. С. 42).

² М.М.Суетин (1901–1972) — брат известного ленинградского художника-супрематиста Николая Суетина.

³ Педесет година Пољопривредног факултета 1919/20 — 1969/70. Београд, 1970.

⁴ О научной деятельности С.А.Кисловского и Н.Н.Полинского см.: *Bilten Saveta za naučni rad N.R.Srbije* (Beograd), 1960, № 9. S. 21–24, 34–40.

⁵ Душа руског народа. 1921; Ковач-научењак. 1922; Сократ и ми. [б.г.]; Руска уметност. [б.г.]; Сельак-банкар. 1922; Политика и религија. 1925 Почетак мудрости, [б.г.].

⁶ Было распространено мнение современников, что Достоевский писал Алешу Карамазова с Алеши Храповицкого. Л.Толстой заявлял, что опасается «Антониевского магнетизма» и, с доброжелательством отзываясь о критических замечаниях архимандрита, часто говорил, что его понимает только о. Антоний (*Рхлицкій Н.П.* Краткое жизнеописание блаженнейшаго Антония, митрополита Киевскаго и Галицкаго. Белградъ, 1935. С. 46).

Общества и политические группировки

Видный исследователь культуры Карл Романович Кочаровский (1870–?), утверждавший, что эмиграция — *послание*, а не *изгнание*, что ее миссия — способствовать трансформации (а не реставрации) России, писал:

«В духовном и общественном смысле зарубежных можно разделить на четыре основных группы: 1) часть их доживает век без всяких духовных и общественных интересов; 2) множество мелких группировок кипит в политиканстве, думая куда-то “вести” Россию; 3) есть несколько групп, более даровитых и культурных <...>, стремящихся “служить” России; 4) некоторые <...> зарубежники носят в душе немало “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”, но хранят их про себя, хотя и живут Россией и думают о будущем»¹.

Приложить эту условную классификацию к новосадской колонии трудно, хотя в ее среде и были мелкие политические группы или деятельные одиночки. О них почти не сохранились сведения. За сравнительно короткий период многое менялось на европейской сцене и в Югославии, в условиях жизни русских, поэтому эволюционировали и их позиции или формы деятельности.

Членский билет новосадского отдела
Союза русских военных инвалидов. 1926 г.

Несколько первых лет среди беженцев отмечаются схожие устремления и общие интересы. Не было споров, партийных или сословных размежеваний. Люди близких профессий, однокашники, земляки — находят друг друга, объединяются. В этом плане главную роль играла организованная общественная жизнь русских в Белграде. Там

создаются десятки всевозможных объединений, а в провинции — их филиалы. В шутку говорили, что русских организаций больше, чем самих беженцев².

Постепенно русские активнее проявляют себя на общественно-политической сцене. Так, от Первого окружного съезда земских гласных, проживающих на территории Воеводины, который состоялся 29 мая 1921 г. в Новом Саду, премьер-министру Н.Пашичу и ген. Врангелю были направлены приветственные письма. Во втором указывалось: «Мы — представители земской России, признаем в Вашем лице единственного представителя русской государственной власти, которому должны быть подчинены все государственные и общественные установления, впредь до того дня, когда восстановлена будет на нашей Родине историческая власть»³.

В прессе встречаются и другие свидетельства: «Во исполнение решения общего собрания новосадской колонии, правление ее, после совещания со всеми местными политическими русскими организациями, постановило: “Сим заявляем свой протест против возможности каких-либо переговоров, а тем более признания советской власти на предстоящей конференции в Генуе”»⁴.

Эмигранты старших поколений образовали политические группировки почти исключительно правой ориентации: *Новосадский национально-монархический союз* (тр. В.А.Бобринский), *Русский национально-освободительный комитет* (С.Ф.Шульгин), *Новосадское русское правление верноподданных* и офицерские объединения: *Новосадский отдел Общества русских офицеров в Королевстве СХС* (ген.-лейтенант А.Н.Розеншильд фон Паулин, гвардии полковник Л.Н.Трескин, полковник Н.И.Любомиров), *Общество офицеров Генштаба в Новом Саду* (полковник А.Л.Мариюшкин), *Общество офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС* (ген.-майор В.М.Ткачев), *Новосадский отдел Общества галлиполийцев* (полковник Д.М.Краснописцев, ген.-майор А.А.Брунн), *Новосадский отдел Первопоходников* (1-го Кубанского, «Ледяного» похода; ген.-майор А.Н.Черепов). Позднее сформировались новосадские филиалы *Корпуса Императорской Армии и Флота* (ген.-лейтенант К.В.Апухтин) и *Лиги русских офицеров и солдат запаса за границей*.

Новосадский отдел *Союза русских военных инвалидов* возглавлял полковник Александр Николаевич Сорочинский, секретарем отдела состоял капитан Николай Николаевич Андреев. К 1927 г. в Новом Саду проживало более 80 военных инвалидов⁵. На подаренном городскими властями участке в нач. 30-х гг. отделу удалось построить дом-приют для одиноких и семейных инвалидов. Он содержался на средства парижского центра Союза русских военных инвалидов, субсидии югославского правительства и частные пожертвования.

Ген.-майор В.М.Ткачев. Новый Сад, 1920-е гг.

Русское офицерское собрание Нового Сада размещалось в одноэтажном доме на площади Трифковича. Всего в городе и его окрестностях проживало не менее 40 генералов и 150 полковников Русской армии.

Деятельность филиалов военных объединений проявлялась в оказании материальной и моральной помощи своим членам, сохранении памяти о военно-исторических событиях недавнего прошлого. Эти объединения устраивали чтения докладов («Великая галицийская битва», «Брусиловский прорыв» и т.п.), обсуждали сообщения русской военной и политической печати, участвовали в издании белградских сборников и памяток, отмечали юбилеи, знаменательные даты и праздники, заказывали панихиды, молебны, устраивали вечеринки, балы, торжественные собрания, чествовали приглашенных или проезжавших через Новый Сад именитых гостей. Несомненно, в их рядах велись и споры о причинах поражений в гражданской войне, о будущей роли офицерства, оценивалась деятельность вождей эмиграции.

Среди военных новосадской колонии выделялся чиновник гражданской авиации, бывш. ген.-лейтенант Генерального штаба Анатолий Николаевич Розеншильд фон Паулин

(1860-1929), кавалер Золотого оружия русско-японской войны и отличившийся в августе 1914 г. начальник 29-й пехотной дивизии. В феврале 1915 г. он пережил трагическую гибель 20-го армейского корпуса, ранение и плен. Историки считают его одним из самых способных русских военачальников периода Первой мировой войны⁶. Анатолий Николаевич опубликовал в эмигрантской периодике несколько работ по военной стратегии, фрагменты своих воспоминаний.

Между мировыми войнами Новый Сад стал важнейшим авиационным центром молодого Королевства. С 1918 г. здесь находился Первый воздухоплавательный полк с авиабазой при крупнейшем в стране аэродроме. Позднее были открыты авиационная школа, авиазавод и авиаклуб. На службу охотно приняли более 30 русских пилотов, инструкторов, авиамехаников, радиотехников. Летом 1921 г. они основали *Общество офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС*. Ген.-майор Вячеслав Матвеевич Ткачев (1885-1965), бывш. начальник авиации при Верховном Главнокомандующем Русской армией, состоял бессменным его председателем. В 1922 г. ряды общества пополнились прибывшими с Галлиполийского полуострова летчиками.

В уставе этой организации, который 15 марта 1922 г. утвердил ген. Врангель, отмечалось: «Цели общества: национальное и моральное объединение офицеров; взаимная поддержка, защита их чести и достоинства; осуществление приобретения званий; забота о военных инвалидах»⁷.

Журнал «Наша стихия». Новый Сад, 1923 г.

Объединение в 1923 г. издало «Бюллетень» и три выпуска журнала «Наша стихия»⁸. Ответственным редактором журнала значился ген.-майор В.М.Ткачев, а сотрудниками — ген.-майор И.П.Степанов, инженер А.В.Нестеров, летчики К.Н.Антонов, А.А.Кованько, В.И.Стрижевский и др. Во вступительной статье 1-го выпуска редакция заявляла: «Пусть журнал явится первым камнем в фундаменте памятника прошлому русской авиации и павшим героям». «Наша стихия» публиковала научные труды, исторические очерки, воспоминания, обзоры достижений мировой авиации, хронику. В литературном отделе 1-го выпуска помещен рассказ Евгения Чирикова. Журнал вскоре перестал выходить, но русские летчики продолжали сотрудничать в югославских изданиях по авиации.

Необходимо отметить, что уже в 1923 г. это общество проявило инициативу по организации в стране авиапочты и пассажирских рейсов Белград-Загреб, Белград-Сараево и Белград-Цетинье. Однако условия для появления гражданской авиации в Югославии

создались лишь к 1928 г. Первыми и самыми выдающимися летчиками «Аэропути» были русские — Владимир Иванович Стрижевский (1894-1940), Виктор Михайлович Никитин (1893-1933), Михаил Сергеевич Ярошенко (1893-1936). При недостаточном оснащении самолетов контрольными приборами все они погибли, совершая полеты в неблагоприятных погодных условиях.

К 1925 г. в Обществе офицеров Российского военно-воздушного флота в Королевстве СХС числилось 169 членов из разных городов и стран. Почетным членом состоял известный авиаконструктор И.И.Сикорский, проживавший в США. Русские летчики и инженеры внесли в югославскую военную авиацию свои знания и опыт, особенно при постройке первого в стране военного аэроплана. Инженер-авиаконструктор Николай Иванович Лобач-Жученко (1888—?) конструировал самолет «Ресава». Пилот полковник Константин Николаевич Антонов (1888—1965) занимался планеризмом, в 1940 г. издал капитальный труд по этой теме. Ген.-майор В.М.Ткачев также сотрудничал в сербской военной периодике, а на русском языке публиковал свои лекции по тактике воздушных сил⁹.

Летом 1923 г. в Новом Саду произошло незаурядное событие, взволновавшее общественность и насторожившее власти. Русский полковник авиации Иван Лойко и капитан Павел Кочан (не состоявшие членами общества) решили осуществить побег в Советскую Россию и 7 августа 1923 г. угнали военный самолет типа «Бреге». Из-за неисправности в двигателе они вынужденно приземлились у бессарабско-румынской границы, были арестованы, препровождены в Петроварадинскую тюрьму и судимы. Согласно советским источникам, преодолев большие препятствия, они впоследствии оказались в СССР¹⁰.

Военная авиация Королевства СХС располагала устаревшими моделями французских аэропланов и летательными аппаратами, использованными в прошедшей войне. Это вызывало частые аварии. В числе погибших два отважных русских летчика: Александр Александрович Кованько (1889-1926), подполковник авиационного дивизиона Русской армии, бывш. инструктор Гатчинской военно-авиационной школы, авиаконструктор, сын российского воздухоплователя ген.-лейтенанта А.М.Кованько; через год после его гибели в Новом Саду разбился полковник Русской армии Николай Анатольевич Кутейников (1888-1927).

Основателем метеорологической станции на Петроварадинской крепости был полковник Николай Фролов, радистом стал инженер Михаил Иванович Шибаев (1883-1923).

Инспектором военных летательных аппаратов, закупаемых югославским правительством, некоторое время состоял инженер-механик Александр Николаевич Веденяпин, выпускник петербургского Политехнического института. Забрав в нач. 30-х гг. партию ненадежных моделей французских аэропланов, он отказался принять их, не подчинившись даже приказу военного министра. Александр Николаевич был вынужден подать в отставку и решил покинуть страну. Из Нового Сада он перебрался в Бейрут, а затем в Триполи, многие годы занимая ответственный пост в ливанской авиации.

Среди летчиков в Новом Саду особым уважением пользовался Сергей Матвеевич Урвачев (1893–1973). Выпускник московской Военной академии, преподаватель военного училища, он отпросился на фронт и был зачислен в дивизию ген. Н.А.Лохвицкого, которая, перевалив 35000 км, весной 1917 г. через Дальний Восток прибыла во Францию — на помощь союзнице. Офицера Урвачева вскоре направили на авиационные курсы. Вне родины его застало подписание большевиками Брест-Литовского мира, воспринятого в среде офицеров-патриотов как позор России. Связавшись с военным представителем Сербии в Париже, Сергей Матвеевич предложил организовать добровольное вступление русских летчиков в Сербскую армию. Вскоре первая группа их уже участвовала в решительных боях по прорыву Салоникского фронта. После завершения операции летчики подали в отставку и отбыли в Добровольческую армию.

Оказавшись в 1920 г. в Сербии, С.М.Урвачев шесть лет состоял инструктором полетов при новосадской Авиационной школе, а с 1926 г., приняв югославское гражданство, служил в Военно-воздушных силах Королевства СХС и выполнял рискованные испытательные полеты, дослужившись впоследствии до чина подполковника. Ему в Новом Саду был выделен участок земли, на котором он отстроил дом и жил с супругой в достатке.

Преподавателями-инструкторами новосадской Авиационной школы в 30-х гг. были подполковник Борис Александрович Горн, Владимир Александрович Тихомиров, Михаил Митрофанович Акрит. Видные посты на аэродроме занимали инженеры Сергей Александрович Корсунский и граф Олег Мстиславович Гудович.

В истории воздухоплавания Королевства СХС отмечено и имя русского летчика-истребителя полковника Леонида Ивановича Байдака (1880–1979). Вместе с югославским асом Т.Сондермайером в 1927 г. он совершил успешный полет из Белграда до Бомбея и обратно, приземлившись в Новом Саду.

Помимо упомянутых, летчиками военной или гражданской авиации в Новом Саду служили: Сергей Шебалин, Иосиф Прокофьев, Георгий Янковский, братья Мстислав и

Александр Ревизины, Сергей Ложкин, Петр Мазаев, Борис Климович, Константин Буссов, Дмитрий Коровников, Николай Румянцев, Яков Стрижаков, Борис Легат, Николай Лавровский, Филипп Баранов, Александр Винтяков, Даниил Марш-Маршал, Евгений Семенов, Всеволод Штюрмер, Николай Гончаренко, Алексей Гаврильченко и др. Специалистом в области аэросъемки был Константин Кнепфер.

*Русские летчики в Новом Саду:
Михаил Ярошенко и Петр Мазаев. 1933 г.*

Несомненно, во многом благодаря русским летчикам и инженерам, которые служили на всех авиабазах Королевства, военная, а позднее и гражданская авиация Югославии занимала одно из ведущих мест в Европе.

Мощной военно-политической организацией в Королевстве СХС считался *Русский общевойсковой союз* (РОВС), учрежденный по приказу ген. Врангеля 1 сентября 1924 г. До переезда Главнокомандующего в Брюссель (1926) центром РОВС были Сремские Карловцы. Эта организация объединяла и держала на учете русских офицеров всего зарубежья, сотрудничала с политическими группировками эмиграции и иностранными разведками. Монархистские организации упрекали РОВС в «непредрешенстве»,

истолковывая его позицию как отсутствие положительной программы, способной вдохновить на действие. «Непредрешенство», это неказистое, неуклюжее слово, РОВС разворачивал в понятие «сильная национальная власть в правовом государстве»¹¹. После кончины ген. Врангеля (1928) и похищений органами ОГПУ-НКВД начальников РОВС ген. А.П.Кутепова (1930) и ген. Е.К.Миллера (1937) союз возглавляли ген. Ф.Ф.Абрамов, ген. А.П.Архангельский и др.

В декабре 1930 г. ген. Миллер посетил Новый Сад. Помимо встреч с русскими он отдал визиты мэру города и коменданту 1-го югославского армейского округа. В сентябре 1938 г. ген. Архангельский инспектировал IV (югославский) отдел РОВС; 24 сентября он находился в Новом Саду, где ему были представлены чины новосадского филиала, который возглавлял ген.-майор Александр Николаевич Черепов (1877—1964)¹².

Близким к РОВС было *Братство русской правды* — конспиративная эмигрантская организация, пытавшаяся связаться с враждебными советской власти элементами в России. Югославскую секцию в Белграде возглавил С.Н.Палеолог; причастной к братству была и группа русских офицеров, проживавших в Новом Саду.

С 1924 г. в рядах русской эмиграции Европы и Америки некоторое время действовала *Лига по борьбе с III Интернационалом*, основанная по инициативе швейцарца Теодора Обера. Членом бюро лиги был Ю.И.Лодыженский, руководитель Российского общества Красного Креста в Женеве, встретившийся с ген. Врангелем в августе 1924 г. и затем поддерживавший с ним контакты. Представителем антикоммунистической, преимущественно осведомительной, «Лиги Обера» в Новом Саду состоял Николай Иванович Антонов (1859-1938), бывш. член Государственной думы, а после него — Виктор Николаевич Вржещ.

При РОВС в 30-х гг. возникли Военно-училищные курсы по подготовке к офицерскому званию выпускников русских кадетских корпусов и гимназий. Число окончивших курсы за 5-7 лет их существования незначительно.

Одновременно при Корпусе императорской армии и флота открыты Унтер-офицерские курсы с производством выпускников в чин прапорщиков. В январе 1931 г. в Белграде основан филиал парижских *Зарубежных высших военно-научных курсов проф. Н.Н.Головина*, задачей которых было: с одной стороны, дать военное образование молодому русскому поколению за рубежом, а с другой — подготовить кадры военных ученых для будущей работы в возрожденной России. Эти курсы являлись беспартийными, программа их была рассчитана на пять лет заочного обучения¹³.

Другие русские военные организации также занимались учебной работой. При Обществе офицеров инженерных, технических и железнодорожных войск действовали

Военно-технические курсы (радиошкола, автошкола), при Обществе артиллеристов с 1937 г. существовали курсы стрельбы. Инструкторы приглашались и в провинцию.

В 1936 г. открыт белградский *Русский военно-научный институт*, при котором вскоре возникли специальные одногодичные курсы. Филиалом этого института в Новом Саду руководил ген.-майор Генерального штаба Михаил Милошевич Георгиевич (1883-1969; родился в Киевской губернии от отца-сербя, получившего высшее образование в России)¹⁴.

Независимо от РОВС при эмигрантских офицерских союзах в Югославии, Франции и Чехословакии возникла *Лига русских офицеров и солдат запаса за границей*, имевшая девиз «За Веру, Царя и Отечество». Ее основателем был белградский педагог, бывший офицер Владимир Игнатьевич Гринь (1885–?). Отмечая, что после кончины ген. Врангеля (1928) и Вел. Кн. Николая Николаевича (1929) изменилось соотношение сил эмигрантских политических группировок (усилились три: монархисты-легитимисты, казаки, украинцы) и, далее, учитывая реальные возможности и международную обстановку, — лига в декларации от 18 мая 1937 г. ставила своей патриотической задачей освобождение от большевиков Украины и Дальнего Востока как первых этапов освобождения всей России". В колониях были открыты отделы лиги, в том числе и новосадский (имена его руководителей и членов выявить не удалось).

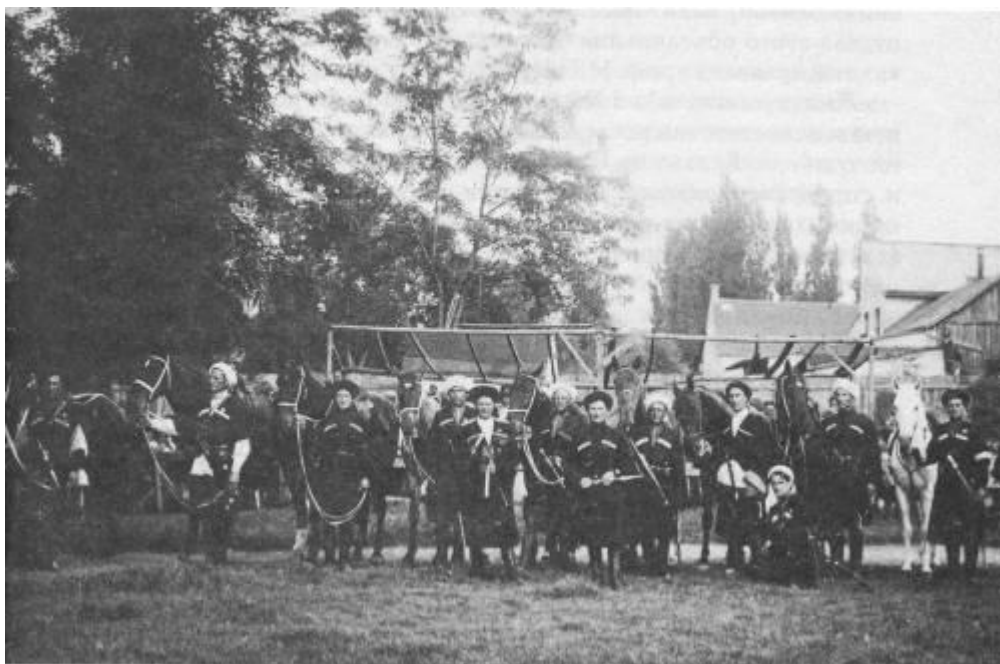
С нач. 30-х гг. в эмигрантских колониях Югославии были распространены филиалы *Русского Трудового Христианского Движения* (РТХД), зародившегося в Швейцарии и Франции, где русские жили в условиях, значительно отличавшихся от условий жизни беженцев на Балканах. В уставе организации отмечалось, что всякая политическая деятельность чужда союзу, а цель его: способствовать улучшению условий труда эмигрантов путем взаимопомощи, способствовать сотрудничеству между классами, сглаживанию противоречий между ними. Задачи союза заключались в борьбе с разложением эмиграции, служении Родине, охране религии, семьи и социального мира¹⁶. Некоторые политические группировки и Русская православная церковь за границей враждебно отнеслись к этому движению, обвинив его в игнорировании истинного Православия, в прозападной ориентации и пренебрежении к русским традициям.

Представителем *Новосадского Союза русских трудящихся христиан* являлся Калмыков-Дьяченко, секретарем был полковник Г.Ф.Безкровный, казначеем — А.Д.Юрченко. Деятельным членом союза стал С.С.Усов. Имелся и *Петроварадинский Союз РТХ*, который возглавил В.А.Миловидов.

В противовес эмигрантским монархическим организациям 19 мая 1924 г. в Белграде утвержден устав представительства пражского *Земгора* (Союза земств и

городов) — демократической эсеровской организации, бросившей вызов «реакционному представительству русской эмиграции, которое целиком захвачено русской черной сотней, целиком монополизировано людьми, неизвестно кого представляющими, неизвестно кем на это уполномоченными»¹⁷. Организацию возглавил прибывший из Праги полковник Федор Евдокимович Махин (1882-1945). Основные цели предста-

вительства Земгора состояли в сближении его с югославским обществом, защите прав беженцев (без различия партийных оттенков) и оказании им материальной помощи. В Белграде и в русских колониях Земгор создавал и финансировал детские дома, начальные школы, библиотеки, открывал ремесленные курсы и биржи труда. Политическая деятельность этой организации в первую очередь проявлялась в объективном информировании югославов о жизни Советской России. На сербском языке Земгор издавал толстый журнал «Руски архив» (42 выпуска, 1928-1937 гг.), сотрудниками которого были преимущественно пражские эсеры, югославские профессора, публицисты и представители демократической эмиграции русского Зарубежья. Журнал имел успех в сербском обществе. Однако русские читали его неохотно, так как к руководителям Земгора относились с недоверием, не разделяли их идеологии и подозревали в связях с советскими органами и южнославянскими коммунистами (позднее это подтвердилось).

*Кубанские казаки-джигиты с ген. А.Г.Шкуро (пятый слева).
Новый Сад, 1937 г.*

На парижском Зарубежном съезде, состоявшемся 4-11 апреля 1926 г., не были достигнуты намеченные цели: сплочение эмиграции для работы по воссозданию национальной России, а также объединение крайних парламентских течений («доктринеров») и сторонников умеренных политических направлений. После съезда возникли две группировки: *Всероссийское зарубежное патриотическое объединение* (правые участники съезда и члены Высшего монархического совета) и *Российское центральное объединение* (центристы-монархисты), руководимые акад. П.Б.Струве, позднее — А.О.Гукасовым, В.П.Рябушинским и Н.Н.Львовым. Председателем белградского отдела Центрального объединения состоял Г.Г.Миткевич, а его представителем в Новом Саду — инженер А.Н.Веденяпин.

Российское центральное объединение не выделялось в Королевстве СХС политическим влиянием — в отличие от более активного *Объединения прогрессивных и демократических сил русской эмиграции в Югославии*, либерального, не монархистского толка. Его ядро составляли белградский Союз русских писателей и журналистов, а также ряд организаций: Национальный комитет, Союз русских студентов, эсеровская группа «Крестьянская Россия», Земгор, некоторые казачьи союзы. Центр воеводинского отдела этого объединения был создан в Суботице, руководил им видный правовед проф. М.П.Чубинский.

Жизнь *казачества* в Королевстве СХС представляет интересную и недостаточно исследованную главу истории русских людей на чужбине. Казаки на Балканах строили горные дороги, здания и городские коммуникации, несли пограничную службу, даже принимали участие в свержении режима Фана Ноли в Албании (декабрь 1924 г.)¹⁸, приспосабливались к местным условиям — занимались хлебопашеством, ремеслами. Казаки стремились к земле, но многие их попытки групповых поселений на ней не увенчались успехом. Самим нанимать имения казакам было не под силу, а батрачить — не в характере казака.

Донские, кубанские и терские казаки подчинялись своим атаманам и руководителям, проживавшим в Белграде. Там же публиковались труды по истории казачества, находились центры казачьих объединений, выходили их газеты.

Кубанские казаки были самыми многочисленными. К 1931 г. из почти 7000 кубанцев, оказавшихся за границей, половина проживала в Югославии. В Белградской крепости хранились кубанские войсковые регалии, в столице жил их Походный атаман ген.-майор Генерального штаба Вячеслав Григорьевич Науменко (1883–1979), находилась Кубанская канцелярия, возглавляемая начальником походного штаба полковником

Михаилом Карповичем Со-ламахиным. Первые два заседания Кубанской Рады в Королевстве СХС состоялись в Новом Саду 2–3 февраля 1921 г. и 19–20 февраля 1922 г. (под председательством ген.-майора Сергея Васильевича Попова). Последующие заседания проходили в Белграде. Первый съезд станичных и хуторских атаманов донских, кубанских и терских казаков состоялся 29 октября 1922 г. и также в Новом Саду.

Кубанцы в Югославии оставались частично в составе Кубанской дивизии, но большинство их входило в кубанские и общеказачьи станицы. Прибывшая в 1921 г. на Балканы Кубанская дивизия под командованием ген.-майора Виктора Эрастовича Зборовского (1889–1944) почти все межвоенные годы сохраняла свою организацию (три полка) и являлась единственной частью зарубежного российского воинства, отличавшейся не только тесной спайкой, но и внешним видом, выправкой¹⁹.

В 30-х гг. казаки (преимущественно выпускники кадетских корпусов и студенты) формировали свои секции различных общественных или политических группировок. Существовали: казачья секция Югославянского отдела Национального союза нового поколения, Кубанский отдел Союза русских трудящихся в Югославии, Рабоче-крестьянская казачья партия, отделы движения «Вольное казачество» (Белградская общеказачья студенческая станица, Союз вольных казачек им. Галины Булавиной) и др.

В Воеводине обосновалось около 30 казачьих поселений — куреней, хуторов, станиц. С 10 января 1921 г. в селе Томашевац расположилась *Есауловская Донская казачья станица*, ее составили 37 казаков под предводительством хорунжего Василия Архиповича Алферова. По соседству, в селе Сакуле появилась, как на Дону, *Верхне-Курмоярская станица*. Атаманом *Донского казачьего хутора* в Орловате был Г. Алферов, хутора в Идворе — И. Землянухин, в Панчево — Р. Евсюков, в Куцуре — И. Шевченко, донских казачьих станиц в селе Дебеляча — есаул Сатаров, в селе Црепая — ген. Рудаков, *Казачьей станицы им. Кухаренко* в Великом Бечкереке — К. Ачмизов. В Белой Церкви атаманом станицы состоял ген. Генералов; там же расположились хутор под предводительством А. Бекетова и «вольно-казачий» *Хутор им. Некрасова*. В Суботице квартировали *Донской казачий хутор им. Бориса Кундрюцкого* (атаман К. Ситников), *Кубанский казачий хутор* и *Общеказачья станица*.

Казаки жили на хуторах и по соседству с Новым Садам: по данным 1921 г., в деревне Чуруг войсковой старшина Диомид Архипович Литвинов был атаманом 68 донских казаков, тогда как ген.-майор Константин Беглярович Долуханов предводительствовал 52 терскими казаками в селе Жабаль. «Азиатскую» казачью станицу в том же селе возглавлял капитан Вербицкий. Донцы жили и в деревне Нададь (атаман Алексей Костин), а *Кубанская команда джигитов* есаула Ивана Никифоровича

Сиволобова — в селе Господжинцы. Атаманом *Кубанского казачьего хутора* в Сремских Карловцах состоял есаул Александр Тимофеевич Ступников. Србобранским хутором предводил терец есаул Виктор Виссарионович Баев; этот хутор содержал молочный завод.

В окрестностях Нового Сада расположилась *Кубанская казачья им. бригадира Антона Головатого станица*, станичным атаманом здесь был полковник Михаил Васильевич Зозулин. В сер. 20-х гг. существовала новосадская *Кубанская казачья им. кошевого атамана Чепыги станица*, часто устраивавшая благотворительные джигитовки в пользу больных казаков и инвалидов; ее возглавлял полковник Александр Андреевич Есаулов. В нач. 30-х гг. сформировалась большая *Новосадская общеказачья станица*; своим атаманом она избрала кубанца полковника Петра Ивановича Недбаевского, позднее — донского казака есаула Алексея Михайловича Протопопова. В деревне Кач под Новым Садам 20 февраля 1938 г. основан *Вознесенский им. генерала А.Г.Шкуро казачий хутор*; он состоял из 23 казаков, атаманом избран Федор Евдокимович Вакуленко²⁰.

Согласно метрическим книгам новосадской русской церкви, казаки нередко женились на сербках или женщинах национальных меньшинств (венгерках, немках, русинках, словачках). Эти браки были прочными и зачастую многодетными. Дети крестились в православную веру. Однако отдаленность большинства воеводинских сел и хуторов от русских культурных очагов способствовала быстрой ассимиляции младших казачьих поколений.

В межвоенный период в Новом Саду существовал и филиал украинского политико-культурного общества «*Просвта*» («Просвещение»). Его составило небольшое число эмигрантов, собиравшихся в ресторане «Марош» на ул. Футошка. Председателем был Иван Семенович Ветрженевский, секретарем — Борис Евгеньевич Мартос, а членами — Валентина Григорьевна и Михаил Сергеевич Заполенко, подпоручик Алексей Харитонович Жаботинский и др.

В Белграде и в русских колониях свою работу продолжали группировки монархистской ориентации. К их новосадским филиалам, проявившим деятельность не только в рамках колонии, мы возвратимся чуть позже. Наш неполный обзор эмигрантских объединений в Югославии закончим упоминанием еще ряда политических организаций, не затрагивая сложных взаимоотношений между ними.

Во 2-й пол. 30-х гг. на Балканах возникло отделение «туркуловцев» — *Русского национального союза участников войны* (РНСУВ), организованного в 1936 г. в Париже ген. А.В.Туркулом. Этот союз стоял на своеобразной монархистской платформе: «Наш идеал — фашистская монархия»; девизом РНСУВ было: «Бог, Отечество, социальная справедливость». В Белграде действовало и националистическое *Российское народно-*

имперское (штабс-капитанское) движение, основанное братьями Б.Л. и И.Л.Солоневичами в Софии. Представители движения упрекали русскую интеллигенцию в том, что она осталась на дореволюционных позициях: «левая часть — на позициях еврейского либерализма и космополитизма, правая — на позициях старого сословно-бюрократического мировоззрения... Основной проблемой русского государственного бытия является создание *нового русского правящего строя*, без которого не удержится ни монархия, ни республика»²¹. Идею нового национально-православного, внесословного и культурно вооруженного правящего слоя штабс-капитанское движение считало самым ценным из всего, что Зарубежье может дать подсоветской России. (Им выдвинут лозунг: «Вся власть русским мозгам!») По замыслу лидеров движения, остов будущего служилого слоя России следует готовить из офицеров, находящихся в эмиграции.

К концу 30-х гг. в столице Королевства возник *Комитет монархического единения*, его основателем был Николай Евфимович Бабкин (?–1973). В марте 1940 г. в белградском Русском доме им. Императора Николая II при большом числе собравшихся состоялось открытое собрание, устроенное этим комитетом, на тему «Что ожидает Россию». В откровенной речи юрист К.Н.Николаев подытожил политическую деятельность Зарубежья:

*«За 20 лет эмиграции ее руководящие круги не выработали линии своего поведения на случай изменения политической обстановки в мире и сдвига в связи с этим России с той точки, к которой приковали ее большевики. Поэтому возобновление мировой войны застало эмиграцию неподготовленной и растерянной. Это усложнилось еще и тем, что разделенная между воюющими и нейтральными странами эмиграция в силу необходимости оказалась обязанной подчиняться настроениям стран своего пребывания»*²².

¹ *Кочаровский К.Р.* Зарубежье и отечество: В чем мы согласны — что нам делать? Белград, 1937. С. 1.

² Для более полного представления об их количестве приводим наименования некоторых русских военных объединений: Общество кавалеров Св. Георгия и Георгиевского оружия в Югославии, Союз измайловцев, Объединение российских Пажеского, Морского и кадетских корпусов в Королевстве СХС, Объединение Александрийских гусар, Общество бывших юнкеров Николаевского кавалерийского училища в Королевстве Югославии, Общество русских офицеров-кавалеристов за рубежом, Общество офицеров корпуса военных инженеров в Югославии, Кружок бывших воспитанников Морского корпуса в Белграде, Объединение офицеров Лейб- гвардии 2-й артиллерийской бригады, Общество офицеров инженерных, технических и железнодорожных войск, Общество военных топографов, Общество офицеров 11-го уланского Чугуевского Ее Величества Государыни Марии Федоровны полка, Общество военных интендантов, Союз русских офицеров

участников Великой войны, Объединение воспитанников Чугуевского военного училища, Общество военных юристов, Общество взаимопомощи бывших юнкеров Павловского военного училища, Общество военных моряков, Общество ревнителей военных знаний в Королевстве Югославии, Общество взаимного кредита русских офицеров и чиновников в Белграде, Группа чинов Марковского полка, Союз участников 1-го Кубанского похода...

³ Новое время (Белградь), 1921, 20 июня.

⁴ Там же, 1922, 17 февраля.

⁵ Историјски архив Новог Сада. Ф. 150. 8574/1927.

⁶ Якоби Н. Марна. Рига, 1938. С. 144; Военный сборникъ Общества ревнителей военных знаний. Кн. XI. Белградь, 1930. С. 235-239.

⁷ Уставъ Общества офицеровъ Россійскаго военно-воздушнаго флота въ Королевстве С.Х.С. Новый Садъ, 1922. С. 15.

⁸ Авіаціонный бюллетень: Изданіе О-ва офицеровъ Россійскаго военно-воздушнаго флота въ Королевстве С.Х.С. (Новый Садъ), №1; Наша стихія: Журналь авіації, воздухоплавания и воздушнаго спорта (Новый Садъ) 1923 №№ 1-3.

⁹ В.М.Ткачев, выпускник Нижегородского кадетского корпуса, блестяще защитил дипломную работу как пилот-авиатор в Одесском авиаклубе. Служил на аэродроме Севастопольской офицерской школы авиации. От лечился подвигами в мировой войне и в воздушных боях в Крыму (во время гражданской войны); командующий врангелевской авиацией. Осенью 1944 г. он не пожелал бежать из Югославии на Запад, был арестован органами НКВД и отбывал срок в ГУЛАГе. После освобождения жил в СССР, где опубликовал ряд статей и книгу «Русский сокол» (Краснодар, 1961) о своем друге, выдающемся летчике П.Н.Нестерове. Сохранился капитальный труд В.М.Ткачева «Крылья России: Воспоминания о прошлом русской военной авиации. 1910–1917 гг.». Эти обширные воспоминания, написанные в 1958-1965 гг., до сих пор полностью не изданы; машинопись мемуаров с авторской правкой хранится в архивах Москвы и Санкт-Петербурга (см.: Записки отдела рукописей. Вып. 30/ Государственная библиотека им. В.И.Ленина. М., 1968. С. 191).

¹⁰ Вольников П. Развал авиационной эмигрантщины// Вестник воздушного флота (М.), 1925, № 3.

¹¹ Часовой: Органъ связи Русскаго воинства за рубежомъ [Asnieres (Seine), Франция], 1931, № 62.

¹² Ген. А.Н.Черепов окончил Орловский Бахтина кадетский корпус и Одесское военное училище. Мировую войну начал в чине штабс-капитана, а за кончил ее ген.-майором, получив все ордена вплоть до Георгиевского креста 4-х степеней и Георгиевского оружия. В декабре 1917 г. организовал отряд, послуживший основой для формирования Добровольческой армии; участвовал в 1-м Кубанском походе, затем был командиром 2-й пехотной дивизии, Черноморским военным губернатором, начальником Черноморского десантного отряда и Отдельного сводного отряда в районе Каховки, командиром 6-й пехотной дивизии.

В Королевстве СХС ген. Черепов состоял председателем новосадских отделений IV отдела ЮВС и Союза Первоходников. Во время Второй мировой войны сформировал т.н. «новосадский» батальон, с которым присоединился к Русскому корпусу в Белграде. Одно время был командиром 4-го полка Русского корпуса. При отходе из Югославии в 1944 г. во главе запасного батальона ген. Черепов руководил боевыми действиями своего подразделения, за что награжден немецким Железным крестом.

Уже будучи в Германии, он возглавил Союз русских военных инвалидов, а после переезда в США стал деятельным членом Фонда Св. Александра Невского, председателем Союза Первоходников и вице-председателем Союза чинов Русского корпуса. Скончался в Нью-Йорке (некролог Д.Вертепова см.: Наши вести, Санта-Роза, весна 1964 г.).

¹³ Часовой, 1939, № 256/257.

¹⁴ Выпускник Академии Генерального штаба (1909) М.М.Георгиевич с осени 1915 г. по январь 1917 г. был начальником штаба 12-й кавалерийской дивизии. Февральская революция застала его начальником штаба 107-й пехотной дивизии, вместе с которой он попал в немецкий плен в октябре 1917 г. Трижды бежал из плена (дважды безуспешно). Через Салоники и Константинополь в конце 1918 г. добрался до Екатеринодара. Два года в рядах Добровольческой армии он воевал на Волге, в Крыму. В Галлиполи принял Корниловское военное училище, с которым эвакуировался в Болгарию; вскоре он был выслан в Сербию, где поступил на работу в военное ведомство в Петроварадине. В 1942-1945 гг. состоял при штабе Русского корпуса на Балканах. После войны жил в Австралии, опубликовал воспоминания о Первой мировой и гражданской войнах («Свет и тени». Сидней, 1968).

¹⁵ За Русь Святую! Издание Главного совета Лиги русских офицеров и солдатъ запаса за границей. Белградъ, 1937. С. 55.

¹⁶ *Каширский Я.* Русское Трудовое Хриспанское Движете. Женева; Белградъ, 1934. С. 83.

¹⁷ *Новиков С.* Земгор в Белграде // Воля России: Журнал политики и культуры (Прага), 1925, № 4. С. 199.

¹⁸ *Doder Milenko.* Belogardejci u Jugoslaviji kralja Aleksandra // Intervju (Beograd), 1991, br. 261–262.

¹⁹ Кубанцы за рубежомъ // Альманахъ Русская эмиграция 1920—1930гг. Вып. 1. Белградъ, 1931. С. 57–89.

²⁰ Иллюстрированная Россія (Парижъ), 1932, № 43 (387); Вольная Кубань (Белградъ), 1936, № 4 (138); Нашъ хуторъ // Кавказскій казакъ (Белградъ), 1933, № 2 (116); Кавказскій казакъ: Кубанецъ (Белградъ), 1938, № 141.

²¹ Политические тезисы Российского народно-имперского (штабс-капитанского) движения. София, [б.г.]. С. 31-35.

²² Что ожидаетъ Россію ? // Русскій голось (Белградъ), 1940, 17 марта.

«Представитель Августейшего Блюстителя Государева Престола»

Одним из первых русских, оказавшихся в Новом Саду, был граф Владимир Алексеевич Бобринский (28 декабря 1867 / 9 января 1868, Санкт-Петербург — 9 ноября 1927, Париж), известный еще в России своей славянофильской деятельностью. Владимир Алексеевич — питомец Московского и Эдинбургского университетов; в 1888 г. он отбывал воинскую повинность в Лейб-гусарском полку вместе с наследником престола. Как крупный землевладелец и сахарозаводчик, он состоял предводителем дворянства Богородицкого уезда Тульской губернии, избирался депутатом II, III и IV Государственных дум. Бобринский был одним из лидеров монархистов-националистов. «Почтеннейший граф — человек очень увлекающийся и неустойчивый», — вспоминал о нем С.Ю.Витте¹. Идеальный противник Бобринского кадет В.А.Маклаков отзывался о графе так: «Человек с большим темпераментом, но сумбурными мыслями (пушка без прицела — говорил про него Хомяков), он был сама искренность и не умел притворяться. Таким был он позже в своем увлечении славянской политикой, неославизмом, в парламентской делегации в Англии, а во время войны в обличии Протопопова. Разгадать его было легко; в нем не было ни тени лукавства»².

Владимир Алексеевич был хорошо известен сербской интеллигенции. В качестве свидетеля защиты он в нач. 1914 г. ездил в венгерский город Мармарош-Сегед, где шел суд над 70 мещанами и крестьянами — угро-россами, обвиненными в государственной измене: они отреклись от унии и вернулись в лоно Православной церкви. Двое из трех сербских адвокатов на этом суде были новосадцами — д-р К.Хаджи и д-р М.Проданович. По возвращении в Россию гр. Бобринский был вызван в Императору, и в течение двух часов Николай II слушал его доклад с чрезвычайным вниманием, не смог сдержать слезы и, обняв своего однополчанина, сказал: «Я не забуду сербов, помогавших русским людям в этом деле»³.

Вскоре после объявления войны, обойдя закон, по которому депутаты думы не могли призываться, Владимир Алексеевич отбывает на фронт, где состоит адъютантом ген. Р.Д.Радко-Дмитриева. Страдая пороком сердца, в 1915 г. граф вынужден оставить военную службу. В апреле-июне 1916 г. он в составе думской делегации объезжает союзнические и нейтральные страны: Швецию, Норвегию, Англию, Францию, Италию.

Россию он покинул весной 1919 г. при эвакуации из Одессы. В марте 1919 г. Бобринский читает в Белграде доклад о победах Колчака. Возможно, эта лекция повлияла на правительство Королевства СХС в его решении признать бывшего и.о. посланника России в Белграде В.Н.Штрандтмана представителем Сибирского правительства. В июне-августе 1919 г. от Добровольческой армии и общественных организаций Киева, Одессы и Екатеринодара на Балканы направляется делегация из 8 представителей различных партий. Среди них был и гр. Бобринский, который 14 июля выступил с речью на учредительном собрании *Общества Славянской взаимности* в Белграде, а затем, объездив многие районы Королевства СХС, опубликовал брошюру о горячем приеме русской делегации⁴.

Будучи уже жителем Нового Сада, 7 января 1920 г. Владимир Алексеевич читает публичную лекцию «Царь Николай II и сербский народ». Некоторое время (до марта 1921 г.) он занимает должность управляющего крупным имением Бэлье в области Баранья, ранее принадлежавшем австрийскому эрцгерцогу Фридриху. Не сумев спасти имение от запустения, Бобринский вынужден возвратиться в Новый Сад. Его семья состоит из супруги Марии Матвеевны (урожд. Никоновой), двух сыновей — Григория, Алексея и трех дочерей — Наталии, Юлии, Софии.

На заседании Первого зарубежного собора Русской церкви в Сремских Карловцах 22 ноября 1921 г. Бобринский выступил от русской колонии Нового Сада: «Нас 2 тысячи человек, мы вторая колония по величине, и мы все с горячим вниманием следим за Собором. Мы все как один встали под стяг, на котором написано *Вера, Царь, Отечество*. Царя у нас нет, но вера есть, и эту веру не сломят враги...»⁵

Граф внимательно следит за политической жизнью эмиграции, поддерживает контакты с влиятельными членами Императорского дома — вдовствующей Государыней Марией Федоровной и Вел. Княг. Викторией Федоровной.

После съезда Высшего монархического совета в Рейхенгалле (май 1921 г.) и неопределенных постановлений Парижского совещания монархистов о престолонаследии, в августе 1922 г. Вел. Кн. Кирилл Владимирович выступил с Манифестом, провозгласив себя «Августейшим Блюстителем Государева Престола».

Деятельный председатель правления *Русского национально-монархического союза в Новом Саду* гр. Бобринский 21 ноября (4 декабря) 1922 г. публикует заявление:

«Правление Русского Национально-Монархического Союза в г. Новом Саду имеет честь сообщить, что Союз, оставаясь верным Закону и Присяге и ставя долг верности Престолу неизмеримо выше всякой партийной дисциплины, с негодованием отменяет

постановления Парижского Совецания и остается непоколебимо верным Законному Блюстителю Государева Престола и Е. И. В. Вел. Кн. Кириллу Владимировичу»⁶.

Бобринский в тот же день выпускает и две экстренные листовки-«оповещения»:

«...И ныне, в тоскливые дни скитания и изгнания, офицерство продолжает стоять в стороне от политики и партийной борьбы и в тяжелой, но честной работе для своего пропитания живет лишь мыслью и надеждой вновь стать под Императорские Знамена для освобождения Отечества от чужеродного и чужезверного врага, ныне его поработившего. Г.г. Офицер! Еще не настал возделенный час, не пробил еще сбор, но после длительного и тягостного молчания наконец раздался Голос Того, Кто по законам Империи имеет непререкаемое право на наше послушание... Вел. Кн. Кирилл Владимирович ныне является Носителем Верховной Власти, поскольку таковая может быть осуществлена в условиях нашего изгнания... и Верховным Вождем Российских Армии и Флота, и Ему и Им назначенным начальникам мы обязаны послушанием»⁷.

Национально-монархический союз в Новом Саду издал ноты российского национального гимна и брошюру с родословной Дома Романовых⁸.

В связи с вопросом о престолонаследии эмигрантские политические деятели, высший офицерский состав и русские монархисты в Королевстве СХС очень скоро размежевались на две основные группировки: монархистов-конституционалистов, основавших *Союз восстановления Родины* (сторонники Вел. Кн. Николая Николаевича), и монархистов-легитимистов (сторонники Вел. Кн. Кирилла Владимировича), учредивших в Белграде 11 января 1924 г. свой союз.

Самый деятельный, новосадский отдел *Союза монархистов-легитимистов* с августа 1923 г. выпускал еженедельную газету «Вера и Верность». Это издание и по нынешний день представляет собой важный свод материалов, отражающих политические течения эмиграции сер. 20-х гг., эволюцию взглядов и взаимоотношения видных деятелей: великих князей, митрополита Антония, ген. Врангеля, В.В.Шульгина, Донского атамана П.Н.Краснова, С.Н.Палеолога и др.

Вокруг редакции новосадской газеты группируются единомышленники, ведутся споры с инакомыслящими. В газете публикуются манифесты, рескрипты, указы, приветствия, назначения представителей Вел. Кн. Кирилла Владимировича в русском Зарубежье. Так, председателем Союза монархистов-легитимистов в Дубровнике был граф Сергей Сергеевич Толстой-Милославский (1850–1925), а представителем Великого Князя в Боснии, Герцеговине, Далмации и Черногории назначен Александр Аркадьевич Столыпин (1863-1925), брат убитого премьер-министра. Председателем союза в Белграде стал ген.-лейтенант Генерального штаба Николай Афанасьевич Обручев (1864–1928),

утвержденный военным представителем Вел. Кн. Кирилла Владимировича в Королевстве СХС, а после него — действительный статский советник Константин Дмитриевич Кафафов (1863–1933). Эту должность в новосадском отделе, включавшем области Срем, Бачка и Банат, исполнял ген. от кавалерии Владимир Александрович Ир-манов (1852–1931), возглавлявший и *Корпус офицеров Императорских российских Армии и Флота* (КЙАФ, созданный по приказу Вел. Кн. Кирилла Владимировича 30 апреля 1924 г.). Позже на этих должностях его заменил ген.-лейтенант Константин Валерьянович Апухтин (1881–1946).

Еженедельная газета «Вера и Верность». Новый Сад, 1923–1925 гг.

Газета «Русский Стяг». Новый Сад, 1925 г.

Новосадский отдел Союза монархистов-легитимистов насчитывал не менее 30 деятелей, подавляющее число которых были военными Генерального штаба: ген. от инфантерии Константин Александрович Крылов (1861-1930), ген.-лейтенант Михаил Эростович Мельгунов (1870-1926), ген.-лейтенант Александр Павлович Хануков (1867–1943), ген.-майор Владимир Львович Малеванов (1881-1961), полковник Алексей

Лазаревич Мариюшкин (1880-1946), граф Игорь Александрович Гудович (1878–1931), бывш. член Государственной думы д-р права Георгий Аполлинариевич Вишневецкий, генеалог Леонид Михайлович Савелов и др.

Газета «Вера и Верность» отмечала, что Вел. Кн. Кирилл Владимирович трижды обращался к Верховному Главнокомандующему Вел. Кн. Николаю Николаевичу, прося его возглавить военные силы; призывал и ген. Врангеля в надежде, что тот не откажется служить ему по долгу присяги, но в ответ встречал равнодушие или враждебность. Газета публиковала и комментировала циркуляры и заявления противников, вела с ними полемику¹⁰.

После состоявшегося в конце февраля 1924 г. в Ницце съезда представителей Блюстителя Престола В.А.Бобринский возвратился в Новый Сад, но уже в апреле покинул этот город, заняв ответственную должность при Канцелярии Вел. Кн. Кирилла Владимировича в Кобурге (Германия). На пост и.о. представителя в Королевстве СХС назначен новосадец Сергей Феликсович Шульгин, а с 12 июня 1924 г. представителем Вел. Кн. Кирилла Владимировича становится прибывший в Новый Сад А.А.Столыпин.

В Манифесте от 31 августа (13 сентября) 1924 г. Вел. Кн. Кирилл Владимирович возвестил:

«Я, Старший в Роде Царском, Единственный Законный Правопреемник Российского Императорского Престола, принимаю принадлежащий Мне непререкаемо титул Императора Всероссийского. Сына Моего, Князя Владимира Кирилловича, провозглашаю Наследником Престола с присвоением Ему титула Великого Князя, Наследника и Цесаревича...»

Впрочем, тут же последовал комментарий «от Канцелярии Е. И. Высочества»:

«Ввиду того, что Е. И. Величество в настоящее время и при данных условиях не считает необходимым официально заявлять иностранным державам о принятии Им Императорского Титула и издал Манифест исключительно для русского народа, Государь Император будет продолжать именоваться для иностранцев Великим Князем»¹¹.

С другой стороны, Вел. Кн. Николай Николаевич 16 ноября 1924 г. издал приказ, в котором объявлял, что он «принимает на себя руководство через барона Врангеля как Армией, так и всеми военными организациями».

Полемика в новосадской газете продолжалась. Из Кобурга гр. Бобринский отвечает на статью В.В.Шульгина, обвинившего графа в «немецкой ориентации» и подготовке интервенции. Газета «Вера и Верность» публикует также открытое письмо Донскому атаману ген. П.Н.Краснову, не поддержавшему Вел. Кн. Кирилла Владимировича.

Внимательно следившая за политическими группировками русского Зарубежья софийская ежедневная газета «Русь» писала про новосадское издание: «Они тоже отравлены программным ядом, у них тоже параграфы, резонерство, местничество, злобная непримиримость и торопливое стремление что-то предрешить, кого-то предупредить, опередить... Побольше веры, господа, — “веры и верности” общему делу, общей тяги к объединению»¹². Парижская «Русская газета» указывала, что работа, которую ведут легитимисты, носит все черты «большевизма справа», что, подобно коммунистам, наиболее острую вражду они проявляют к своим ближайшим политическим соседям и на сокрушение Высшего монархического совета, П.Н.Врангеля и всех «чужих» монархистов¹³.

Последний известный нам, 76-й номер газеты «Вера и Верность» вышел 16 февраля 1925 г. Аналогичную программу проводила возникшая 17 июля 1925 г. в Новом Саду газета «Русский Стяг».

Поэт Сергей Сергеевич Бехтеев (1879–1954), проживавший в 20-х гг. в окрестностях Нового Сада (село Футог), восторженно приветствовал Манифест Вел. Кн. Кирилла Владимировича, посвятив ему и расстрелянной Царской семье ряд стихотворений¹⁴. После отъезда В.А.Бобринского из Королевства СХС Бехтеев возглавил Русский национально-монархический союз в Новом Саду. Свои патриотические стихи он печатал и в газете «Русский Стяг», где состоял одним из редакторов. Вся редакционная переписка и рукописи направлялись на его адрес в Футог.

Фамилии остальных редакторов газета не упоминала. Ее сотрудниками были: духовник и проповедник Корпуса Императорской армии и флота протоиерей Владимир Востоков, Евгений Львович Бразоль, бывш. прокурор С.-Петербургской судебной палаты Эммануил Вуич и другие, подписывавшие свои статьи псевдонимами. В каждом выпуске «Русский Стяг» публиковал «Циркуляры Его Императорского Величества Кирилла I» и вел полемику с эмигрантскими газетами иных монархических уклонов. Воззвание редакции к «многострадальному русскому беженству» нравственно и материально поддержать созданную «общебеженскую зарубежную газету» не дало результатов. Последний, шестой номер новосадского «Русского Стяга» вышел 27 декабря 1925 г. Изменив свое направление и редакторов, газета с нач. 1926 г. продолжала выходить в Белграде¹⁵. Там же в июле-августе 1926 г. сторонники Великого Князя выпустили и три номера газеты-листочка «Бирюч: Слушайте-слушайте, Государевы люди».

В отличие от «легитимиста» С.С.Бехтеева монархистом-конституционалистом был новосадец Андрей Владимирович Балашев (?–1969), офицер Русской армии и поэт. На обложке сборника его стихотворений (1923) отмечается, что от тысячи нумерованных

экземпляров 60% дохода будет направлено в казну Вел. Кн. Николая Николаевича. Туда же должны были поступить и средства от продажи выпущенного Балашевым 30 марта 1924 г. в Новом Саду комплекта (16 шт.) патриотических марок¹⁶.

Позднее русские монархисты Нового Сада не играли той роли, которая выпала на их долю в 1923–1925 гг. Центр борьбы переместился в Белград и европейские столицы. Новосадская колония в эмигрантской политической жизни уже не проявляла себя активно, хотя здесь и продолжали существовать отделы или представители политических (преимущественно офицерских) группировок.

Некоторое влияние они имели на сербскую общественность и кружки, занимавшиеся благотворительностью. И в 30-х гг. под покровительством королевы Марии (вдовы убитого в 1934 г. короля Александра) *Русско-сербское благотворительное общество Великой Княжны Марии Кирилловны* в Новом Саду оказывало помощь нуждающимся русским. Не исключено, что средства в фонд общества поступали не только от благотворительных вечеров, концертов или пожертвований состоятельных новосадцев, но и от Вел. Кн. Кирилла Владимировича. Его представитель в Югославии ген.-лейтенант К.В.Апухтин в 1935 г. вручил председательнице общества Зоре Проданович благодарственное письмо Великого Князя; подобные письма на годичном собрании общества получили заместитель председателя Юлия Мариюшкина и казначей София Вериги-Василев-ская. Только в 1934–1935 гг. общество оказало помощь деньгами и одеждой 358 беженцам и 131 русской семье¹⁷.

Стремясь усилить свое влияние среди эмиграции, кружки и союзы русских монархистов-легитимистов в Югославии создали в 30-х гг. *Народное монархическое объединение*. Сохранив за собой полную самостоятельность, в его состав вошли: Корпус императорской армии и флота, Союз младороссов, «Русское народное ополчение», Союз чинов императорской гвардии, редакция белградской газеты «Царский вестник». В противовес группировкам либерального толка (Объединение прогрессивных и демократических сил русской эмиграции в Югославии), отмечавшим «День непримиримости» по отношению к Октябрьской революции, Народное монархическое объединение учредило «День непримиримости» к Февралю.

Впервые в Новом Саду этот день отмечался 25 марта 1934 г. Председателем вечера в городском Офицерском доме был избран ген. К.В.Апухтин. С приветствиями выступили представители сербской общественности и руководители русских организаций Воеводины, Белграда: полковник М.Ф.Скородумов, Н.П.Рклицкий, И.И.Толстой, В.К.Баговут и др. Обсуждался и вопрос канонизации Императора Николая II, в связи с чем избранные на этом вечере депутаты от русских и сербов посетили затем главу Русской

православной церкви за границей митрополита Антония. «День непримиримости» отмечался в Новом Саду ежегодно.

¹ *Витте С.Ю.* Воспоминания. Т. 2. Берлин, 1922. С. 114.

² *Маклаков В.А.* Вторая Государственная дума: Воспоминания современника. Париж, [б. г.]. С. 133.

³ *Вера и Верность* (Новый Садъ), 1924, 14 (1) января.

⁴ *Бобрински В. граф.* Са пута по Југослави. Београд, 1919. С. 46.

⁵ *Зёрнов Н.* Юрисдикционные споры в Русской церкви эмиграции и 1-й Всезарубежный собор в Карловцах в 1921 году // *Вестник Русского христианского движения* (Париж; Нью-Йорк), 1974, № 114. С. 128.

⁶ *Вера и Верность*, 1924, 8 сентября (26 августа).

⁷ *Там же*, 1924, 15 (2) сентября.

⁸ *Вещий Олегъ.* Кристаллизация русскаго монархизма. Новый Садъ, 1923. С. 28.

⁹ *Вера и Верность:* Еженедельная газета / Издатель и редакторъ Миланъ Петлянки; Типографія Йовановичъ и Богдановъ. Новый Садъ, 27 (14) августа 1923 — 16 (3) февраля 1925. №№ 1–76.

¹⁰ Подробнее об отношении членов Императорского дома к Вел. Кн. Кириллу Владимировичу см.: *Сборникъ высочайшихъ актовъ:* Ко дню годовщины изданія Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Кирилломъ I Манифеста 31 августа 1924 г. Софія, 1925.

¹¹ *Вера и Верность*, 1924, 21 (8) сентября.

¹² *Русь*(Софія), 1924, 9 мая.

¹³ *Русская газета* (Парижъ), 1924, № 38.

¹⁴ *Бехе-Бевъ С.* Чудесное спасеніе Царской семьи. Новый Садъ, 1929; *Бехт-Бевъ С.* П-Ьсни русской скорби и слезъ. Мюнхень, 1923.

¹⁵ *Русскій Стягъ:* За В-Бру, Царя и Отечество. Новый Садъ, 4 (17) июля — 14 (27) декабря 1925. №№ 1–6; *Русскій Стягъ:* Органъ железнаго Союза долга и чести / Ред. Бехметьевъ. Б-Блградъ, 1926–1927. №№ 7–26.

¹⁶ На четырехцветных марках, составляющих 4 серии, изображены: Минин и Пожарский, Георгий Победоносец, Московский Кремль, русский крест — «Симь победиши». На всех марках надпись: «Все — Родине! Въ фондъ “Спасенія Россіи”».

¹⁷ *Годишња скупштина Руског добротворног друштва* // *Дан* (Нови Сад), 1935, 6 июля.

Издательства и типографии

Упоминание Нового Сада в среде историков или библиофилов ассоциируется прежде всего с его издательствами и типографиями, более 20 лет выпускавшими на русском языке книги, брошюры, периодику. Эта печатная продукция плохо сохранилась в библиотеках Югославии, неполно представлена она и в Библиотеке Матицы сербской, которой по праву гордятся новосадцы. Крупные библиотеки Европы и Америки хранят лишь разрозненные тома югославских издателей¹. Однако если провести подсчет, то по количеству выпущенных книг довоенной русской эмиграции Белград займет четвертое место (после Парижа, Берлина и Праги); в югославских же масштабах второе место после Белграда принадлежит Новому Саду.

В Югославии больше всего эмигрантских изданий было выпущено по вопросам религии и политики, самым продуктивным периодом были 1930–1934 гг. Из десяти типографий, в которых напечатано наибольшее количество русских книг в Югославии (Белград — 8 типографий, Новый Сад — 2), на долю Нового Сада приходится почти половина изданий².

Уже в 1920 г., одновременно в Новом Саду и Белграде, возникло *Издательство братьев Грузинцевых* (Нови Сад, ул. Краља Петра, 2), которое выпустило карманный русско-сербский разговорник (возможно, первое издание беженцев в Королевстве СХС), разговорник-словарь и ноты русских песен³.

Братья Георгий и Сергей Грузинцевы⁴ сыграли значительную роль в ознакомлении сербского читателя с произведениями русских писателей. В 1920–1922 гг. они издали 78 выпусков серии «Дешевая библиотека русской литературы» и 3 сборника рассказов. Представлены были следующие писатели (в порядке выхода брошюр): Чехов, Тургенев, Горький, Л.Толстой, Пушкин, Куприн, Лермонтов, Достоевский, Чириков, Дорошевич, Гоголь, Арцыбашев, Потапенко, Гарин-Михайловский, Тэффи, Будищев, Дымов, А.Н.Толстой, Слезкин, Гаршин, Аверченко.

В нач. 20-х гг. это новосадское издательство именовалось и так: *Издавачко предузеће Сергија Грузинцева и друга*. Не указывая год, а подчас и место издания, оно выпустило на сербском языке серию брошюр «Дечја радост» — книги для детей. Все переводы были сделаны в спешке и не отличались художественными достоинствами. Однако эти дешевые брошюры имели своего читателя, многие из них выходили несколькими изданиями.

Михаил Григорьевич Ковалев (1872–1945), бывш. владелец типографии в Харькове, оказался в городке Сремска-Митровица как беженец. Он сразу основал

издательство «Святослав» и выпустил несколько брошюр в местной типографии П.Стояновича, но вскоре переехал в Новый Сад (ул. Алмашка, 21), суливший большой успех ввиду концентрации здесь русских беженцев.

Первые новосадские издания Ковалева печатались в мюнхенской типографии Р.Ольденбурга, но 1 октября 1922 г. благодаря объединенному капиталу возникает *Русская типография М.Г.Ковалева и С.Ф.Филонова в Новом Саду*. Затем, очевидно, формы сотрудничества или взаимоотношения между партнерами изменились, так как вскоре на изданиях появилось новое наименование фирмы: *Первая русская типография и книгоиздательство «Святослав» М.Г.Ковалева и К^о* (ул. П.Зрињског, 55). Издательство выпускает очерки по политике и социологии, памфлеты, сборники стихотворений, мистическую и религиозную публицистику, «окультурные» и бульварные романы, включая и произведения писателей «легкого жанра», вроде Н.Н.Брешко-Брешковского⁵. Помимо книг это издательство в 1924–1925 гг. печатает объемистые выпуски берлинского литературно-политического сборника «Луч света», редактором которого являлся Ф.В.Винберг, и местную газету «Русский Стяг».

Обложки новосадских русских изданий. 1920-е гг.

В 1925 г. издательство остается без «компаньона», а М.Г.Ковалев сам работает наборщиком в новосадской типографии «Заря». На изданиях тех лет главным представителем значится *Всеславянский книжный магазин М.Стоянович и К°* в Белграде. Весной 1926 г. М.Г.Ковалев все свое дело переводит из Нового Сада в Белград. По всей вероятности, последнее его издание датировано 1938 годом. Сам Ковалев и в Белграде выполнял работу наборщика своих и других изданий в нескольких типографиях.

Наиболее известным и продолжительным по времени существования (1924–1943) является предприятие братьев Владимира и Сергея Филоновых — *Русская типография С.Ф.Филонова в Новом Саду* (ул. Темеринска, 25), являвшееся иногда и издательством. Из этой типографии отсылались в страны русского рассеяния газеты, журналы, учебники, мемуары, памятки организаций и объединений, духовная и художественная литература. Заказы на печатание поступали из Белграда, других русских колоний, а также из Франции, Италии, Германии, Венгрии, США. Было выпущено несколько томов сочинений эмигрантских писателей и трудов видных деятелей русского Зарубежья — И.Ф.Наживина, А.В.Амфитеатрова, С.Л.Франка, о. С.Булгакова, митрополита Антония, митрополита Анастасия и др. В этой типографии печатались почти все (около 30) брошюры *Православно-миссионерского книгоиздательства* в Белой Церкви (1928–1931) архимандрита Иоанна (кн. Дмитрия Алексеевича Шаховского; 1902-1989), впоследствии архиепископа Сан-Францисского.

Типография Филонова выпустила около 150 книг и брошюр, не считая периодических изданий, и занимала первое место по количеству напечатанных в Югославии русских книг.

Историк, публицист, мемуарист, сотрудник Сербской Патриаршей библиотеки Владислав Альбинович Маевский (1893–1975), который опубликовал в Сербии, Китае, Франции, Аргентине, Испании, Бразилии и США свыше 30 трудов, треть из них напечатал в новосадской типографии Филонова. Работы этого кропотливого летописца русско-сербских отношений с XI в. по 1945 г. имеют, вопреки некоторым субъективным суждениям, несомненную ценность, так как затрагивают неисследованные темы, содержат редкие свидетельства и данные, почерпнутые из ныне утраченных архивных материалов.

Лев Михайлович Сухотин (1879–1948), историк, автор учебников, тонкий литературовед, директор и преподаватель русско-сербской гимназии в Белграде, несколько своих рукописей отдал в новосадскую типографию⁷.

Бывш. товарищ обер-прокурора Св. Синода Русской православной церкви кн. Николай Давидович Жевахов (ок. 1880–1947), проживая в г. Бари (Италия) при Подворье Святителя Николая, издал у С.Ф.Филонова свои труды «Житие Святителя Иоасафа

Белгородского» (1929), «Причины гибели России» (1929), «Раб Божий Н.Н.Иваненко» (1934), «Князь А.А.Ширинский-Шихматов» (1934), «Сергей Александрович Нилус» (1936). С типографией Филонова князь начал сотрудничать в 1928 г., когда в Новом Саду вышел второй том его обширных «Воспоминаний» (с марта 1917 г. по январь 1920 г.) — продолжение первого тома, опубликованного в Мюнхене (1923). Воспоминания кн. Жевахова дают широкую панораму общественной (преимущественно духовной) жизни столицы и провинции; в них даны портреты иерархов и политических деятелей, а также сведения о гонениях на Церковь. Николай Давидович проживал в Королевстве Югославия недолго. Накануне Второй мировой войны он переехал в Карпатскую Русь; в военные годы жил в Вене, где и скончался.

Будущие исследователи истории русского Зарубежья достойно оценят изданные в Новом Саду сборники и книги: «В память 1-го Кубанского похода» (1926), *Мариюшкин А.А.* «Помни войну! Вопросы современной и будущей войны» (1927), Общественно-литературный сборник «Ступени» (1927), «Крымский кадетский корпус: 1920–1929» (1929), «Первая русско-сербская гимназия в Белграде: 1920-1930» (1930), *Скрынька А.* «Русский язык: Знаки препинания» (1930), «Е. И. В. Вел. Князь Сергей Михайлович, Генерал-инспектор Русской артиллерии: Сб. воспоминаний о его жизни, работе и о развитии артиллерии в его время» (1934), «В защиту русского языка: Памятка Союза ревнителей чистоты русского языка в Белграде» (1937), *Митрополит Анастасий* «Пушкин в его отношении к религии и Православной церкви» (1939), *Поморский-Толлер Н.П.* «Воспоминания гвардейского сапера» (1942) и мн. др.

У Сергея Фомича Филонова печатались ежемесячный журнал «Церковная жизнь», некоторые выпуски «Технического бюллетеня» секции межевых инженеров Союза русских инженеров в Королевстве СХС, объемистые «Сборники Русского археологического общества».

В новосадской типографии отпечатаны 6 (из 41) выпусков журнала Русского филателистического общества в Югославии «Rossika» (1930–1940), издававшегося Е.М.Архангельским (1881–1956) в Херцегнови и Белой Церкви. Это был единственный на русском языке эмигрантский филателистический журнал того периода. Остальные его выпуски печатались поочередно в Риге, Таллинне, Шанхае. В потоке эмигрантской периодики журнал «Rossika» можно, благодаря тематике, считать уникальным — по умению набирать подписчиков на всех континентах, разрешению финансовых вопросов, регулярному выходу в свет, способности миновать всякие разногласия и государственные границы; издание отличалось высоким профессиональным уровнем, полиграфическими и эстетическими достоинствами.

Помимо упомянутых новосадских типографий русские книги здесь печатались и в сербской типографии «Супек-Йованович и Богданов» (1921), типографии русинов «Заря» (1925), типографии Учительского акционерного товарищества «Натошевич» (1920–1940)⁸.

Типография товарищества «Натошевич» в 1922 г. отпечатала почти недоступное ныне издание 15 элегий древнеримского поэта Овидия Назона. В предисловии переводчик и издатель ген.-майор Георгий Андреевич Барковский, нотариус новосадского Окружного суда, отмечал, что элегии этого цикла до сих пор не были переведены на русский язык. А далее: «Прошедшие два тысячелетия не лишили их первоначальной свежести. Переживания изящной души Овидия остаются родными и близкими нам. Легкий скепсис римлянина, сквозящий почти в каждом стихотворении, сближает его с нами настолько, что никогда, как и при чтении Пушкина, у читателя не возникает мысль об устарелости или “несвоевременности” их. Сборник “Любовь” — прямое доказательство тому, что весь так называемый “прогресс” не изменил нашей природы...» Вероятно, финансовые причины воспрепятствовали выходу в свет перевода остальных 34 элегий цикла.

Особым жанром эмигрантских публикаций следует считать сочинения, содержание которых невозможно мерить эстетическими или иными критериями. Подобные стихотворные вирши, поэмы, «теоретические» рассуждения или поучения, связанные как с пережитыми личными неудачами, так и поражением белой России, зачастую выдавали в авторах новых «капитанов Лебядкиных». Такие произведения печатались и в Новом Саду — несомненно, за счет самих авторов.

«Врач-миссионер и натуралист доктор Михаил Аркадьев, подпоручик артиллерии, лектор и проповедник Армии Врангеля, представитель Братства семи Св. Архангелов», часто менял места службы: Надаль, Кисач, Уляник... Этот «русски лекар» состоял редактором и издателем-одиночкой собственных газет на сербском языке «С-Х-С-Русское единение» и «Вождь», русско-сербских листков «Миссионерская переписка». Его брошюры, листки печатались (1921-1924) на русском и других языках в Сербской монастырской типографии Сремских Карловцев и новосадских типографиях. По количеству выпущенных в Королевстве СХС и сохранившихся до нашего времени книг русский беженец М.Аркадьев удерживает первенство (26 книг), опередив митрополита Антония (22). Много места занял бы один лишь перечень его курьезных изданий, с длинными заглавиями и большим количеством опечаток, цитат на древнегреческом, церковно-славянском, латинском, английском языках. В приложениях к своим трудам М.Аркадьев публиковал открытые письма Папе Римскому, ген. Врангелю и т.д.

В первой из семи лекций «Реальное бытие мира духов» он пишет: «Микробы невидимы, но реальны. Духи еще более реальны, хотя *невидимы*, но *ощутимы*. Первая

реальность духовного порядка — наша душа (психика). Все мы — *духи*. Безмерно огромна ценность души. Быстрота мысли — ужасна...» Автор предлагает способы, как экспериментально удостовериться в реальности мира духов. Приводим отрывок из 2-й части его труда, отпечатанного в 1924 г. новосадской типографией:

«В первой части нашей книги мы не исчерпали и сотой доли того, что следует сказать о подлейшей, хитросплетенной работе “князя мира сего” и ему подручных темных сил среди людей. Эта бесплотная, всегда замаскированная, коварная гадина распоряжается людьми, как марионетками, “петрушками”, куклами, игрушечными солдатиками, илотами и скотами. На людей же благородного, возвышенного характера (по воспитанию, культуре, принципам, инстинктам), а в особенности на людей, устремившихся к покаянию, исправлению и святости, эта бестелесная смрадная гадина обрушивается всей своей грубой силой, мобилизуя и полки демонские, и злых, испорченных, подвластных себе людей...»

Нам удалось установить, что под этим псевдонимом писал врач Михаил Аркадьевич Сопочько-Сирокомля, скончавшийся в Белграде 15 мая 1938 г. на 69-м году жизни.

Другой автор, М.Непокорный (тоже псевдоним), в типографии Филонова напечатал последний, третий том своей поэмы «Черт», уместившейся на 1300 страницах. Отдельным выпуском, в январе 1927 г. тиражом 3000 экз., выйдет в Новом Саду фрагмент этого опуса. Приводим текст с обложки:

М. Непокорный

Изъ поэмы «Чертъ»

(Песни Росса о гибели Родины и думы о ея спасеніи)

Песнь 189-я: 1. Призывъ къ сынамъ национально гибнущей Россіи.

2. Обращеніе къ военной и гражданской молодежи.

Если Россію такъ спасти,

Придется мать намъ утратить!

...Пройдут десятилетия, и в нач. 1970-х гг. Новый Сад сыграет эпизодическую роль в публикации литературного наследия русского Зарубежья. Современная типография «Форум» (ул. Војводе Мишића, 1), при содействии организации «Графоимпекс» из Загреба, выполнит заказы мюнхенского «Книгоиздательства Вильгельма Финка». В Новом Саду печатались и переплетались в темно-синие обложки дорогие тома серии «Centrifuga»: первое на русском языке издание автобиографии Н.Н.Берберовой, избранная

переписка З.Н.Гиппиус с видными деятелями эмиграции, а на английском языке — сборник трудов по русской литературе американских коллег и студентов известного слависта профессора Гарвардского университета В.М.Сечкарева¹⁰. Несколько экземпляров этих ценных книг прямо из типографии попадало в руки уже немногочисленных русских новосадцев, которые оказались их первыми читателями.

¹ Неполные и ненадежные сведения об эмигрантских изданиях в Югославии содержат библиографии русского Зарубежья, вышедшие в 1920–1970 гг. в Берлине, Праге, Белграде, Мюнхене, Бостоне, Париже, Нью-Йорке. Этот пробел недавно восполнен в исчерпывающем исследовании: *Katchaki J.N. Bibliography of Russian Refugees in the Kingdom of S.H.S. (Yugoslavia): 1920— 1945. Arnhem, 1991.*

² Объем нашей работы заставляет ограничиться лишь краткими сведениями, касающимися русского печатного дела в Новом Саду.

³ Русскій въ Сербіи. Белградъ; Новый Садъ, 1920 (Изд. 2-е: 1921); Руске песме: Репертоар певачице Руске опере Ане Доржан: № 1 — «Песня о Стеньке Разине», № 2 — «Ухарь купецъ». Београд; Нови Сад, 1920; *Башмаковъ А.А.* Русско-сербскій словарь. Новый Садъ, 1921.

⁴ Георгий Васильевич Грузинцев (1885–1943) окончил Симбирский кадетский корпус и Константиновское артиллерийское училище. Служил в 24-й артиллерийской бригаде, стоявшей в Луге. В мировую войну был военным фотографом; контужен, после выздоровления прикомандирован к штабу в Минске. В гражданскую войну преподаватель Сергиевского артиллерийского училища (Одесса). Уже в 1922 г. покинул Новый Сад, разойдясь с братом по финансовым обстоятельствам. Некоторое время проживал в Белграде, затем уехал в Загреб, где занимался фотографией. Умер и похоронен в Белграде.

Сергей Васильевич Грузинцев (1895–1952 или 1953) окончил юнкерское училище. Позднее служил в 3-й артиллерийской бригаде. Из Нового Сада переехал в Белград; после Второй мировой войны жил в Аргентине, где и умер.

⁵ Некоторые публикации новосадского *Издательства «Святослав» М.Г.Ковалева* 1922–1925 гг.: Что будет съ Россіей? Оптинскія предсказанія [Адашевского] / Съ вступительной статьей Г.В.Бостунича, 1922; *Смирновъ Б.* Богъ и Денница: По вопросамъ оккультно-религіозной жизни. 1922; *Ростовскгій Ю.* Кризисъ НЭПа и современное положеніе въ Россіи. 1923; *Балашевъ А.В.* Стихотворенія: На чужбине Песни гусарскія. Для немногихъ. 1923; *Брешко-Брешковскій Н.Н.* Подъ звездой дьявола: Романъ въ 3-хъ частяхъ. 1923; *Тутковскій П.П.* Персть Божій. Гибель Россійской коммуны: Фантастическая повесть. 2-е изд. 1924; *Пасынкінъ Е.А.* Светъ-победитель: Историческо-оккультный романъ изъ времянь Древнего Египта. 1925.

⁶ Приводим некоторые труды В.А.Маевского: Путевые наброски (Турция, Сербия, Черногория и Далмация). СПб., 1913; Великая Россия и героическая Сербия. М., 1914; Будущая Югославия. Киев, 1918; Сербский патриарх Варнава и его время. Белград, 1931; Иверская Богоматерь на Афоне, в Москве и Белграде. Белград, 1932; Повстанцы Украины (1918–1919). Новый Сад, [б.г.]; Революционер-монархист (Памяти Льва Тихомирова). Новый Сад, 1934; Взаимоотношения России и Сербии, тт. I–II. Нью-Йорк, 1960–1966.

⁷ Труды Л.М.Сухотина, отпечатанные *Русской типографией С.Филонова* в Новом Саду: Учебникъ русской исторіи: Младшій курсъ, ч. I–II. 1926–1927; Любовь къ русской лирике XIX века. 1927; Исторія среднихъ вековъ; Учебное руководство для ср-ьдней школы. 1929; Исторія новаго времени, ч. I. 1931; Феть и Елена Лазичъ: 40 летъ со смерти А.А.Фета-Шеншина. 1933.

⁸ Некоторые русские издания, вышедшие из новосадской *Типографии «Натошевич»*: *Бостуничъ Г.В.* Масонство и русская революція: Правда мистическая и правда реальная. 1921; *Терпигоревъ С.* Кляксы пера: Песни горькаго юмора. Ответъ на стихотвореніе современной мадамъ де Курдюковъ и ея почитателей. 1924; *Русскій календарь на 1939-й годъ* / Издатель К.С.Перегида. 1939; *Орлов Г.А.* Из ларька: Стихи. 1940; О таинстве покаянія / Изданіе Русской православной общины въ г. Новомъ Сад-Ъ. 1940.

⁹ *Овидій.* Amores: Элегии. Кн. 1 / Пер. Г.А.Барковского. Новый Садъ, 1922. 10.

¹⁰ *Берберова Н.* Курсив мой: Автобиография / «Centrifuga», Russian Reprintings and Printings. Vol. 3. München, 1972; *Pachmuss T.* Intellect and Ideas in Action: Selected Correspondence of Zinaida Gippius / «Centrifuga». Vol. 11. München, 1972; *Mnemozina: Studia litteraria russica in honorem Vsevolod Setchkarev* / Ed. by Joachim T. Baer and Norman W. Ingham («Centrifuga». Vol. 15). Munchen, 1974.

Новосадское отделение Русской матицы

На обложке одного из изданий новосадского отделения Русской матицы (1926) читаем:

*«Слово **матица**, употребительное в древнерусском книжном языке, означает в прямом смысле пчелиную матку. В древнерусской письменности “Матицы” — сборники религиозных, философских и нравственных статей — составляли одно из излюбленных чтений. В практике славянских народов **Матица** есть национально-культурное объединение, собирающее духовные силы народа для борьбы с утратой национального лица и культурных традиций. Согласно с этим **Русская матица** есть культурно-национальное общество, целью которого является:*

- а) поддержание и развитие национального сознания среди русских людей;*
- б) содействие народному просвещению;*
- в) объединение русских людей на почве национально-культурной работы.*

***Русская матица** зовёт в свои ряды всех национально мыслящих русских людей во имя спасения священных традиций, передачи культурных богатств русской науки, искусства и жизни, ради содействия религиозному, национальному и нравственному воспитанию русских детей».*

Идея учредить на чужбине Русскую матицу возникла с учетом столетнего опыта прочих матиц — Польской (1822), Сербской (1826), Чешской (1831), «Иллирийской», т.е. Хорватской (1842), Лужицко-сербской (1847), Галицийско-русской (1848), Словацкой (1862), Словенской (1863), Далматинской (1863). 30 апреля

1924 г. в Любляне беженцы создают *Русскую матицу* и принимают ее устав. Председателем был проф. Александр Дмитриевич Билимович (1876–1963), а с 1931 г. — проф. Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951).

Деятельность Русской матицы не могла ограничиться лишь Любляной — городом, в котором осело сравнительно мало беженцев. Вскоре ее отделения возникли в Загребе, Бая-Луке, Великом Бечкереке, Новом Саду, Црвенке, Храстоваце, Кралево, Бачка-Тополе, Ужице, Сомборе, Мариборе (даже в Брюсселе).

Отделение Русской матицы в Новом Саду основано 5 апреля 1925 г. В него влился возникший еще в ноябре 1922 г. местный Русский национальный кружок. До ноября 1927 г. председателем новосадского отделения Матицы состояла Александра Анатольевна Розеншильд фон Паулин (в замужестве Сердюкова), а после нее (до роспуска отделения в

апреле 1941 г.) — Дмитрий Васильевич Скрынченко (1874–1947), преподаватель истории и латыни в гимназии. Помимо председателя в правление входили: секретарь, казначей, библиотекарь, ревизионная комиссия. К концу 1928 г, новосадское отделение насчитывало 185 членов, в 1933 г. — 275, а в 1941 г. — 152.

Все довоенные годы отделение вело разнообразную и плодотворную деятельность. Были открыты курсы обучения русскому языку, устраивались торжественные «академии», приуроченные к знаменательным датам: 50-летию русско-турецкой войны, юбилейным годовщинам Л.Толстого, Глинки, Гоголя, ген. Скобелева, Тургенева, лекции о Достоевском, Писемском, балерине Анне Павловой, «академия», посвященная Острожской Библии; проводились праздники «День русской культуры», отмечены 100-летие Матицы сербской в 1926 г. и 100-летие со дня смерти Пушкина в 1937 г.

Театральная секция новосадской Матицы ставила спектакли и устраивала концерты. Актерами выступали Н.Л. фон Гаас, Н.Н.Быков, Ю.А.Мариюшкин, М.М.Сердюков, М.К.Шидловский, Н.В.Феденко-Проценко и др. Режиссером был Е.П.Морозов. Сохранились сведения о постановках оперы «Наталка-Полтавка» Н.В.Лысенко, комедии «Свадьба Кречинского» А.В.Сухова-Кобылина, произведений Тургенева в инсценировке Н.Л. фон Гааса. В концертах принимали участие Н.Н.Архипова, К.А.Александрович, Н.Н.Саначин, кн. Н.П.Трубецкой, С.С.Усов, С.Р.Драусаль и др.

Особой популярностью пользовались лекции, устраиваемые местным отделением Русской матицы, на которые помимо новосадцев приглашались читать доклады русские профессора из других городов. Например, в 1928 г. с докладами выступили:

— *проф. Белградского университета Ф.В.Тарановский: «Евразийский проект русской истории и его критика»; ген.-майор А.Н.Черепов: «История Первого Кубанского похода»;*

— *проф. Белградского университета А.И.Щербаков: «Источники минеральных вод и курорты в Югославии»;*

— *И.А.Гарднер: «Афон»;*

— *полковник А.А.Мариюшкин: «Русско-турецкая война 1877-1878 гг.»;*

— *проф. пражского Карлова университета И.О.Панас: «Об украинстве и украинском языке»;*

— *архитектор Н.П.Ге: «Архитектурные красоты Санкт-Петербурга»;*

— *митрополит Антоний: «Религиозное и моральное мировоззрение Ф.М.Достоевского»;*

— проф. Аюблянского университета Е.В.Спекторский: «Заветы Пушкина», «Внешняя политика России XIX–XX вв.»;

— Д.В.Скрынченко: «Национальные задачи русской эмиграции», «Славянское движение в России в канун русско-турецкой войны 1877-1878 гг.».

Новосадское отделение Русской матицы было устроителем лекций и на сербском языке, которые читались в залах Матицы сербской. Из Белграда часто приглашались сотрудники Русского научного института. В сентябре 1928 г. отделение принимало участие во встрече делегатов, прибывших в Белград на Четвертый съезд русских академических организаций за рубежом.

*Митрополит Антоний (Храповицкий) освящает памятник
российским военнопленным 1914-1918 гг. на Военном кладбище Петроварадина
близ Нового Сада. 13 октября 1929 г.*

В 1928–1929 гг. новосадская Русская матица собрала данные о российских военнопленных, погибших в этих краях в 1915–1918 гг., и на пожертвованные по подписке деньги соорудила на новосадском Успенском и петроварадинском Военном кладбищах мемориальные восьмиконечные кресты из камня (до нашего времени не сохранились). Новосадское отделение частично финансировало издание на сербском языке воспоминаний бывшего австро-венгерского военнопленного в России словенца Рудольфа Грушновича, который лишь в 30-х гг. возвратился из СССР¹.

Помимо существовавших в Новом Саду Русской публичной библиотеки Союза городов и Библиотеки русских военных летчиков была создана третья — Библиотека новосадского отделения Русской матицы. В момент основания она насчитывала 283 книги, а к 1941 г. ее фонд возрос приблизительно до 7000 томов. Книги поступали путем закупок, обмена за издания Русской матицы и частных пожертвований (митрополита Антония, А.М.Чаговца, В.И.Майбородова, Д.В.Скрынченко, М.И.Шуминской, С.С.Полетики-Успеиской и др.).

После длительного сбора средств и поиска места 23 ноября 1930 г. читальный зал библиотеки был торжественно открыт. Для бесплатного пользования выписывались эмигрантские газеты и журналы: белградские «Русский голос», «Военный журналист», «Галлиполийский вестник», «За Родину!», «Пути русского сокольства», берлинское «Новое слово», прикарпатская «Православная Русь», парижские «Возрождение», «Россия и Славянство», «Иллюстрированная Россия», «Часовой» и др.² В 1934 г. новосадское отделение Русской матицы открыло филиалы своей библиотеки в городах Сремска-Митровица и Винковцы; книгами отделение снабжало приют и начальную школу для русских сирот при монастыре Хопово, школы при шахтах г. Бор (Восточная Сербия) и в Ужгороде, даже русскую колонию в африканском местечке Курригха. Деятельным библиотекарем был Александр Михайлович Чаговец (1890–1932), его сменила Елена Алексеевна Дергаченко. Библиотека Русской матицы размещалась на главной улице города (ныне ул. Змай-Йовина, 4, на 2-м этаже), некоторое время — во дворах ул. Короля Александра и ул. Футошка, а с сер. 30-х гг. — в прежнем здании Матицы сербской на центральной площади³.

Издательская деятельность новосадского отделения Матицы скромна. Из пяти изданий первое является самым значительным и известным: сборник «Благовест» (выпуск I)⁴. Книга состоит из 5 тематических разделов, озаглавленных: 1) Национальное движение, 2) Сокровищница русской культуры, 3) Лики Святой Руси, 4) Недоумения и вопросы, 5) Библиография и хроника. Редактор сборника А.А.Розеншильд-Паулин и секретарь редакции В.Ф.Григорьев привлекли в число сотрудников видных деятелей эмиграции: митрополита Антония, проф. Ал.Д.Билимовича, В.В.Шульгина, проф. Е.В.Спекторского, проф. Н.С.Арсеньева. А.А.Розеншильд-Паулин опубликовала в сборнике свою драму «Совершенная любовь», на его страницах нашлось место и патриотическим стихотворениям новосадской молодежи; В.Ф.Григорьев составил содержательную хронику Русской матицы.

Сборник буквально пропитан идеей сохранения на чужбине русских культурных ценностей, религиозного и национального сознания. В рецензиях на «Благовест» это

отмечала и эмигрантская пресса. В софийской ежедневной газете «Русь» от 3 сентября 1925 г. читаем:

«Стремление русской эмиграции к национальному единению, по-видимому, следует признать знаменем времени, символом действительно существующей, но, может, еще не вполне ясно формулированной потребности устроить жизнь на основах и средствах, завещанных нам вековой русской культурой. Одним из выражений отмененного духовного движения является, несомненно, и сборник Русской матицы... Отделы сборника составлены интересно, и поставленные ими вопросы, несомненно, должны вызвать увеличение размера следующих номеров. Думается даже, что первые сборники не смогут дать ответов на эти вопросы, ибо, это чувствуется, инициаторы Матицы не выступают с готовой догмой и в этом их организующая сила...»

Парижская газета «Возрождение» 18 сентября 1925 г. откликнулась на новосадское издание рецензией П.Б.Струве:

«В первом сборнике "Благовеста" помещены содержательные и хорошо, с подлинным национальным подъемом написанные статьи... Выход таких сборников в трудных условиях нашей зарубежной жизни есть во всяком случае отрадный признак того, что, несмотря ни на что, национальное сознание не гаснет, а наоборот — разгорается, прочно соединяясь с подлинным возрождением православного духа...»

БЛАГОВѢСТЬ

сборникъ № 1

Русской Матицы

Отд. Новый Садъ. Югославія.

НАШИ ЗАДАЧИ: Исцеленіе путей въ религіозному и національному возрожденію. Промысленіе подлиннаго лица Православной Руси въ сознаниі русскихъ людей. Утвержденіе традицій русской культуры. Освѣдомленіе о ходѣ и ростѣ національнаго движенія. Установленіе связи между прошедшимъ, настоящимъ и будущимъ. Объединеніе національныхъ литературныхъ силъ.

ИСПОВѢДАНІЕ ВѢРЫ: Спасеніе Россіи въ духовномъ и житейскомъ преодолѣніи большевизма, въ моральномъ очищеніи, въ отреченіи отъ вѣтхости, анархизма, коммунизма, въ утвержденіи православія, государственности, націонализма, въ обрѣтеніи мудрости, терпѣнія и любви и въ соединеніи всѣхъ.

1925 г.

Издание отделения Русской матицы в Новом Саду

В поддержку «Благовеста» был устроен сбор средств, собрали 8246 динаров (Матица сербская выделила тысячу динаров). Этого оказалось достаточно, чтобы продолжить издание «Благовеста», который наметили выпускать ежеквартально. Однако вторая тетрадь сборника так и не вышла. На оставшиеся средства в 1926 г. выпущены две брошюры «Библиотеки “Благовеста”» (задуманной как периодическое, нумерованное издание для детей и юношества): «Сказка о рыбаке и рыбке» Пушкина и «Стих о Егории Храбром»⁵.

В первом выпуске новосадские редакторы обосновали необходимость таких изданий:

«Восстановление собственности и семьи, устройство, укрепление, упорядочение жизни, разбитой годами мук, смертей и бегства, становится для слишком многих единственным идеалом. С каждым годом, с каждым днем множатся и пополняются ряды детей, не понимающих и не видавших России. В суете нашей жизни, неумолимо поглощающей все наши силы, все время, оскудевает русская душа и рвется родная традиция. Растут и множатся разбросанные в целом мире представители новой

интернациональной породы — русские иностранцы. Долг наш — препятствовать этому. И если лично каждый отец и каждая мать не в силах окружить ребенка уютом родного быта, дать ему няню... они должны и могут дать ему русскую книгу...»

В трогательном обращении к маленькому читателю редакторы ведут с ним беседу: «Знаете ли вы, где ваше настоящее *отечество*, родина ваших родителей? — Если ты встанешь лицом к восходящему солнцу в Европе или спиной к нему в Америке, то перед тобой далеко-далеко будет Русская земля...»

Второй выпуск предназначался детям старшего возраста. На обложке брошюры приведены «Заветы Матицы русской — русской молодежи»:

- 1. Знать родной язык, всегда употреблять его в разговоре с русскими, изучать родную страну.*
- 2. Быть терпеливым и настойчивым, не оставлять дела, не доводя его до конца.*
- 3. Быть честным и не посрамить имя русского.*
- 4. Сделать из себя человека, чтобы служить России.*
- 5. Стремиться русской молодежи к объединению.*
- 6. Возлюбить Родину свою и Веру».*

Сам же «Стих о Егории Храбром» удивительно гармонирует с программой «Благовеста» и его «Библиотеки». Этот старинный духовный стих возник под влиянием религиозной литературы и исполнялся каликами перехожими, паломниками по святым местам. Исследователи приписывают стиху космогонический характер, но в отличие от подобных стихов в нем говорится не о сотворении мира, а об устройстве и просвещении земель русских.

Третий выпуск «Библиотеки “Благовеста”» (1927) финансировался, по всей вероятности, самостоятельно. Стремясь сохранить периодичность выпусков и учитывая объем, редакция присвоила ему номер 3/6. В нем опубликован труд «Душа Православия» Николая Сергеевича Арсеньева (1888–1977), д-ра философии, видного деятеля экуменического движения, культуролога и поэта. Проф. Арсеньев не проживал в Югославии, но приезжал на съезды в Белград и Сремские Карловцы, читал лекции или присылал свои статьи в журналы.

Лишь через девять лет вышло в свет еще одно, последнее, издание новосадской Русской матицы. Скромный сборник «Зарницы»⁷, с боязливо проставленной цифрой «1», содержит 16 стихотворений новосадцев — судьи Владимира Ивановича Майбородова (1879–1963), Валентины Николаевны Дорофеевой и бывш. лейтенанта флота, секретаря местной Русской матицы Анатолия Григорьевича Бальца (1894–?). Сборник открывается предисловием:

«Прошло уже 16 лет нашего изгнанничества. Постепенно вымирает старшее поколение, принесшее за границу остатки великой русской культуры. Далеко не все в нашем прошлом было плохо, и далеко не все среди эмиграции было мелочно и безнадежно... Конечно, главное, чем жила и живет эмиграция, это Родина, ей отдают все мысли, все надежды, ей посвящаются и искры поэзии, которая всегда живет в русской душе. И Новый Сад имеет эти искры. Желая сохранить их для памяти будущих русских поколений, правление и решило, насколько будут позволять средства, выпускать в свет эти блестики русской эмигрантской мысли, тоски, страданий...»

Как культурно-просветительное общество, новосадское отделение Русской матицы пользовалось покровительством короля Александра, однако Дворцовая канцелярия на просьбы правления откликалась редко. Финансовые дела новосадского отделения все более ухудшались, но оно оставалось самым деятельным. Издательская инициатива люблянского центра Русской матицы шла по другому руслу — организационному и научному.

¹ Трушиновић Р. Стара и нова Русија: Белешке Словена. Скопље, 1937.

² По распоряжению временного советского военного областного управления в ноябре 1944 г. почти вся периодика и часть книжного фонда Библиотеки Русской матицы в Новом Саду сожжены. Часть книг, преимущественно русская художественная литература, поступила в фонды Библиотеки Матицы сербской и Народной библиотеки «Джуро Даничич» (ул. Дунавска, 1).

³ Историјски архив Новог Сада. Ф. 13866/1931 (Обрачун Руске матице за 1930 годину); Русская матица в Новом Саде // Русскій народный вестникъ (Белградъ), 1941, 6 апреля.

⁴ Благовестъ: Сборникъ № 1 Русской матицы. Отд. Новый Садъ. Югославія. Новый Садъ, 1925.

⁵ Пушкинъ А.С. Сказка о рыбаке и рыбке / Библиотека «Благовеста»: Вып. № 1. Новый Садъ, 1926; Стихъ о Егоріи Храбромъ/ Библиотека «Благовеста»: Вып. № 2. Новый Садъ, 1926.

⁶ Арсньевъ Н. Душа Православия: Радость воскресенія и преображеніе твари / Библиотека «Благовеста»: Вып. № 3/б. Новый Садъ, 1927.

⁷ Зарницы: 1 / «Русская матица». Новый Садъ, 1936.

Александра Анатольевна Сердюкова

Темна твоя дорога, странник,
Полынью пахнет хлеб чужой...

А.Ахматова, 1922

Настоялась душа, как вино,
Как вино на горькой полыни.

А.Сердюкова, 1938

Личность и общественная деятельность Александры Анатольевны Розеншильд фон Паулин, в замужестве Сердюковой (20 августа 1893, Омск — 19 марта 1978, Нови-Сад) выделяют ее из среды новосадской русской колонии.

В отличие от многих русских, проживавших в Новом Саду обособленно, она быстро и прочно вступает в общественную жизнь и в 20–30-х гг. являет собой пример эмансипированной, образованной женщины.

Будучи преподавателем французского языка в сербской женской гимназии и родного языка в русском реальном училище, А.А.Сердюкова состояла членом сербских обществ Матица передовых женщин и Объединение женщин с университетским образованием, постоянным членом (одно время председателем) новосадского отделения Русской матицы, редактором всех его изданий, была переводчицей и лектором в Матице сербской, организатором местных «Дней русской культуры» и юбилейных «академий», любительских спектаклей и литературных кружков в гимназиях... После 1944 г. как преподаватель русского языка обеих сербских гимназий и Педагогического института Александра Анатольевна вела и дополнительные языковые курсы в ряде заочных школ.

Сердюкова была сотрудником литературных и педагогических журналов Нового Сада, Белграда, Суботицы, Скопле, Котора, Цетинье, публиковала очерки в белградской еженедельной газете «Русский голос» (1931–1941). Нам удалось выявить свыше 80 ее опубликованных работ: эссе, очерков, рецензий, оригинальных литературных сочинений. Помимо того, Александра Анатольевна поддерживала культурные связи со многими городами в стране и за границей.

Александра Анатольевна Сердюкова. Новый Сад, 1934 г.

Ее безоблачное детство протекало в Петербурге в семье отличившегося генерала. Саша упивалась чтением, прогулками по царскосельским паркам, концертами в Павловске, путешествиями по Европе. В 1906–1908 гг. — Царскосельская гимназия. В 1911 г. с золотой медалью она оканчивает Литейную гимназию и поступает в Женский педагогический институт.

Мировая война, а затем и революция вытесняют на второй план ее кумиров — Софью Ковалевскую и Марию Башкирцеву. Пришлось окунуться в суровую действительность. После напряженных занятий осенью 1916 г. Александра сдает государственный экзамен и продолжает учиться в университете, готовит дипломную работу о Жуковском. Семейные обстоятельства вынуждают ее переехать в Киев и заботиться о матери и брате, пока отец находился в плену. Она зарабатывает переводами. В 1919 г. происходит счастливая встреча с товарищем по университету, однако «разлука стала пожизненной, а любовь — нерушимой».

Вместе с больной матерью, контуженым отцом и юношей-братом, познавшим окопы и лишения, в октябре 1920 г. она эвакуируется с юга России. Французский пароход «Сиам» причаливает в Которе; в августе 1921 г. вся семья перебирается в Новый Сад. Фактически своим трудом Сердюкова содержит родителей, а в позднем супружестве и часто оказывавшегося без работы мужа.

Скромная, глубоковерующая, неутомимая женщина огромной силы воли и требовательности к себе, она осталась верной клятве в дневнике: «Сегодня, 17 июня 1917 года, я клянусь служить русской культуре до последнего дня моей жизни!»¹

С 1906 г. Александра писала стихи, не намереваясь публиковать их. К концу жизни их накопилось более трех сотен. Несколько напечатано в эмигрантских журналах². Стихотворения обладают неравными художественными достоинствами, но, объединенные в хронологические циклы, представляют искренний дневник душевных переживаний:

Как арфы звон, неяркие стихи
Я для себя слагаю стройным рядом.
Мне суждены паденья и верхи,
Провалы гор, исполненные ядом.
.....
И я люблю неповторимый миг
Неизъяснимых словом озарений,
Невнятных снов неизгладимый лик,
Огонь и дрожь внезапных вознесений.

В стихах Сердюковой преобладают темы любви, природы и примирения с судьбой. Позднему периоду ее творчества присуща пантеистическая и религиозная созерцательность:

АСТРЫ

Подернутые пеплом аметисты,
Вы в полноте роскошного цветенья
Всю силу лета в круге заключили.

Но лепестки, направленные к сердцу,
В серебряном отливе затаили
Грядущей осени последнюю печаль.

МИР

Но если «здесь» закончена судьба,
Зачем же впредь нести печалей бремя?
И если «там» услышана мольба,
Отменено обманчивое время?

И вот душа ведет свою ладью
В последний порт умолкнувшего моря —
Узрело сердце вечную зарю,
Глубокий мир смирившегося горя.

На русском языке Сердюкова опубликовала драмы-мистерии «Совершенная любовь» и «Святая Русь»³ — символическое отображение войны и анархии, надежд на воскресение России. Вторая драма написана частично в стихах, обе они не предназначались для сценического исполнения.

Однако центральное место в творческом наследии А.А.Сердюковой занимают статьи о русской литературе, опубликованные на сербском языке. Эти работы выходят за рамки хрестоматийных разборов литературных произведений. Они отличаются научным подходом, глубоким проникновением в мир писателя, доступностью изложения. Интерес представляют эссе «Русский Петрарка — Константин Батюшков» и «Мистическая поэзия Владимира Соловьева»⁴. Но мы ограничимся кратким обзором других ее работ.

Пушкинский 1937 год дал возможность Сердюковой вновь засвидетельствовать свою любовь к великому поэту. Она читает публичные лекции, принимает участие в устройстве торжеств в Новом Саду и Белграде, откликается в печати на события, связанные с памятной датой, рецензирует переводы пушкинских стихотворений, публикует очерки. В эссе «Личность и смерть Александра Пушкина»⁵ Сердюкова отмечает: «Античность вдохновила его идеалом чистой красоты, возрождение наделило стремлением к личной свободе и культом славы, рационализм — упиванием божественным солнцем разума, романтизм — страстным томлением и роковым разочарованием...»

Целью ее очерка «Трагедия Гоголя» было представить этого писателя как трагическую личность. Из краткого биографического повествования постепенно вырастает «крайний индивидуалист, циничный соглядатай животных инстинктов и тщеславной похоти, пронизательный дух, которому открывается все зло и пороки,

скрытые под маской благопристойности и красоты... Гоголь переживает целую гамму эротических состояний, воплощает их в своих сочинениях, но не переживает их в действительности — она ему необходима лишь поскольку представляет материал о душевных состояниях». Сердюкова относит Гоголя к тем редким натурам, «развитие которых зависит не от жизненного потока, а от жизненного совершенствования», и подводит итоги: «от романтизма он черпает тематику, от реализма — технику, а от классицизма — сатирическое отображение общественных привычек».

Эссе «Тургенев — европеец и Тургенев — русский»⁷ открывается цитатой из парижского письма писателя (1881): «Я уже ощущаю французскую кожу, которая вырастает под русской». Противоречие между этими «кожами», по мнению Сердюковой, является трагичным для Тургенева: «Западный склад ума, отношение к обществу, литературе и науке, позитивизм и скептицизм, а с другой стороны: русское сердце, восприятие природы, любви, смерти, восточная созерцательность, податливость к иррациональным мистическим экскурсам...» Александра Анатольевна подмечает: «Как поэт — он русский, а как писатель — европеец».

В том же 1933 г. она пишет еще один очерк — «Любовь в жизни и творчестве Ивана Тургенева»⁸. Выделяя любовь — сердцевину жизни и искусства — как стремление к совершенству, Сердюкова считает, что тема любви у этого писателя и есть самая глубокая, искренняя, тогда как политические, общественные и социальные темы его произведений преходящи. «Однако любовь у Тургенева поэтизирована его утонченным искусством, но не обожествлена, как у Данте, Ламартина или Жуковского». Отношение писателя к любви она переносит на все его творчество: «Он умел поэтизировать, однако не идеализировать».

Исходя из предпосылки, что «материал для художественных произведений у великих людей — лишь передача и эстетическое воплощение их личных душевных состояний», Сердюкова в труде «Личность Федора Достоевского в его творчестве»⁹ выводит писателя мучеником, терзающим себя вопросами современности, и провидцем судьбы русского народа.

Эссе «Культ золота и типажи скупцов в мировой литературе» (1938)¹⁰ как бы подытоживает интерес Сердюковой к художественной литературе. В эссе основательно представлены классические образы — от героев античных комедий Плавта до известных типажей из более близких нам эпох. Отличительной особенностью этой работы является обозначение глобальных социальных тем, которые в предвоенные годы все больше занимают Сердюкову и несколько отдаляют ее от литературы.

Своеобразным произведением Александры Анатольевны явился труд «Современность и Христианство»¹¹ — книга, случайно уцелевшая в одном-двух экземплярах, так как по требованию цензуры весь тираж был уничтожен. В книге Сердюковой объединены исправленные и дополненные статьи, опубликованные ею в нескольких журналах 1935–1939 гг. Сам автор в предисловии к книге находит в ней непоследовательность и повторения, тем не менее эта работа представляет кульминацию интеллектуальных исканий Сердюковой, дает обобщающий философский взгляд автора на современный мир.

В труде резкой критике подвергается европейская культура, ее эволюция от эпохи Ренессанса до Фрейда, которая привела к секуляризации духовных ценностей: законов и морали, науки и искусства наряду с институтами семьи и общества, государства и власти. Как и в стихотворениях этого периода —

Вижу —
огромную тень события грядущего в мире,
слышу —
прерывистый треск в прах обращенных костей.
.....
Скудную землю Арей
грозным пожаром палит.
Веку минувшему — честь,
веку грядущему — вопль...

— Сердюкова предвещает эпоху кровавых расправ и регресса: «Колебание между двумя полюсами — влечение к ярому, слепому шовинизму и рационализированному, обезличенному интернационализму — порождает международные и общественные потрясения. Цивилизация пригнана к последнему пределу самоубийственного отрицания собственных положений». Оставшейся на несколько суженных позициях своего непоколебимого критерия — Христианства, Александре Анатольевне удастся реально отобразить картину эпохи, подвергнуть ее критике.

В разделе, посвященном браку, материнству и воспитанию, Сердюкова обрушивается на идеалы тоталитарных государств, на безоговорочное стремление тоталитаризма подчинить своим интересам подрастающие поколения. Как педагог, она анализирует современные теории воспитания и ставит новые вопросы перед педагогической наукой; критикует «научный» фетишизм (с его тезисом: тело выше души, раса выше личности); отмечает, что современная пропаганда, возникшая в основном из

военных нужд, обратилась в мощное оружие по нагнетанию массового социального психоза.

Культура, пишет она, прежде всего, является «ростком культа, чадом священнодействия, отношением, которое человек занял к явлениям в мире». Критике подвергается и современная мораль, поскольку «этическая категория *добра* отождествляется с утилитарным понятием *пользы* — либо для индивидуума, либо для коллектива: государства, класса, партии».

Устремляясь к высшим категориям — вечности, свободе, искусству, Сердюкова пишет вдохновенные страницы своих эстетических и философских построений, напоминающих философские теории русских мыслителей начала века — экстатичного композитора А.Н.Скрябина и утописта Н.Ф.Федорова: «Искусство — это самый надежный залог вечной памяти. Его ведет чувство полноценности, движет любовь, оно устремлено к блаженству. Искусство ведет борьбу с забвением, условностями, сиюминутностью, смертью. Оно самая совершенная реализация личности и является глубочайшей связью с вселенной».

Затрагивая вопросы взаимоотношения теологии и философии, Сердюкова приходит к выводу, что Православию «предстоит сыграть приблизительно ту же задачу, которую выполнила греческая мысль в период становления христианской культуры в Византии, когда последняя объединила Восток и Запад, Христианство и культуру, философию и религию, не отвергая разум и красоту, античные законы и науку, — все впитала, "осенила Крестом" и подготовила почву для всей духовной деятельности средневековья».

Теория познания христианской философии, по Сердюковой, должна быть синтетической: «Сегодня необходимо примирить выводы и методы определенных систем — интуитивизм Бергсона, гносеологию “чистого разума” Канта...» Сердюкова пишет: «Будет создана теория познания мистического эмпиризма, раскроются возможности непосредственного соприкосновения духовных существ с нами еще не раскрытыми энергиями, действия их воплотятся во вселенной...»

В нашем беглом ознакомлении с публикациями А.А.Сердюковой необходимо указать еще на одну ее работу — большое эссе «Апология критики» (1939)¹², которое, по нашему мнению, представляет вершину творчества Сердюковой и сохраняет свою актуальность и поныне. Работа посвящена вопросам критики художественных произведений; в ней ведется разбор ступеней, по которым критику следует продвигаться при разъяснении, освещении, характеристике произведения искусства — в раскрытии его смысла и достоинств. «Критика по отношению к искусству занимает позицию, схожую с

той, которую искусство занимает к природе». Следует наказ Александры Анатольевны: «Писатель-критик должен высказываться настолько свободно, будто бы он один на свете, но свои суждения излагать, сознавая, что судьей его будет все человечество».

Похоронив в Новом Саду отца, мать и мужа, Александра Анатольевна осталась одна. В 50-х гг. она приняла к себе в дом сербскую девочку, воспитала ее, приобщила к русской культуре и обеспечила ей университетское образование; ныне Савица Даничич — преподаватель русского языка в престижной новосадской гимназии «Й.Й.Змай».

¹ Основные даты жизни и деятельности А.А.Розеншильд-Паулин. Нови-Сад, 1975 (машинопись). С. 4.

² Возрождение (Париж), 1959, № 86 (3 стихотворения); 1961, № 111 (3 стих.); 1969, № 210 (7 стих.); 1970, № 221 (7 стих.); Современник (Торонто), 1971, № 22/23 (2 стих.).

³ Совершенная любовь // Благовестъ. 1925; Святая Русь. Вид-Бнија брата Александра: Мистерия. Новый Садъ, 1939.

⁴ Руски Петрарка — Константин Баћушков // Хришћанска мисао (Београд), 1940, бр. 1/2 — 5/6; Мистична поезда Владимира Соловјева // Пут (Београд), 1933, св. 3–4.

⁵ Личност и смрт Александра Пушкина // Летопис Матице српске (Нови Сад), 1937, књ. 347, св. 1.

⁶ Там же, 1935, књ. 344, св. 1.

⁷ Тургенев Европљанин и Тургенев Рус // Књижевни север (Суботица), 1933, књ. IX, св.12.

⁸ Љубав у животу и делима Ивана Тургенева // Српски књижевни гласник (Београд), 1933, књ. XI/2.

⁹ Личност Ф. Достојевског у његовом стварању // Књижевни север, 1933, књ. IX, св. 7–9.

¹⁰ Култ злата и типови тврдица у светској књижевности // Летопис Матице српске, 1938, књ. 350, св. 5–6.

¹¹ Савременост и Хришћанство / Библиотека «Хришћанског дела», књ. 16. Скопље, 1939 (новосадским издателством Владимира Степанова «Расија» этот труд переиздан в 1996 г.).

¹² Апологија критике // Хришћанска мисао (Скопље), 1939, бр. 9–12.

Русские сотрудники журнала «Летопис Матице српске»

«Летопис Матице српске» принято считать старейшим в мире литературным журналом, продолжающим выходить и в наши дни. В первом выпуске, появившемся в нач. 1825 г., была опубликована программа, в которой отмечалось: «Все, что относится к литературной жизни славянских народов — от Адриатики до Ледовитого океана и от Балтийского до Черного морей, вообще, а в особенности нас, “сербства”, — все это предмет “Сербской летописи”. Ее направление таково: никого не обидеть, а всем принести как можно больше пользы». Эта программа особенно приветствовалась в период распространения идей панславизма. Журнал на протяжении своей истории прошел сложный путь, но основные его начала не изменились.

В межвоенный период свыше 20 русских, проживавших в Югославии, состояли сотрудниками этого известного новосадского журнала. Они опубликовали в нем более двух сотен очерков, рецензий, статей, воспоминаний (главным образом работы по общим вопросам славянских культур, литературоведению, социологии, экономике, законодательству)¹. Преимущественно это были ученые и университетские профессора, создавшие в Белграде свои организации — *Общество русских ученых, Русскую академическую группу, Русский научный институт, Русский народный университет, Институт изучения России, Русское археологическое общество* (позднее из Праги сюда переехал *Археологический институт им. Н.П.Кондакова*). Деятельность их обширна и многогранна: лекции, публикации, выпуск научных сборников, устройство IV съезда русских академических организаций за границей (Белград, сентябрь 1928 г.) и мн. др.

В выступлении на IV съезде русских академических организаций за границей председатель Русского научного института в Белграде проф. Е.В.Спекторский отметил:

«Когда гонимые на родине английские пуритане уходили в заморские края, они уносили с собой самое священное и ценное для них, именно Библию... Когда Наполеон на коне, окруженный блестящей свитой, входил в одни ворота Йены, в другие пешком уходил Гегель, неся под мышкой рукопись “Феноменологии духа”».

Подобным образом и русские ученые уходили в изгнание с пустыми руками, но с полным сердцем. Они уносили с собой не сундуки, наполненные всяким хозяйственным добром, а священное пламя русского духа. И первой их заботой при водворении на чужбине было стремление не удушить этого духа, сохранить пламя и передать его идущему на смену поколению»².

Наряду с новосадцами А.А.Сердюковой и А.И.Шпаковским считаем необходимым выделить нескольких русских сотрудников журнала «Летопис Матице српске» из Белграда, Любляны, Суботицы, Скопле.

Д-р Михаил Павлович Чубинский (1871–1943), профессор в Белграде и Суботице, ученый-криминалист мирового масштаба, сыгравший большую роль в пропаганде идеи объединения южных славян, а в эмиграции принимавший близкое участие в разработке нового кодекса уголовного права в Королевстве СХС, — в «Летописи» поместил статьи, связанные с реформами законов, уголовным правом, общими вопросами этики.

Д-р Евгений Васильевич Спекторский (1875–1951), бывш. профессор энциклопедии права в Варшаве, позднее ректор Киевского университета, затем профессор в Белграде, Праге, Любляне, — в новосадском журнале пишет о государстве и обществе, русской культуре, истории политических доктрин.

*Русская интеллигенция в Новом Саду. 1930-е гг.
Сидят: М.С.Хитрово, А.А.Сердюкова, о. Сергей Самсои́евский,
Д.В.Скры́нченко; стоят: М.А.Соловьёв, Д.М.Ротов, М.М.Сердюков,
В.Ф.Григорьев, М.С.Чернцов.*

Д-р Сергей Викторович Троицкий (1878-1972), известный ученый по церковному праву, профессор в Белграде и Суботице, — публикует в журнале исследование о проекте Сербского университета Воеводины 1854 г., пишет о вопросах конкордата Королевства Югославия с Ватиканом, о гражданском браке, о Св. Савве и Славянстве.

Акад. Федор Васильевич Тарановский (1875–1936), бывш. профессор Петербургского университета, профессор Белградского университета по истории славянского права, — печатал в «Летописи» очерки о кризисе европейской демократии, всеславянских вопросах, русской литературе и науке в эмиграции, древней польской

культуре, об исторических исследованиях в Советской России, истории чешско-русских отношений. Сын его, Кирилл Федорович Тарановский (1911–1993), впоследствии известный славист, — в 1932–1935 гг. публикует в том же журнале ряд статей: о стихах Десанки Максимович, Игоре Северяnine, творчестве Л.Толстого, В.Скотта, о поэте Джуро Якшиче, некрологи Саше Черному, М.Волошину.

Леонид Яковлевич Таубер (1872–1943), бывш. приват-доцент Харьковского университета, преподаватель экономических и финансовых дисциплин в Белграде (отец поэтессы Екатерины Таубер), — в новосадском журнале поместил статьи по социальным и политическим вопросам русской эмиграции, кризису западной цивилизации, социалистическим движениям в Европе, актуальным вопросам экономики.

Д-р Александр Васильевич Соловьев (1890–1971), профессор университетов в Ростове-на-Дону, Белграде, Сараево, исследователь истории славянского права и литературовед, — знакомит читателей «Летописи» с обнаруженными рукописными версиями средневекового сербского кодекса царя Душана.

Д-р Александр Львович Погодин (1872–1947), профессор Белградского университета, славист, литературовед, автор одного из первых в Сербии учебников русской литературы и капитального труда — двухтомной «Русско-сербской литературной библиографии» (за 1800–1925 гг.), — в новосадском журнале опубликовал исследование о связях писателя М.Полит-Десанчича с Россией.

Алексей Кириллович Елачич (1892–1941), бывш. приват-доцент Киевского университета, д-р философии Люблянского университета, профессор в Скопле и Белграде, — публикует свои петербургские студенческие воспоминания, пишет о Праге как центре Славянства, о Пушкине и Испании, А.А.Шахматове, литературе Японии.

Петр Андреевич Митропан (1891–1988), славист, литературовед, педагог и переводчик, впоследствии автор труда «Достоевский в русской критике» (1981), — поместил в новосадском журнале много очерков о литературной жизни в Советской России и эмиграции, ряд исследований о русско-сербских литературных связях и влияниях.

Ростислав Владимирович Плетнев (1903–1985), выпускник русско-сербской гимназии в Белграде (основателем и директором которой являлся его отец), д-р пражского Карлова университета, позднее корифей канадской славистики, один из первых исследователей творчества А.И.Солженицына, — в «Летописи» опубликовал статью о Тургеневе.

Литературный критик и переводчик Евгений Захаров (Лев Горевич Захаров; 1903–1975) пишет о современной русской литературе: конце футуризма, поэзии после Октября,

о советских энциклопедических словарях. Александр Юльевич Вегнер (1880–?), бывш. профессор Харьковского коммерческого училища, помещает рецензии на эмигрантские и советские выпуски периодики, знакомит с новинками советской литературы. Семен Иванович Верещак (1889–1937), агроном, секретарь толстого журнала эсеровской ориентации «Руски архив», выходившего на сербском языке в Белграде (1928–1937), — пишет о сельском хозяйстве Советской России.

Несколько работ упомянутых авторов распространялись и в виде отдельных оттисков «Летописи Матицы сербской».

Русские интеллигенты сотрудничали и в новосадских сербских газетах. Они писали главным образом о гражданской войне в России, знакомили читателей со страницами русской истории, культурными связями обоих народов, комментировали политическую обстановку в Европе.

¹ Малетин М. Садржај «Летописа Матице српске», 1825–1950. 1 део. Нови Сад, 1986.

² Спекторский Е.В. Десятил-Љтіе Руссаго научнаго института въ Белграде. 1928–1938 // Записки Руссаго научнаго института въ Белграде, 1939, № 14.

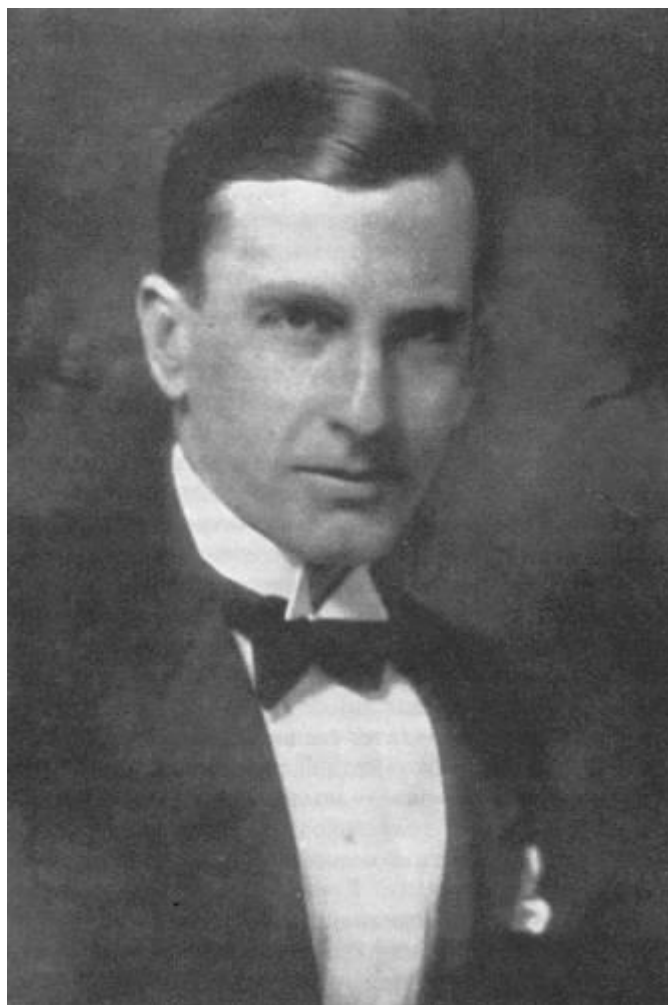
Анатолий Игнатьевич Шпаковский

Некоторый след в жизни новосадской русской колонии оставил проживавший здесь с 1937 г. Анатолий Игнатьевич Шпаковский (1895–1988), д-р философии, преподаватель сербской мужской гимназии, сотрудник «Летописи Матицы сербской». В Новом Саду он опубликовал ряд книг и брошюр на нескольких языках.

В предисловии к одной из них находим скудные факты биографии Шпаковского и мотивы, побудившие его писать: «Моя цель: в серии небольших книг, доступных материально и мне, и читателю, дать живую динамику моих размышлений над ликом жизни, тем более, что мое знакомство с ней не только чисто кабинетное, но и фактическое, непосредственное, вытекающее из широкой моей собственной жизненной амплитуды: от наивного гимназиста с рано проснувшимся философским интересом ко всему бытию, через сержанта французского легиона к доктору философии»¹.

А.И.Шпаковский родился в Петербурге, но гимназию и два семестра университета окончил в Москве. Гражданская война помешала ему завершить свое образование в России. Философские науки Шпаковский продолжает изучать во Франции — в университете г. Нанси; в Королевстве СХС, в Любляне, он защищает докторскую диссертацию у философа и психолога Франца Вебера, последователя А.Мейнонга. С сер. 20-х гг. Анатолий Игнатьевич преподает французский язык и философию в городах Великая Кикинда и Великий Бечкерек.

Анатолий Игнатьевич Шпаковский. Словения, 1920-е гг.

Его первый опубликованный труд на сербском языке — «Культурная перспектива Королевства СХС»² — фактически представляет слово, прочитанное автором в 1928 г. в Кикинде на празднике Св. Саввы. В этом труде Шпаковский знакомит читателя с фактами из русской общественной жизни до революции и новейшими историческими событиями, предостерегает сербов от опасности принятия всех ценностей Запада.

Отметив раскол русской интеллигенции в ее воззрениях на народ, он полагает, что «с большевизмом наступил второй этап *псевдометаморфозы* русской культурной жизни, схожий с эпохой Петровских реформ, лишь с той разницей, что при Петре впервые дух Европы насильно проник в Россию, тогда как при большевизме разгорелась борьба между двумя течениями того же западноевропейского духа: консервативного и революционного — поединок между интеллигенцией у власти и “приниженной” интеллигенцией. Таким образом, русский дух вторично потерпел поражение от Западной Европы; ему необходимо освободиться от чужих оков и создать свою, оригинальную культуру. И сербскому духу важно не подчиниться мощному влиянию западноевропейской цивилизации». Далее Шпаковский затрагивает вопросы культуры, ее эволюции и призывает к устранению

создавшегося раздвоения т.н. «сербской» души (влияние Азии) и «отмежевавшейся» души (влияние Европы на сербскую интеллигенцию, проживавшую в Австро-Венгрии).

В более обширном трактате, также опубликованном на сербском языке, — «Кризис школьной системы, порожденный кризисом культурных форм жизни»³ — молодой философ подмечает кризис всех видов духовной деятельности: «Европа осознала духовное и моральное разложение семьи и общества, ищет спасение в реформах школьной системы... Кризис проник и в нашу среду. Но если Западной Европе он имманентен, то к нам он попал искусственно. Вовлеченные в орбиту культуры Запада, мы перенимаем лишь его внешние проявления — цивилизацию, а не культуру Европы, принимаем ее лицо с гримасами и гримом, а не ее дух, заложенный в ней органически». Освобождение от чуждого для славян налета европейского кризиса Шпаковский видит в обращении к «культурной силе Славянства», считая, что в этом плане многое

может сделать Всесокольская организация, набиравшая силу именно в тот период. Одновременно критик западноевропейской культуры приветствует созданную Европой высшую культурную ценность — *личность* как необходимое условие для духовного стимула коллектива: «Это значение индивида и его собственное достоинство чуждо Востоку — *личность* там вечный раб коллектива, раб общего принципа».

Первый труд Шпаковского, опубликованный на русском языке, — «Разрешение судьбы человеческой»⁴ — вышел в Новом Саду (1934). Он посвящен вопросам личности, творцу культуры. Автор различает тип человека *периферии жизни* (человека от мира сего), с утилитарным началом, и тип человека *глубин жизни* (человека не от мира сего), творящего культуру как высший лик жизни. Первый тип в лучшем случае закрепляет культуру, но большей частью живет духовным и моральным паразитом. Философ-культуролог ищет выход из современного кризиса: «Не формула “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” приведет к преобразению человека и выведет его из тупика современной жизни, так как пролетарий очень легко превращается в буржуа и наоборот: их различие лишь периферийное, зависит от места за столом жизненного пиршества, — но формула: “Фантасты, чудаки, люди не от мира сего всех стран — соединяйтесь, ибо вы соль земли и в вас лежит спасение человечества от самопожирания”». Выразителем и пророком гибели западноевропейской культуры Шпаковский считает О.Шпенглера, но взгляды последнего на религию противопоставляет мыслям Бердяева о судьбе и миссии Христианства.

В Новом Саду изданы еще две книги Шпаковского на русском языке — «Философские мелочи» и «Человеческое “Я” и культура»⁵.

Первая содержит три эссе: «Религиозный тип человека», «Очерк современной китайской философии», «Проблема блаженства и художественного творчества у Марселя

Пруста». Автор считает, что в эпоху острого кризиса культуры начинает воскресать интерес к религиозному преображению человека, что культурное разрешение судьбы человеческой ныне отвергается, поскольку оно не выполнило своей миссии, а привело к духовным тупикам современности. Скептически относясь к цивилизации Запада, Шпаковский советует европейцам познать загадочный лик просыпающейся Азии. Он пишет о «соорганизации огромных людских масс под руководством Желтого Рима — Японии, которая является скорее осуществительницей философских идей (принятых от Китая), нежели их творцом». Марселя Пруста автор находит своеобразным писателем, ибо все его творчество представляет уход в самого себя, в свое «ставшее»: «Человек нашего времени устал от бега своего духа в мир внешнего — феноменального и ищет в себе самом преодоление своего бессилия перед миром и его динамикой».

Вторая книга представляет научный труд, в котором ученик Ф.Вебера разрабатывает две идеи учителя: психологических оснований-баз и разделение сознания на четыре области (представление, мышление, чувствование, стремление). Отмечая, что элементы аналитической психологии в связи с т.н. «предметной теорией» (Gegenstandstheorie) были окончательно разработаны лишь после мировой войны, Шпаковский полагает, что аналитическая психология может оказаться новым стимулом в развитии русской философской мысли. Согласно мнению автора, русская философия в эмиграции устремлена к «мистико-религиозно-метафизическим изысканиям, теории познания и социологии», поэтому он предлагает русским философам объединиться и в одном из центров Европы создать свой очаг.

До 1942 г. в Новом Саду выходят труды и переводы Шпаковского на немецком и венгерском языках⁶. В разгар войны философ покинет Новый Сад, уедет в Германию, а в 1951 г. иммигрирует в США, где в 1957 г. он становится профессором социологии Джексонвиллского колледжа в штате Алабама. Анатолий Игнатьевич продолжает писать книги⁷, публиковать статьи в американских и европейских журналах, принимает участие в международных научных конгрессах, состоит членом Американского социологического общества, Общества славянских наук в США, Королевского философского института в Лондоне, Общества Канта в Германии и др.

В течение всей жизни А.И.Шпаковский писал стихи на родном языке, однако рукописные листы терялись или пропадали во время частых странствий. Единственный сборник его стихотворений позднего творческого периода издан в 1962 г. вашингтонским русским книгоиздательством.

Ко мне вернулось вдохновенье,

И снова начал я писать;
Быть может, счастья дуновенье
Себя в нем хочет указать.

В стихах воскреснет все бывшее,
Забытый дар угасших лет,
Дерзание духа молодое,
Вторичный жизненный расцвет.

Составитель сборника д-р М.Михайлович в предисловии отмечает: «Несмотря на сходство художественного изображения и стихосложения с великими русскими поэтами, А.Шпаковский проявляет собственную поэтическую и мысленную своеобразность. Она состоит в интимном, дневниковом, вдумчивом лиризме, выражающем непосредственно воспринимаемые переживания или сомнения и терзания, возникающие при искании поэтом истины. Этот маленький сборник “На путях жизни и мысли” предлагает читателю целую гамму тем: от поэта “Я” до вселенной, от его сердца до России, от его сына и жены до Христа и Будды, от нирваны до воскресения, от Есенина до Сартра»⁸.

¹ Шпаковский А. Разрешение судьбы человеческой. Новый Сад, 1934. С. 4.

² Špakovski A. Kulturna perspektiva Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca. Velika Kikinda, 1928.

³ Špakovski A. Kriza škole u vezi sa krizom kulturne forme života. Velika Kikinda, 1932.

⁴ Шпаковский А. Разрешение судьбы человеческой. Новый Сад, 1934.

⁵ Шпаковский А. Философские мелочи. Новый Сад, 1935; Человеческое «Я» и культура. 1: Аналитическая структура человеческого сознания. Новый Сад, 1936.

⁶ Spakovsky A. Gedanken. 2. Teil. Neusatz, [s.a.]; Kleinere philosophische Schriften. 2. Buch. Vel. Kikinda, 1938; Das menschliche «Ich» und die Kultur: Der psychische Dynamismus und seine Gestaltung der Welt. Novi Sad; Das menschliche «Ich» und die Kultur: Der Parallelismus der dynamischen Entwicklung des Ich und der Kultur. Novi Sad, 1941; Spakovzsky A. Filozöfiai miniatürök. Ujvidék, 1942.

⁷ Послевоенные книги А.И.Шпаковского: Die Perspektiven einer Kultur... Berlin, 1961; Freedom, Determination, Indeterminism. The Hague. 1963; Reflections and Impressions, [s.l., s.a.]; Ideologies (Weltanschauungen) and the Problem of Good and Evil. Huntsville, 1978.

⁸ Шпаковский А.М. На путях жизни и мысли. Вашингтон, 1962. С. 5.

«Незамеченное поколение»

Будь послушной и хорошей дочерью, хорошо учись, старайся набираться знаний, верь в Бога и всегда помни Россию.

Папа

Новый Сад, 6 мая 1939 г.

(Девичий дневник Людмилы Сперанской)

Мировосприятие, отношение к России и судьбы детей, покинувших отчизну вместе с родителями или в составе эвакуированных учебных заведений, складывались иначе, нежели у старшего эмигрантского поколения, которое сознательно оставило родину, хорошо знало Россию и имело некоторые возможности избрать собственный путь, даже если дороги и вела в неизвестность.

Становление молодого эмигрантского поколения закончилось к нач. 30-х гг. Писатель В.С.Варшавский в книге «Незамеченное поколение» (1956) рассказал об этих «подкидышах» — молодых русских людях в Зарубежье. Он найдет в них сходство с судьбой «лишних людей» русского прошлого и «потерянного поколения» Европы и Америки, проследит их чувства, идеалы, отношение к старшему поколению, познакомит с их кружками, политическими группировками...

Студент Белградского университета и поэт Владимир Гальской (1908–1961) в программной поэме «Бездорожье» отразил настроения своего поколения:

Не проклинаяте нас, отцы и деды,
Мы ваша плоть и кровь, но мы не вы.
Мы не горели в чайные победы
И не теряли в бегстве головы.
.....
Мы всюду лишние. Нам все чужое:
Готический торжественный собор,
И небо юга слишком голубое,
И Запада величье и позор.

И в этом мире затхло-изобильном
Мы никогда покоя не найдем,

Пока не мстителем, а блудным сыном
Войдем опять в опустошенный дом.
.....
Мы не хотим России вахт-парадов,
Колонных зал, мундиров, эполет,
Нам падшего величия не надо,
Но вне Руси нам места в мире нет.
Белград, 1936 г.

Много лет спустя выпускник Крымского кадетского корпуса в Белой Церкви Н.В.Козякин будет вспоминать:

«В наследство от предыдущего поколения мы получили абстрактную любовь к уходящей в туман времени России, почти без всякой практической возможности служить ей и жить для нее и очень не абстрактное недоумение, почему наша жизнь сломалась, не успев расцвести. Старшее поколение в своем разочаровании все глубже и глубже уходило во взаимные обвинения в совершенных и кажущихся ошибках, что, конечно, не могло привлечь нас к ним. Их взаимные нападки звучали нам как самооправдание, а не как призыв к служению и будущему строительству. Тот факт, что ни одно из политических направлений прошлого не сдало практического испытания, также располагал нас к осторожности. Старые политические партии не имели пополнения»¹.

Любовь к России, ее наследию и культуре прививалась русской молодежи на чужбине с раннего возраста. В этом отношении в Королевстве СХС положение сложилось исключительно благоприятное, как ни в одной другой стране рассеяния. Почти во всех русских колониях были открыты детские сады и начальные школы. На средства Всероссийского союза городов, английских благотворительных обществ, Международного Красного Креста, а позднее и на значительные средства Государственной комиссии по делам русских беженцев в Королевстве СХС открыты училища, реальные гимназии, русско-сербские гимназии, содержались три кадетских корпуса и два девичьих института, вывезенные с юга России или сформированные уже на Балканах.

В Новом Саду с 1 июля 1921 г. существовали *детский сад* под руководством самоотверженного педагога Ольги Ивановны Бунаковой (1880–1959) и четырехклассная прогимназия, преобразованная затем в восьмиклассное *Русское реальное училище Всероссийского союза городов*, которое возглавляла Вера Федоровна Шкинская (1885–?).

Несколько лет, до своего переезда в Латвию, директором училища состоял Сергей Рудольфович Минцлов (1870–1933), известный библиограф, историк-романист, мемуарист. В Новом Саду он преподавал географию, историю. Остальными преподавателями были русские и сербы: Е.Я.Федорова, Н.В.Соколов, Е.К.Богуславская (Закон Божий), В.К.Богуславская (русский язык), А.А.Сердюкова (русский язык и история), летчики К.Н.Антонов (математика) и В.А.Тихомиров (математика, физика), архитектор Ю.Н.Шретер (начертательная геометрия), М.С.Хитрово (французский язык), Б.Б.Румянцев (рисование), балерина В.Д.Чалеева-Гортынская (ритмическая гимнастика) и др. Училище имело малое количество учеников (в 1924 г. — 72, в 1925 г. — 105), преимущественно младших классов. Ходатайство русской колонии перед Городским управлением об открытии при школе общежития не дало результатов.

Из-за скудной и нерегулярной материальной помощи детский сад и реальная гимназия-училище часто были вынуждены нанимать новые помещения. В 1924 г. училище переехало в здание бывшей газовой фабрики, и это устранило разбросанность классов по отдаленным друг от друга местам. Восьмиклассное училище просуществовало до лета 1928 г., превратившись с осени в четырехклассную начальную школу. В 30-х гг. она вместе с детским садом занимала два верхних этажа комфортабельного здания, построенного по проекту Ю.Н.Шретера в центре города (ул. Л.Телечког, 10).

Тяжелые условия жизни русских беженцев отражались на состоянии здоровья детей. В нач. 20-х гг. более половины учащихся в школах страдали анемией и истощенностью организма, среди детей старшего возраста отмечалась склонность к туберкулезным заболеваниям. Представительство Всероссийского союза городов в Королевстве СХС с 1923 г. организовало в местечке Сремска-Каменица близ Нового Сада *Детскую летнюю колонию*, помещавшуюся в здании санатория. Ежегодно в июле и августе туда съезжалось до сотни детей 3–16 лет². Ученики русских средних учебных заведений в Югославии летом ездили на курорты Адриатического побережья. Большой русский санаторий для туберкулезных больных существовал в Словении (замок Вурберг).

Часть русских детей поступала в сербские школы. Для этих учеников средних школ правление новосадской колонии с 1932 г. устроило двухлетние воскресные курсы по русской словесности и истории.

Многие юноши и девушки учились в русских кадетских корпусах и девичьих институтах. Эти особые российские учебные заведения после 1920 г. продолжали свое существование лишь на чужбине — в Королевстве СХС, уцелев до окончания Второй мировой войны.

В Воеводине разместились: Крымский кадетский корпус³ и Донской Мариинский девичий институт (оба в Белой Церкви), Харьковский девичий институт в г. Новый Бечей и русско-сербская девичья гимназия с общежитием в Великой Кикинде (на традициях петербургского Смольного института). В Белграде действовали мужская и женская гимназии. Преподавателями и воспитателями русских учебных заведений стали опытные педагоги, даже профессора российских университетов. Занятия проводились в соответствии с программами бывших учебных заведений России, но были согласованы и с югославской школьной программой: изучались сербский язык и литература, история и география Югославии. На выпускных экзаменах в русских учебных заведениях присутствовали инспектора из Белграда. Аттестаты зрелости выданы более 4300 ученикам.

Выпускники таких школ были отлично подготовлены для продолжения образования в университете. Благодаря разнообразной и серьезно поставленной деятельности школьных кружков и мастерских у подростков проявлялись склонности к определенным профессиям, интерес к духовным ценностям и русской культуре.

*С.Р.Минцов с учительницей В.Ф.Шкинской
и учениками русской реальной гимназии в Новом Саду. 1923 г.*

Не все желающие могли продолжить платное образование. Стипендии были слишком низкие, и требовалось дополнительно подрабатывать на жизнь. Все-таки число оканчивавших университеты было значительным⁴. Мы уже указывали на большое

количество русских выпускников Агрономического факультета в Белграде. Приведем еще несколько примеров. За 1919–1938 гг. из 1777 студентов, окончивших Технический факультет в Белграде, русских было 451 — более 25%⁵. За 1925–1941 гг. на Медицинском факультете дипломы выданы 166 русским, что составляет около 10% из числа окончивших этот факультет⁶. Общее число русских студентов в Белграде, например, в 1928/29 учебном году составляло 1409, а в 1937/38 учебном году — 517⁷.

Русская молодежь имела свои студенческие художественные кружки, общественно-политические организации, издавала собственную периодику. «Наше будущее» — газета группы патриотически настроенного русского студенчества — положила начало идеологическому объединению эмигрантской молодежи и в мае 1926 г. трансформировалась в печатный орган *Союза Русской национально-мыслящей молодежи в Королевстве СХС*.

Четкие программы молодежных организаций более позднего времени интересно сопоставить с целями этого союза в 1925–1926 гг., которые еще мало отличались от идей эмигрантских военно-политических организаций старшего поколения:

«1. Объединение молодежи для создания сильного телом и духом кадра, готового к жертвенному служению Родине и восстановлению ее былого могущества и величия.

2. Укрепление и распространение русского национально-государственного мышления, стремящегося к восстановлению России на ее вековых устоях — главенства Православия, Монархии и Народности, и посильное активное участие в Русском национальном движении, не предрешающем на чужбине форм государственного устоя России, но стремящегося к освобождению ее от коммунистического ига»⁸.

Однако самой популярной и распространенной в колониях была организация «Русский сокол».

От колыбели сокольства — Чехии, где в 1862 г. возникло гимнастическое общество «Сокол», имевшее целью гармоническое развитие духа и тела в направлении совершенствования на пользу своего народа, а через него и славянства, берут начало сокольские общества других стран. После международного слета в Праге (1907) был образован *Союз славянского сокольства*, в который тогда вошли чехи, словенцы, сербы, хорваты, болгары, поляки, русские.

В июле 1919 г. в Новом Саду состоялся Первый югославянский Сокольский собор, а с 1921 г. в Белграде действовало *Гимнастическое общество «Русский сокол» в Королевстве СХС*. В 1923 г. на пражском Первом съезде русских Сокольских организаций определились начала идеологии «Русского сокола». Возникший *Союз Русского сокольства за границей* был принят в Союз славянского сокольства полноправным

членом. Обществ, отделений и «гнезд» «Русского сокола» в Королевстве СХС насчитывалось более 20, все они входили в состав так называемого *Краевого Союза Русского сокольства* с всезарубежным центром в Белграде. Некоторое время «Русский сокол» являлся секцией югославянского сокольства, но пользовался широкой автономией. В мае 1930 г. Министерство внутренних дел утвердило «Положение о Русском сокольстве в Королевстве Югославия», согласно которому русским сокольским организациям была дана полная самостоятельность при сохранении связей с югославскими обществами.

Помимо общих целей особые пути и задачи Русского сокольства за границей определялись так:

- «1. Подготовить будущих борцов за национальные идеалы русского народа.
2. Работать над национальным и моральным оздоровлением русского народа и бороться с тем духовным маразмом, который принесен на Родину безбожием, социализмом и интернациональными силами.
3. Физическое и духовное развитие людей и поддержание в них бодрости.
4. Борьба с их отнародованием (денационализацией)»¹⁰.

*Академия «Русского сокола» в Новом Саду. 3 марта 1934 г.
Сидят: Н.Н.Широбокова, А.А.Черепова, А.Ф.Калишевский, Н.В.Сукк,
Е.В.Биббер; стоят: Е.Ю.Шретер, Н.С.Козловский, И.В.Кувидорова,
Н.А.Мариюшкина, Н.В.Борисов, Н.Н.Андреева, В.В.Гроздова, Е.В.Силаева,
Е.А.Буссова.*

Новосадское общество «Русский сокол» окончательно организовалось 29 июля 1933 г. Его основателем и секретарем стал инженер Николай Зотикович Кадесников (1895–1971), а первым старостой — ген.-майор В.М.Ткачев, который проявлял широкую деятельность и в белградском Краевом союзе Русского сокольства. Членами новосадского

правления состояли: С.Т.Хондажевский (руководил просветительной работой), П.Г.Бузун, П.Ф.Пожариский, К.Н.Буссов, Н.С.Козловский, В.Э.Эппле, Н.В.Сукк. В марте 1934 г. по поводу 10-летия заграничного Сокольского союза состоялось первое выступление («академия») новосадского «Русского сокола».

О популярности этого общества в Новом Саду свидетельствует тот факт, что к концу 1934 г. оно имело 190 членов — свыше 13% состава новосадской русской колонии. Помимо молодежи в члены записывались и взрослые: преподаватели, чиновники, ремесленники.

*Группа гимнастов «Русского сокола» в Новом Саду. 1937 г.
Стоят: Борис Румянцев, Елена Фитингоф, Ирина Иванчева, Ольга Барановская, Нина Сукк (старшина), Людмила Бранчич, Николай Гамбурцев, Юрий Андреев; сидят: Нина Андреева, Наталия Мариюшкина, Татьяна Барановская, Ольга Колядзинская, Юрий Граф, Аркадий Калишевский, Михаил Граф, Алексей Ковригин.*

Позднее при старостах штабс-капитане Леониде Дмитриевиче Кудрявцеве (1903 — ок. 1943) и офицере Кубанского казачьего войска Федоре Федоровиче Калишевском (1897-1980) общество продолжило разнообразную культурно-воспитательную работу, тесно сотрудничая с отделами «Русского сокола» в Сомборе, Суботице, Великой Кикинде, Великом Бечкереке. Сохранились сведения о том, что «Русский сокол» в Новом Саду проявил инициативу в создании русского кукольного театра с отечественным репертуаром. Летние русские сокольские лагеря проводились в Чортановцах на Фрушка-Горе, а новосадские субботники — в Офицерском доме. Начальниками мужского отделения «Русского сокола» в Новом Саду были Петр Николаевич Мошинской и

Николай Анатольевич Гамбурцев (1916–?), а женского — Нина Владимировна Сукк, урожд. Борисова (1902–1993), и Нина Николаевна Андреева.

Заведующим врачебным надзором Краевого союза Русского сокольства был новосадский врач Петр Феликсович Пожариский (1883–1966). Он часто публиковал статьи в Сокольской периодике и издавал книги-руководства по физическому воспитанию¹¹.

В предвоенное время, осенью 1938 г. «Русский сокол» в Новом Саду проводит занятия с молодежью по довоенной подготовке, верховой езде, стрельбе, а также открывает курсы усовершенствования в военных знаниях, организованные белградским Русским военно-научным институтом. Глава «Русского сокола» в Югославии полковник Р.К.Дрейлинг 24 января 1938 г. посетил Новый Сад и в Русском офицерском собрании сделал доклад о воспитании сокольской молодежи¹², а 30 октября 1938 г. староста Краевого союза Русского сокольства Виктор Артамонов, бывш. военный агент при Российском посольстве в Сербии, читал доклад о положении в СССР¹³.

В Новом Саду существовали филиалы нескольких политических партий, которые привлекали в свои ряды молодежь. Следует отметить, что остатки демократической и социалистически ориентированной интеллигенции, оказавшейся в эмиграции, на молодежь в те годы особого влияния не имели¹⁴. Движения евразийства и сменовеховства 20-х гг. едва коснулись русской молодежи в Королевстве СХС.

Столкнувшись с мещанством — устоявшейся формой западной цивилизации, эмигрантская молодежь, интересовавшаяся общественной и духовной жизнью, следила за изменениями в европейских странах, видела бессилие буржуазных демократий разрешить социальные проблемы, прислушивалась к интересам европейской молодежи, часть которой восторженно принимала идеи итальянского фашизма, стремившегося к национальному и социальному возрождению.

Подобно тому, как в России их отцы в молодости увлекались марксизмом, некоторой части русской молодежи стали близки идеи фашизма. Эти идеи в то время формировали духовную сущность «нового человека» (в отличие от «старого», воспитанного на идеалах либерализма, демократии, социализма). Часть эмигрантской молодежи видела в фашизме силу, способ утвердить русскую национальную идею и была готова за эту идею идти на подвиг.

Несколько парадоксальным являлось то, что в Королевстве Югославия Всерусская фашистская партия приверженцев из молодежи имела мало. С конца 30-х гг. в Белграде выходил боевой орган российского фашизма на Балканах журнал «Клич». Близко к его редакции стоял новосадец А.А.Пузыревский¹⁵.

Воспитанная в национальном духе, большая часть русской молодежи оставалась вне политических организаций, желая сохранить независимость, тогда как радикальная часть ее вступала в ряды «младороссов» и «солидаристов».

Общество «Молодая Россия», или «Союз младороссов» А.Л.Казем-Бека (преобразованный в 1935 г. в Младоросскую партию) свой «очаг» имел и в Новом Саду. В нач. 30-х гг. председателем его состоял гвардии корнет Михаил Константинович Шидловский (1900–1943?), инструктор верховой езды при новосадском жокей-клубе.

Младоросская партия, значительное идейное движение «эмигрантских сыновей», выставила лозунги: легитимный самодержавный царь и советская система («Царь и советы — будущее России!», «Младороссы — вторая советская партия»). Поддержку советов они объясняли грядущей трансформацией коммунистической власти в подлинно советскую с возвращением ее на исконно русские национальные пути. В конце 30-х гг., политически скомпрометировав себя, эта партия незаметно сошла со сцены¹⁶.

Совсем иную позицию заняла другая группировка. На Первом съезде Русского союза национальной молодежи, состоявшемся 1–5 июля 1930 г. в Белграде, создан Национальный союз русской молодежи (НСРМ). В съезде приняли участие делегаты из Югославии, Франции и Болгарии. Вскоре разработана политическая программа союза, он был переименован в Национальный союз нового поколения, позднее — в *Национально-трудовой союз нового поколения* (НТСНП) и действовал как полулегальная организация; возглавлял ее инженер Виктор Михайлович Байдалаков (1900–1967). Программные положения союза гласили:

- «1. Свержение коммунистической власти, режима террора, произвола и нищеты.*
- 2. Возвращение стране исторического имени “Россия”.*
- 3. Защита территориального единства Российского Государства.*
- 4. Свобода народам России и их право на национально- культурную самобытность.*
- 5. Освобождение заключенных в концлагерях и тюрьмах.*
- 6. Установление свободы вероисповедания, политических свобод, твердой законности.*
- 7. Установление права на труд, свободы труда и равенства возможностей для всех граждан.*
- 8. Установление права частной собственности, но лишь оправданным трудом и ограниченной интересами нации и государства.*
- 9. Установление Нового строя, основанного на началах трудового солидаризма, делового сотрудничества.*

10. Недопущение проявления классовой борьбы»¹⁷.

В НТСНП вступали студенты Белградского, Загребского и Люблянского университетов, самая стойкая и идейная молодежь, окончившая кадетские корпуса или русские гимназии. В эмигрантской среде их называли «нацмальчиками». Уверенные в своих силах, юноши и девушки основной целью жизни ставили служение России. После Второго съезда НТСНП в Белграде (декабрь 1931 г.), в котором приняли участие и русские делегаты из Польши, Прибалтики, Германии, Венгрии, Бельгии, — Белград стал центром движения не только организационно, но и идеологически¹⁸. С энтузиазмом проводились политические занятия, критический разбор «Капитала» К.Маркса, подготавливались агитаторы и политруки. И.В.Халафова вспоминает о нелегких условиях работы:

«Материально было исключительно трудно. Была депрессия, у большинства не было постоянной работы. За чердак, за электричество и дрова, покупку и починку старого ротатора, бумагу и прочее нужно было платить. Кровь в Югославии того времени не была добровольным даром, за нее платили, мало заботясь о здоровье тех, кто ее продавал. Стали продавать кровь. Некоторым, и так истощенным, это очень дорого обошлось, и кое-кого свело до срока в могилу»¹⁹.

Патриотизм молодежи граничил с рыцарской жертвенностью. На вопрос «Когда же ты женишься?» студент Загребского университета и поэт Михаил Залесский (1905–1979) отвечал: «Моя невеста — Россия. Когда вернусь, тогда и буду думать о женитьбе». Тот же обет встречаем в стихотворении активиста НТСНП и поэта Александра Неймирока (1911–1973):

Пусть на меня сквозь тлен и дым
Не снизойдет огонь венчальный.
Благослови меня своим
Благословением печальным.

Пусть тьму безжизненных высот
Я темным сердцем восприемлю.
Благословенный мой исход
В неуготованную землю.

Белград, 1934 г.

В конце 30-х гг. НТСНП отмечает политическое вымирание эмиграции, ее частичную денационализацию и примиренческие настроения. Наряду с отдельными монархистскими и военно-политическими объединениями это движение становится одной из немногих эмигрантских организаций, которые получили распространение во всех странах русского рассеяния. Генеральным секретарем и идеологом движения являлся бывш. профессор Петербургского университета Михаил Александрович Георгиевский (1888–1950), проживавший в Земуне близ Белграда.

Новосадское отделение НТСНП возглавлял Михаил Викентьевич Томашевский (1896–?). В феврале 1939 г. он опубликовал ответ на письмо Л.Н.Трескина в связи с докладом М.А.Георгиевского в Новом Саду 26 декабря 1938 г. Томашевский писал: «НТСНП еще задолго до поднявшегося вопроса об объединении всех русских национальных организаций вокруг Вел. Кн. Владимира Кирилловича установил свою позицию в отношении таковых объединений, постановив ни в какие объединения и блоки не входить, оказывая в то же время всяческую поддержку в “деловом сотрудничестве” с каждой русской национальной организацией в активной борьбе с большевиками»²⁰.

Ввиду того, что эта организация была конспиративной, нет возможности проследить деятельность ее новосадского отделения. Известно, что с нач. 1942 г. оно поддерживало связь с руководителем центра НТСНП в Венгрии бароном Николаем Винекеном, а в 1944 г. в Германию выехало 10 членов новосадского отделения. Контрразведкой СМЕРШ 3-го Украинского фронта Красной армии в ноябре 1944 г. в Новом Саду арестованы и увезены активисты НТСНП Иван Дмитриевич Делибалта и адвокат Алексей Григорьевич Высота. Сложные и трагические пути извещает большинство членов этого союза.

Младшее поколение русской молодежи в Югославии увлекалось и *скаутизмом*, широко привившимся на чужбине. В свободное время и летние каникулы устраивались лагеря в живописных местах страны, куда съезжалась молодежь. Во многих городах выпускались рукописные скаутские журналы и бюллетени.

Группа одиночных скаутов-разведчиков в Новом Саду возникла поздно, лишь в 1939 г.; руководителем ее был Олег Ширококов (род. в 1917 г.). Но вскоре она прекратила существование. По инициативе 17-летнего Михаила Графа в 1941 г. сформировался отряд, в состав которого вошло около 15 скаутов; он быстро увеличился и развернулся в дружину до 55 человек. Одним отрядом скаутов-разведчиков руководил Дмитрий Осипов, другим — Петр Курносенко. Начальницей отряда разведчиц была Мария Руденко, а начальником дружины — М.Граф.

Новосадцы вступили в контакт с будапештской русской дружиной скаутов и примкнули к Венгерскому отделу. Летом 1943 г. близ Нового Сада на Рыбном острове Дуная устроен лагерь скаутских дружин из Нового Сада и Будапешта. Новосадские скауты проявляли деятельность вплоть до прихода в город немцев летом 1944 г.²¹

Вторая мировая война сыграла решающую роль в судьбах русского «незамеченного поколения», едва начинавшего устраивать свою жизнь, семейный уют. В изменившихся условиях пришлось привести в согласие идеалы, совесть, поступки. Кто мог предположить, сколько еще разветвлений и тупиков подстерегает их на избранном «прямом» пути!

Это поколение пережило жестокости войны, лагеря, нищету, унижения и новые скитания... Большинство русских из Югославии военными ветрами было развеяно по всем континентам.

...Пройдут годы, и эти «русские югославы» начнут находить друг друга и объединяться: бывшие кадеты-однокашники, институтки, выпускники русских гимназий и военных заведений, чины Русского корпуса, соколы, скауты-разведчики... И в наши дни они устраивают съезды, «чашки чая», оказывают материальную помощь нуждающимся, издают бюллетени и памятки, свидетельствующие о благожелательном отношении ко «второй родине» — Югославии и о радости в связи с нынешним возрождением России.

Прислушаемся к сегодняшним раздумьям брата институтки Ирины Бодиско, скончавшейся в 1925 г. в Новом Саду. Владимир Васильевич Бодиско, воспитанник Крымского кадетского корпуса в Белой Церкви (выпуск 1930 г.), окончивший затем Агрономический факультет в Белграде, после войны оказался в далекой Венесуэле. Он пишет:

«Там, на Родине, происходят события, которые мы упрямо, но, казалось, тщетно ожидали все семьдесят лет эмигрантского бытия. Нет никого, кто бы этим событиям не радовался. Но для нашего поколения пришли они, увы, слишком поздно. В молодости нам говорили, что мы должны готовить себя для служения будущей России, что ей понадобятся наши знания, наш опыт, наша идеология. В какой-то мере каждый из нас выполнил эти настояния. Но теперь, когда сроки приблизились вплотную, нельзя не признать, что мы России уже не нужны. Если бы она нас и призвала, мы бы не могли отозваться на этот зов, ибо корни, пущенные в странах рассеяния, слишком глубоки и питательны.

Все, что мы могли сделать для будущей России, нами уже выполнено. Мы берегли память о нашей Родине, о ее былом величье, культуре, самобытности. Все, что отцы наши принесли с собой за границу, как и все, что накопили мы за годы скитания, уже

запечатлено на тысячах страниц книг, журналов, газет. Это огромная ценность для возрождающейся национальной России...»²²

И все-таки некоторые из русских «незамеченного поколения» ныне ездят в Россию, дарят Родине свои архивы, коллекции. Широкую деятельность развернули американские отделы Объединения бывших выпускников российских кадетских корпусов в Королевстве Югославия, связавшиеся с воспитанниками суворовско-нахимовских училищ и оказывающие поддержку возрожденным кадетским корпусам в Новочеркасске, Воронеже, Москве, Пензе, Санкт-Петербурге, Новосибирске, Краснодаре.

¹ Козякин Н. Наше поколение // Кадетская переключка: Периодический журнал Объединения кадет российских кадетских корпусов за рубежом (Нью-Йорк), 1980, № 25. С. 5.

² Бранский В.Д. Отчет о деятельности Представительства Всероссийского союза городов в Королевстве С.Х.С. за 1924 год. [Белград], 1925. С. 13.

³ Позднее, объединившись в 1929 г. и 1933 г. с Русским кадетским корпусом из Сараево и Донским Императора Александра III кадетским корпусом из Горажде, он был переименован в Первый русский Вел. Кн. Константина Константиновича кадетский корпус.

⁴ Например, за годы пребывания Донского Императора Александра III кадетского корпуса в Югославии (1920–1933) в нем училось 618 кадет. Из них 162 выпускника затем окончили университеты, 5 приняли сан священника, 41 окончили югославские военные училища, 5 — Николаевское кавалерийское училище, 21 — геодезические курсы, 1 — академию художеств, 1 — музыкальное училище (Кадетская переключка, 1983, № 34. С. 28).

⁵ Маевский Вл. Русские в Югославии: 1920–1945 гг. Нью-Йорк, 1966. С. 62.

⁶ 50 година Медицинског факултета Универзитета у Београду: 1920–1970. Београд, 1970.

⁷ Военный журналист: Двухнедельный орган национальной военно-общественной мысли (Белград), 1939, 1 ноября.

⁸ Наше будущее: В-ѣстникъ Союза Русской національной молодежи в Королевстве СХС (Белградъ), 1926, № 1 (12).

⁹ Основы русскаго сокольства: Обязательныя лекціи по исторіи, идеологіи, организациі сокольства и значенію телесныхъ упражненій для здоровья человека / Редактированы и изданы Просветительнымъ комитетомъ Кр. Союза Русскаго сокольства в Югославіи. Белградъ, 1935.

¹⁰ Памятка Русскаго сокола / Составитель В.М.Ткачевъ; Изданіе просв-ѣдительнаго комитета Союза Русскаго сокольства. Белградъ, 1934. С. 54.

¹¹ Пожариский П.Ф. Краткіе очерки фізіологіи и гігіены телесныхъ упражненій: Для руководителей физическаго воспитанія и лицъ, занимающихся гимнастикой, атлетикой и спортомъ/ Изданіе Просветительнаго комитета Кр. Союза Русскаго сокольства в Югославіи. Белградъ, 1935; Пожариский П.Ф. Сборникъ статей по физическому воспитанію / Изданіе Техническаго комитета Кр. союза Русскаго сокольства в Югославіи. [Б.м., б.г.].

¹² Дан (Нови Сад), 1938, 25 января.

¹³ Общество «Русскій соколь» в Новомъ Саду // Пути Русскаго сокольства: Ежемесячникъ Союза Русскаго сокольства и его Краевого Союза в Югославіи (Белградъ), 1938, № 6.

¹⁴ Попытка в 1926 г. объединить в Белграде русские прогрессивные и демократические силы в лице 18 политических, национальных, профессиональных и казачьих организаций оказалась неудачной.

¹⁵ Клич: Орган национального освобождения под флагом национальной доктрины (Белград), 1939, № 33.

¹⁶ *Петрович Р. (Рончевский Р.П.)* Младороссы: Материалы к истории сменовеховского движения. London (Canada), 1973.

¹⁷ За Россию: Программные положения и Устав Национально-Трудового Союза Нового Поколения. Белград, 1938. С. 5–6.

¹⁸ *Прянишников Б.* Новопоколенцы. Silver Spring, Md. (USA), 1986. С. 11.

¹⁹ *Халафова И.* Свидетель истории. Melbourne, 1988. С. 22.

²⁰ Русский голос (Белград), 1939, 12 февраля.

²¹ *Полчанинов Р.В.* Русские скауты-разведчики в Новом Саду (Записано 10 июня 1991 г. со слов В.Б.Федорова). [Рукопись].

²² *Бодиско В.* Венесуэла // Мы — для себя: Журнал Объединения бывш. воспитанниц Первой Русско-сербской гимназии с общежитием в Вел. Кикинде. Рождественский выпуск. Балтимор, 1991.

Быт и досуг русских на чужбине

Новосадская русская колония была одной из самых многочисленных в Югославии. Как и в Белграде, здесь проживали представители разных сословий России — дворяне, мещане, помещики, военные, купцы, интеллигенты, казаки, крестьяне. У каждой группы сложился свой «мирок», свои интересы и досуг.

Появление беженцев из России вызвало понятное любопытство. Новосадцы ходили на благотворительные концерты в пользу русских сирот и военных инвалидов, беженцам помогали, жалели их, в чем-то осуждали. Чаще всего бросались в глаза неприспособленность пришельцев к повседневной жизни, их нежелание прочно устроиться, пусть даже и в течение временного (как они утверждали) пребывания здесь. Удивляли и пренебрежение беженцев к быту, их нарочитая вежливость и изысканность манер. Русских женщин упрекали в лени и чтении книг, в чрезмерном внимании к уходу за собой и своему туалету, а их супругов — за ведение домашнего хозяйства (работы «чисто женские»).

Местных сербов возмущало стремление русских основать собственную приходскую церковь: «Разве сербское православие, мужественно противостоявшее всем натискам Рима и Австрийского двора, не является достаточно православным для наших русских братьев?!»¹ Регулярное посещение русскими их длительных церковных служб, особенно субботних всенощных бдений, удивляло сербов, но вскоре они стали восторженно говорить о пении и атмосфере, царившей в русском храме. Благодаря беженским регентам русские церковные песнопения привились в сербских православных приходах. Встречая перед воскресной литургией знакомых, новосадцы спрашивали, в каком храме сегодня будет петь хор, и шли туда.

Интересное свидетельство о россиянах оставил пожилой венгр, владелец цветочного магазина. В Новом Саду не было принято покупать цветы, отправляясь в гости, и его магазин прозябал от продажи венков и букетов, которые возлагались на могилы. По утверждению цветочника, обычай преподносить хозяйкам цветы привили русские эмигранты. Может быть, это не совсем так, но известно, что среди беженцев преобладали одинокие мужчины, льнувшие к семейному очагу. Случалось, они становились почти членами иных семей, помогали, чем могли и умели. Другие со сладостями каждый вечер ходили в гости и лишь после многих чашек чаю поздно возвращались по неосвещенным улицам окраин в свои неприглядные «чуланы». Хождение к знакомым запросто, без приглашения, не было праздным

времяпровождением; оно давало возможность узнать новости, познакомиться с людьми нужными, схожих взглядов и интересов, а некоторым — отвести душу, поспорить, отведать русские домашние блюда.

Возможность общаться предоставляли и новосадские русские столовые (Веры Забусовой, Евдокии Ванифатовой и др.), где приятно было испить рюмку перцовки или зубровки, закусив селедкой, маринованными грибами, соленым огурчиком. С появлением беженцев в продуктовых лавках можно было приобрести водку, сельдь (поступала из Норвегии в бочках), кетовую и паюсную икру, гречневую кашу (из Словении) и «русский чай» (московской фирмы «Братья И. и С. Поповы») — напиток, едва до тех пор известный местному населению, так как чай здесь называлась сильно засахаренная настойка из целебных трав, которую, морщась, пили во время болезни. Новосадцы с недоверием относились к русской еде — ватрушке, сырной пасхе («сладкий сыр!»), блинам («соленые блинчики!»), киселям, пирогу с капустой, вареникам, борщу, щам, кашам, квасу, крошону... Однако пирожки и винегрет нравились всем, а «салат Оливье» уже в 20-х гг. получил широкое распространение. До русских эмигрантов об этом блюде здесь не знали, теперь оно в Югославии известно исключительно под названием «русского салата».

Семья русских беженцев Новый Сад, нач. 1920-х гг.

В свою очередь, русские медленно привыкали к местной пище с острой приправой, а также к рюмочкам «ракии» без закуски, к черному (турецкому) кофе или стаканам вина, подаваемым не за обеденным столом.

Было ли у русских свободное время? Несомненно, по крайней мере — вечером. Членство в благотворительных комитетах, в правлении русского православного прихода, в офицерских, монархистских, культурных и иных кружках отнимало массу времени,

энергии, но зато создавало иллюзию прежней жизни. Эмигранты как бы снова становились теми, кем были раньше, забывали свое беженское положение. Они устраивали балы, концерты, готовили любительские спектакли, отмечали юбилеи, принимали заезжих гостей и знаменитостей, читали русские газеты...

Как были обставлены их жилища? Первые годы, когда в Новом Саду ощущался квартирный кризис, приходилось ютиться в маленьких, сырых помещениях, в одной комнате на всю семью или в зале, отданном нескольким семьям. Некоторым беженцам удалось покинуть родину с достаточным количеством личной клади; это были дорожные кованые сундуки с замками, чемоданы. Внушительных размеров и качества («мирного времени») сундуки превращали в предметы мебели, накрывали вышитыми салфетками, ковриками и редко их отпирали. «Сидеть на чемоданах» — значило выжидать и верить в скорое возвращение домой.

Русские привезли с собой семейные или венчальные иконы в окладах, киоты. Их вешали с лампадой в красный угол, на фоне вышитого белого полотенца. У постелей и детских кроваток висели нательные иконки святителей и ладанки. У пожилых вдов стены комнат могли быть увешаны десятками дешевых иконок, которые попадали к ним от умерших подруг. В большинстве домов были самовары. Местное население поражалось, как беженцам удалось вывезти их, не догадываясь, что при эвакуации эти самовары многих спасли от эпидемий и стужи. На стенах русские любили развешивать фотографии Царской семьи и любимых писателей, своих близких. Рамок не было, стекло обклеивали полоской черной бумаги. Декоративные ларчики, где хранились безделушки, колоды карт или документы, размещали на подвесных полочках причудливых форм, которые выпиливали из фанеры лобзиком или выжигали военные инвалиды, казаки. До тех пор, пока в квартирах не появлялись шкафы, буфеты и кровати, их заменяли искусно драпированные материей деревянные ящики, приобретенные в продуктовых лавках. Роль кресел выполняли шезлонги с пестрыми чехлами и вышитыми подушками. Нередко комнаты разделяли складными переносными ширмами. Эмалированные подвесные тарелки над электрическими лампами украшали самодельными абажурами. Этот камуфляж удавался, создавались уют и иллюзия по-домашнему обставленного интерьера. Одно портило впечатление — квартиры русских подчас были переполнены вещами.

Вечеринка у Поздняковых. Новый Сад, конец 1930-х гг.

Бывшие выпускники российских учебных заведений с благодарностью вспоминали, как в школах их обучали ремеслам. В беженстве пригодились эти умения: мужчины плотничали, столярничали, изготавливали мебель (по памяти умудрялись восстанавливать фасон мебели, какой были обставлены их квартиры в России); женщины обшивали семьи или выгодно зарабатывали шитьем. На досуге увлекались вышиванием бисером, стеклярусом (сумочки, кокошники для представлений) или разноцветными нитками (кофты, пояса для парадных нарядов, косоворотки), вязали «текинские ковры» и панно. В конце Великого поста расписывали пасхальные яйца; подрабатывали и изготовлением детских игрушек, абажуров для настольных ламп, кукол в национальных костюмах, модных шляпок, цветов из шелка...

Посуду и мебель молодоженам или знакомым на новоселье дарили в складчину, расходы делили поровну. Позднее во многие семьи попадали вещи скончавшихся одиноких соотечественников, соседей — мебель, кухонные принадлежности, книги. Об этом заблаговременно заботились русские адвокаты. В среде колонии было принято опекать престарелых, ухаживать за могилами тех, у кого не осталось близких; ежегодно служились кладбищенские панихиды.

В определенные дни недели русские любили сходить поиграть в карты, лото, шашки, шахматы. Так создавались не только интимные кружки единомышленников, но и гнезда всяких пересудов, сплетен. Излюбленным местом встреч был читальный зал Библиотеки Русской матицы; там назначали свидания, оставляли письменные поручения, узнавали и обсуждали местные новости.

Оказавшись на чужбине, русские много читали. Местные поражались, откуда у пришельцев столько книг, толстых журналов, газет. А их, вопреки трудностям,

выписывали из Берлина, Парижа, Риги, Шанхая... В первые годы эмиграции зачитывались бульварными романами Лаппо-Данилевской, Крыжановской, Нагродской, Куликовского, историческими и приключенческими романами Краснова, Алданова, Минцлова, Чирикова, Наживина, рассказами Тэффи, фельетонами Аверченко, стихами Лоло, Дон-Аминадо, Агнивцева. Произведения Бунина, Зайцева, Шмелева, Куприна, Мережковского, Блока, Гумилева, Есенина стали пользоваться успехом позднее. Читатели всех возрастов и сословий перечитывали отечественную классику; большими тиражами она переиздавалась в Берлине. В офицерских и казачьих кругах знакомились с мемуарами государственных деятелей, военачальников. Военные сами охотно брались за перо, описывая эпизоды мировой и гражданской войн; неизвестно, что из этих рукописей им удалось опубликовать.

В русских домах постепенно создавались личные библиотеки. Книги неохотно давали на чтение знакомым, берегли, переплетали. Не удивительно, что до наших дней в глухом захолустье Балкан можно обнаружить переплетенные тома петербургских журналов «Нива», «Маски», «Столица и усадьба», «Музыкальный современник», берлинских «Театр и жизнь», «Жар-птица», рижских «Перезвонов», парижских «Иллюстрированная Россия», «Часовой» или подшивки газет «Русь», «Возрождение», «Руль», «Новое слово», даже советских «Вокруг света», «Красная панорама».

Русская молодежь вела дневники, заводила альбомы, писала стихи. Люди в летах по памяти восстанавливали истории семей, составляли родословные.

Бережно хранили фотографии, семейные документы, аттестаты, кредитные билеты... Тут попадались:

Опись и оценка недвижимому населенному имению помещика князя Коно (онъ же Иаковъ) Мирманозова сына Эристова, состоящему Тифлисской губернии, Горскаго округа въ селеніи Одзвिसахъ, учиненная для получения ссуды изъ Закавказскаго Приказа Общественнаго Призренія. Августа 1-го 1876 года.

Удостоверение № 108 от февраля 14 дня 1919 г., выданное Вере Гавриловой от рабоче-крестьянского правительства Украины, Отдела народного просвещения Волчанского уезда при Волчанском военно-революционном комитете, о том, что ею прослушан курс 8-го класса гимназии.

Послужной списокъ командира 3-го Сербскаго отдельнаго паркового артиллерійскаго дивизіона подполковника Марковскаго, составлень Декабря 8 дня 1917 года.

Божією Милостію Мы, Александръ Второй, Императоръ и самодержецъ Всероссійскій, Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій и прочая, и прочая, и прочая. — Нашему полковнику Генеральнаго Штаба, Начальнику Штаба местныхъ войскъ Одесскаго военного Округа, Николаю Козлову. — Въ воздаяніе отлично-усердной и ревностной службы вашей, Начальникомъ засвидетельствованной, Всемилоостивейше пожаловали Мы васъ Указомъ, въ 8 день Ноября 1873 года Капитулу даннымъ, Кавалеромъ Императорскаго Ордена Нашаго Святыя Анны второй степени.

Повседневный эмигрантский быт отражают уцелевшие дневники. Перелистаем пожелтевшие страницы одного из них:

«Суботица, 5 ноября 1928 г.

Запишу за два дня. Начну с субботы. Ничего особенного. Вечером была в церкви. Приехал владыка Феофан с Чудотворной иконой Курской Божией матери Знаменія. Я так верила во что-то, какое-то чудо, но когда я приблизилась к иконе, я почувствовала, что у меня в голове пусто, я не могла формулировать всех своих желаний, и они вылились у меня прямо в неясную мольбу: “Сделай так, чтобы всем было хорошо”.

После вечерни пили чай. Разошлись поздно...

В воскресенье я пошла в церковь. Там была, пока не пришел папа, и тогда мы пошли в клуб, где должен был быть молебен... Молебен прошел чинно, с хором, с “Исполаети деспота”. Потом архиерея пригласили откушать... Дальше — обыденная жизнь, карты, ужин...

6 ноября 1928 г.

Понедельник прошел в хлопотах и бесцельной беготне. К 6-ти часам, уставши, пришла домой, разделась и села штопать чулки. Кругом все неприглядно. Денег нет, надо хлопотать об их доставании, надо платить долги...»²

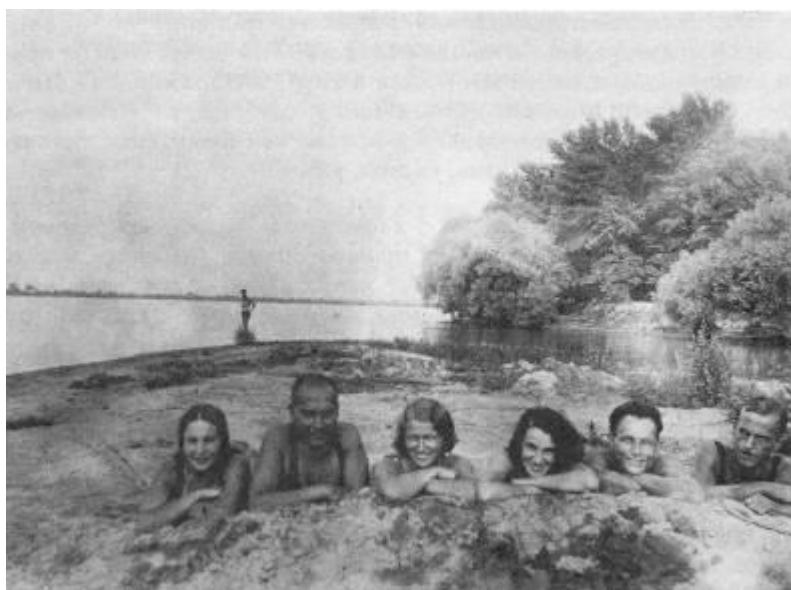
Бездетные охотно заводили домашних животных, чаще собак, а вдовы — кошек; подбирали их во дворах и на улице, кормили бездомных котят, возбуждая насмешку или недовольство соседей. Интеллигенты занимались коллекционированием, в особенности того, что не было связано с материальными издержками — погашенных почтовых марок, открыток с видами курортов или репродукциями произведений искусства, вырезок из газет (на всевозможную тематику); собирали русские пословицы, записывали анекдоты. Другие годами подбирали материал и писали «в стол» какие-либо работы, изучали Священное Писание, философию, иностранные языки; из удовольствия и по доброму сердцу обучали соседских детей игре на музыкальных инструментах, рукоделию,

иностранным языкам, помогали готовить школьные уроки, пробуждали любовь к природе, рыбной ловле, животным.

Эмигрантская молодежь в большинстве училась в русских кадетских корпусах, девичьих институтах или гимназиях с общежитиями и на каникулы приезжала к родителям. Свободное время юноши и девушки проводили с ровесниками, увлекались теннисом, выезжали на природу:

«В Новом Саду у нас была хорошая лодка. Широкий Дунай со своими пляжами, лесистыми берегами и уютными полянами, рядом хоть и маленькая, но покрытая лесом тоже уютная Фрушка-Гора, научили нас с детства ценить и любить природу. Сколько пикников, и семейных и групповых, бывало на берегах Дуная в летние месяцы! Сколько прогулок, и одиночных, по Фрушка-Горе! От Стражилова до Черевича я исходил ее всю. На этом участке прошел и побывал, кажется, во всех монастырях... Последнее место, куда мы доходили, была Тестера, бывшее имение венгерских графов, еще не тронутое, с чудным дубовым лесом. Со школьными друзьями мы плавали на лодке из Нового Сада в Белград, ходили пешком по Сербии, полюбили сербскую церковную старину...»³

Русские на берегах Дуная. 1930-е гг.

Характерной чертой эмиграции было вести частую переписку с родственниками и знакомыми, отправлять иллюстрированные открытки с поздравлениями или из мест отдыха и командировок. Писали друг другу и в тот же город, и во многие страны мира. Благодаря этому люди были информированы об условиях жизни на всех континентах. Через Берлин, Латвию или непосредственно из Югославии некоторым удавалось переписываться с близкими в СССР, чаще с теми, кто проживал в провинции.

Предприимчивые дельцы в Белграде и Новом Саду открыли конторы, через которые можно было отправлять посылки и денежные переводы в Советскую Россию. Посылки одно время отправляли и по почте. Об этом сохранилось свидетельство княжны Екатерины Сергеевны Эристовой в ее дневнике 1929 г.:

«... Жизнь в России еще больше ухудшилась, и теперь тетя Нюня и я аккуратно посылаем Оле посылки со съестными припасами, но какими все обставлено издевательствами, грядущие поколения не поверят! В год можно на одного человека послать лишь по пяти кило чего-либо! И то по почте, заказной посылкой. У меня просто в мозгу не уместается, что заказной посылкой я отправляю в Россию муку и сало! Это какой-то бред сумасшедшего»⁴.

В большинстве случаев отправленные деньги в руки советских получателей не попадали. С другой стороны, тщетными были, например, попытки бабушки из Харькова помочь одинокой, страдающей туберкулезом внучке, оказавшейся в Воеводине. Старческим почерком, по дореформенной орфографии бабушка писала в 1929 г.:

«Милая и дорогая моя деточка, <...> ходила въ Государственный банкъ, не разрешаютъ посылать деньги русскимъ подданнымъ. Я даже не знаю, осталась ты русской подданной или же ты теперь сербская гражданка? Если ты сменила подданство, то пришли съ милицији удостоверение, тогда можно послать деньги въ небольшомъ количестве. Определенно не сказали, сколько, а по усмотрктю директора банка. Потомъ ихъ надо менять на доллары, но въ банке не меняютъ, а надо узнать, где можно поменять частнымъ образомъ, где-то на базаре, говорятъ»⁵.

Возврат на родину был совершенно нереален. Можно лишь догадываться, сколько горечи доставило 24-летней девушке письмо от матери, отправленное 12 марта 1927 г. из Ганджи (Азербайджан): «...Вопрос о приезде к нам я предоставляю на твое полное усмотрение. Мне и в голову не приходило то, о чем ты пишешь!»⁶

В картонных коробках и старых чемоданах, на шкафах и в чуланах русские хранили письма. Как и дневниковые записи, эпистолярное наследие содержит яркие свидетельства об эпохе и пережитых мытарствах изгнанников:

*«Kriegsgefangenlager Stalag XII-D,
Trier, 15. IX. 1942 .*

Дорогой Тамарик,

большое спасибо всем Вашим близким и Вам за открытку и посылку. Все отлично; на этот раз в особенности кстати пришлись сухари, т.к. уже десять дней из-за диеты я не ем хлеба, а папирсы лечат душу. Макароны будем варить по воскресеньям. Я потерял всю надежду на возвращение в Белград. В конце концов утрачу способность к работе,

настолько я стал тупым и ленивым. Боюсь, это письмо будет последним, т.к. нам разрешается писать лишь три раза в месяц...

Gefangennummer 58374 ».

[Открытка со штемпелем цензора № 43.]

Человек № 58374 выжил. Через восемь лет он писал:

«Буэнос-Айрес, 1 апреля 1951 г.

Дражайший Тамарик!

...Очень рад был получить Ваше письмо, узнать о Вас и вообще о жизни у вас. И, откровенно говоря, не позавидовал вашей обстановке. Здесь нам, старикам, тоже очень тяжело, но зато как-то свободней дышится. Население в большинстве испанского происхождения, поражает своей приветливостью и любезностью. Конечно, это все только показное, внешнее, но все же приятнее видеть это, чем слышать на каждом шагу белградский мат...

Климат здесь принято ругать. Еще большим шиком считается бранить местное производство. Правда, что это и не без основания. Никто не учитывает того, что все это производство началось здесь только 10–15 лет тому назад, что именно это дает широкие возможности всем приезжающим начать любое дело с надеждой на крупный заработок. Но уж совсем обязательно для всех жаловаться на отсутствие природы: одним не хватает Баварских гор, другим — Авалы, Савы, Дуная. Редко кто раскачается вместо визитов к знакомым пойти в парк, тянувшийся на несколько километров, или поехать в здешнюю “Венецию”... Короче говоря, все недовольны тем, что нет старого, привычного, что надо менять вкусы, надо учиться находить красивое в другом чем-то, а не в том, что было в Европе. Еще более “образованные” жалуется на отсутствие русской и европейской культуры. Но поверьте, этого нет ни в одной стране Европы, никто из нас не мог так часто слушать русскую музыку, как может именно здесь. Население очень любит и знает ее»⁷.

Мы забежали вперед — военному и послевоенному периодам посвящены следующие главы.

Действительно, с годами Югославия для русских эмигрантов становилась все более близкой и дорогой. Они приняли ее устои и культуру. Страной правил православный монарх Александр I Карагеоргиевич, которого называли «Король-Рыцарь». Его убийство в Марселе (1934) было воспринято эмигрантами как апокалиптическое повторение злодеяния над российской Царской семьей:

«Король Александр был великим человеком, большим другом русских. Много сделал добра для беженцев в своем молодом и небольшом государстве... Пал он от руки тех же

убийц, которые всегда были против Сербии. Для всех это была трагедия, в особенности для русских в Югославии. Мы проливали искренние слезы, может быть, более искренние, чем сербы, так как потеряли своего покровителя, защитника, свою надежду.

К сербам мы всегда относились как к славянам одной крови. Мы жили как братья, дружно... Любим Сербию и благодарны ей. Любим и хорошо знаем сербский народ — не городских “комсало́нцев”, а именно сербского крестьянина, которого отлично узнали за двадцать лет совместной жизни»⁸.

Собственный быт неуловим для нас, мы замечаем особенности чужого быта. Белградский поэт Евгений Кискевич (1891–1945) в одном из стихотворений своеобразно использовал тему эмигрантского быта:

Я полюбил беседы о погоде,
О родственниках, жалованье, снах.
Ни резким взлетам, ни большой невзгоде
Нет места в наших дружеских речах.

Мы безобидно обо всем толкуем:
Что пишут, как устроиться прочней,
Как сделаться пейза́ном иль буржуем
И чем заполнить счастье наших дней.

.....
Поменьше вечности! Высоким раем
Не совратить наш укрепленный дом,
Мы обволакиваем, обтекаем
Все острое, опасное кругом,

И просто отмыкаем всякий ларчик:
Шкаф негоряемый, и спальню, и киот;
Наш беженский помятый самоварчик
Покорно подвывает и поет,

Урчит о том, как наше бремя просто,
Когда насыпана над жизнью гать,
Как бодро от купели до погоста
Способны мы по жизни прошагать,

Не позавидовав тем донкихотам,
Что жить хотят на сказочной звезде,
Сражаться, ссориться, служить оплотом.
Смышленные, мы можем жить везде,

Чтоб быть, как все, толкуя о погоде,
О правильной житейской полосе,
О женщинах, и братстве, и свободе,
О счастье быть, как все.

¹ Застава (Нови Сад), 1922, 9 мая.

² Дневник княжны Е.С.Эристовой (Собрание А.Б.Арсеньева).

³ Письмо Р.В.Эппле из Сантьяго (Чили) от 5 февраля 1996 г. к автору.

⁴ Дневник княжны Е.С.Эристовой: 12 февраля 1929 г.

⁵ Из бумаг М.А.Баженовой (Собрание А.Б.Арсеньева).

⁶ Там же.

⁷ Письма архитектора Н.В.Мессароша к Т.А.Арсеньевой (Собрание А.Б.Арсеньева).

⁸ Жуковски А. Мој живот // Театрон: Часопис за позоришну историју и театрологију (Београд), 1995, бр. 90. С. 95.

Пути и судьбы после 1940 г.

Жизнь новосадской русской колонии перед Второй мировой войной протекала спокойно. К русским в городе привыкли, и местные газеты уже редко упоминали о них как об эмигрантах. Служба, материальное обеспечение, общественная деятельность и личные интересы русских новосадцев достигли некоторой уравниновенности. Их политические группировки, непримиримые между собой (хотя и сравнительно близких идеологических позиций), не приводили к конфликтам. Общественная жизнь проявлялась скорее в рамках эмигрантских профессиональных и культурных объединений, в воспитании молодого поколения.

Вспоминая те годы, старожилы отмечают насыщенную и дружную жизнь русских в Новом Саду: юбилейные торжества, балы, концерты, лекции, устраиваемые в т.н. *Русском клубе* (ул. Златна Грета, 7, куда в нач. 30-х гг. переехало Русское офицерское собрание) или в нарядных залах городских гостиниц, в Сокольне, Офицерском доме, Матице сербской.

Находясь на периферии европейских событий и сознавая, что возврат в Россию неблизок, русская эмиграция в Югославии все больше ориентировалась на идеализацию прошлого, сохранение национальных традиций. Она сопротивлялась ассимиляции, но за исключением отдельных группировок не ставила целью борьбу за свержение советской власти.

Стихи А.А.Сердюковой словно подтверждают это:

РОДНОЕ

Знакомый запах бузины
взывает к дням испепеленным.
— О, как мучительно нужны
мечты сердцам обремененным!

Среди бездомного пути,
в трудах томительной дороги
не миновать, не обойти
чужие, пыльные пороги.

И надо все вперед идти

в пыланье горестном заката,
неся в измученной груди
мечту далекого возврата.

Шли годы... Первое поколение эмигрантов старело. Заботами председателя новосадской колонии ген.-майора Ф.В.Данилова 22 октября 1939 г. в Петроварадине открыт *Русский старческий дом им. Императора Николая II* (ул. Рельковичева, 46). Ранее в Новом Саду уже существовал *Приют для военных инвалидов*, в 20-х гг. в нем проживало до сотни контуженных и престарелых воинов. В нач. 30-х гг. городские власти бесплатно уступили колонии участок в районе Велики-Лиман, где был построен *Дом для русских военных инвалидов* и членов их семей (до наших дней не сохранился).

Однако события на европейской арене разворачивались стремительно, и угроза мировой войны стала реальностью. После убийства короля Александра (1934) внутри страны обострились межнациональные разногласия. Агрессивная политика Германии, угрозы Королевству Югославия со стороны Италии, влияние Англии и деятельность иностранных разведок на Балканах — принудили князя Павла, регента несовершеннолетнего принца Петра, изменить курс по отношению к Советскому Союзу. Югославская миссия прибыла в Москву 8 мая 1940 г. и была принята главой правительства СССР В.М.Молотовым. Помимо ряда торговых сделок стороны обсудили возможность закупки Югославией истребителей и танков. Поставки тяжелого вооружения советская сторона обусловила установлением дипломатических отношений. Советский посол прибыл в Белград в июне 1940 г. (Югославия оказалась последним европейским государством, признавшим СССР.)

Русская эмиграция восприняла этот факт настороженно. Наступал новый этап ее проживания в братской славянской стране.

Вовлечение Румынии и Болгарии в Тройственный военный союз между Германией, Италией и Японией привело к подписанию непрочного договора «о вечной дружбе» Венгрии и Югославии в декабре 1940 г. С другой стороны, многие хорваты и некоторые этнические меньшинства (немцы, венгры) не были лояльны к своему многонациональному государству — Югославии; их представители отдельно сносились с Германией. Последняя настойчиво требовала от Югославии примкнуть к Тройственному пакту, что и свершилось 25 марта 1941 г. Этот акт вызвал недовольство населения столицы. Массовые демонстрации на улицах Белграда состоялись 27 марта, а в ночь с 27 на 28 марта ген. Д.Симович (военачальник проанглийской ориентации) при поддержке молодых офицеров совершил государственный переворот. Князь Павел был арестован и

через Грецию вывезен англичанами в Африку. Германский фюрер, потеряв доверие к югославским правителям, принял решение покончить с Югославией.

Воскресным утром 6 апреля 1941 г. германская авиация начала бомбить Белград, ранее объявленный открытым городом. В страну со всех сторон вторглись оккупанты — из Венгрии, Румынии, Болгарии, Италии, Австрии... Королевство развалилось. Принц Петр и правительство покинули страну. Было создано пронацистское Независимое государство Хорватия (НДХ), распространившееся и на южные территории Воеводины между Дунаем и Савой, вплоть до Белграда. Хлебородный Банат занял германский рейх, а область Бачка с Новым Садам — Венгрия.

Упразднение Королевства и скорое нападение Германии на СССР вызвали недоумение и частичное размежевание в рядах русской эмиграции. Все политические и общественные организации в Белграде были вынуждены прекратить свою деятельность. Материальный и юридический статус эмиграции обязывал ее занять определенную позицию: действовать самостоятельно, подчиняясь новым условиям, значительно отличавшимся в разных колониях (в зависимости от территорий, на которых они находились, — в Македонии, Сербии, Далмации, Черногории, Бачке...). Симпатии эмигрантов были на стороне насильственно разделенной Югославии, но одновременно взоры устремлялись к Родине. Проснулась надежда, что в начавшейся войне советский режим будет уничтожен.

*Сокольская встреча в Русском офицерском собрании (Русском клубе).
Новый Сад, конец 1930-х гг.*

Часть русских, ранее принявших югославское подданство, призвали в армию перед самой войной. В составе югославской армии много их погибло, было ранено, попало в плен или увезено на принудительные работы в Германию.

С первых дней немецкой оккупации в Белграде открыто *Бюро по делам русских беженцев*, распространявшее свою деятельность лишь на столицу бывшего Королевства и Сербию. Начальником бюро оказался честный, но своенравный и политически недалекосидный ген. М.Ф.Скородумов.

Положение русских эмигрантов в Сербии становилось исключительно тяжелым, особенно в провинции, где вспыхивали партизанские коммунистические восстания против оккупантов, а также против нового сербского правительства и местных властей, лояльных к захватчикам. Одновременно формировались сербские национальные части ген. Дражи Михайловича; между ними и партизанами разгорелась гражданская война. В этой борьбе незащищенные эмигранты зачастую становились объектом истребления и грабежей. (До 1 сентября 1941 г. зарегистрировано более 250 убийств русских коммунистами, включая десятки русских священников в селах.) Безработица и опасность пребывания в провинции принуждали многих эмигрантов покидать насиженные места и бежать в Белград, где для них были открыты столовые и нашелся временный приют.

Жизнь в Белграде, отрезанном от житницы — Воеводины, становилась непосильно дорогой и полной лишений. Не получив поддержки от сербской комендатуры, ген. Скородумов обратился к германским военным властям. Уверенный, как и многие бывшие чины Русской армии, что в планы Германии входит восстановление национальной России, генерал не принял рекомендации о вступлении русских в германские воинские подразделения или сербскую жандармерию, а добился формирования самостоятельной воинской части с русским командным составом и в русской военной форме — *Отдельного русского корпуса* (с 12 сентября 1941 г.). Добровольно, или в силу материальных причин (по приказу оккупационного командования местные власти лишали русских работы), или подчиняясь угрозам и приказам ген. Скородумова, в корпус записывались казаки, бывшие офицеры, студенты, кадеты, гимназисты... Многие русские офицеры стали в корпусе рядовыми: русские офицерские погоны сочетались у них с немецкими солдатскими нашивками.

Угрызения совести по отношению к народу оккупированной Сербии и разочарование испытывают многие, так как после подготовки корпусников не направили на Восток для борьбы против коммунизма, за освобождение от него Родины, а мелкими гарнизонами или караулами оставили в Сербии для охраны объектов и обеспечения спокойной жизни населения.

Вступление в провинцию Сербии 1-го русского отряда в ноябре 1941 г. белградская русская печать пропагандировала как «исторический день русской эмиграции, день возобновления вооруженной борьбы с коммунизмом и день общественного рождения боевой России»¹.

Стремление германского начальства использовать Русский корпус в своих интересах привело к замене ген. Скородумова русским ген.-майором Б.А.Штейфеном, после чего корпус был полностью подчинен германскому хозяйственному управлению в Сербии и переименован в *Русский охранный корпус* (1941— 1945). Позднее ему придется вступать в бои с партизанами Тито, быть настороже с «четниками» Д.Михаиловича. К концу 1944 г. корпус состоял из пяти полков общей численностью в 11200 человек².

Под венгерской оккупацией областей Бачка и Баранья юридическое и материальное положение русских почти не изменилось, в этом смысле их статус и отношение к ним отличались от положения эмигрантов в оккупированной немцами Сербии. Согласно переписи населения Королевства Югославия, в 1931 г. в этих областях проживало 4328 русских без гражданства³. Оставшихся на государственной службе и во время оккупации (например, в Управлении железными дорогами в Суботице или в новосадском Институте сельского хозяйства) русских приравнивали к остальным гражданам «объединенных венгерских территорий». Большинство имело т.н. «нансеновские» международные беженские карточки, поскольку лишь сравнительно незначительное число русских, даже и после 20 лет изгнания, приняло югославское подданство. При венгерской оккупации Нового Сада (переименованного в Уйвидек) эти беженские карточки не имели силы. Эмигрантам предлагали принять карточки будапештского филиала Международного Красного Креста, однако они к этим карточкам относились с недоверием и редко кто соглашался принять их.

В городе венгры запретили почти всякую общественную деятельность, но русским разрешили создать *Русское военное представительство*. Продолжил работу, изменив название, прежний Новосадский, а теперь *Уйвидекский комитет Российского общества Красного Креста*, не был закрыт и Русский клуб со столовой.

Центр сосредоточения русской эмиграции Белград был отрезан от Нового Сада (Уйвидека) сербской, двумя хорватскими и венгерской границами. Осложнились и контакты Нового Сада с Петроварадином, так как последний вместе с «Хорватскими Карловцами» вошел в состав Независимого государства Хорватия. Оба моста через Дунай были взорваны. В Петроварадине пришлось создать отдельную русскую колонию, ее возглавил врач Алексей Иванов.

Узнав о формировании Русского корпуса в Белграде и преодолев дипломатические препятствия между «Новой Венгрией» и Германским управлением в Сербии, Русское военное представительство в Уйвидеке приступило к набору русских в корпус. Вспоминая, полковник Л.Н.Трескин пишет:

«В Русском офицерском собрании был открыт регистрационный пункт для всех воинских чинов, проживавших на территории Венгрии. Во главе этого пункта стали заведующий делами Корпуса императорской Армии и Флота ген.-лейтенант К.В.Апухтин и председатель Новосадского района РОВС ген.-майор А.Н.Черепов.

Движимые патриотическим чувством и желанием принять горячее участие в деле освобождения своей Родины, некоторые русские люди живо откликнулись на регистрацию, бросая хорошо оплачиваемую службу, продавая за бесценок свое имущество и дома, кто таковые имел... В Новом Саду на улице Царя Николая II был снят специальный дом, куда стекались русские добровольцы и где поместилось представительство Русского корпуса во главе с ген.-лейтенантом К.Апухтиным, при начальнике канцелярии гвардии полковнике Георгии Константиновиче Дворжицком.

Первоначально сформировалась дружина, состоявшая из трех сотен. Командование дружиной принял ген.-майор А.Черепов; командиром 1-й сотни, состоящей исключительно из офицеров, был назначен полковник Леонид Николаевич Трескин; 2-й, состоящей из кавалеристов (преимущественно солдат), — полковник Пантелеймон Яковлевич Козинец, а 3-й, состоящей из казаков, — полковник М.В.Зозулин. В сер. декабря 1941 г. — нач. января 1942 г. сотни были переброшены на грузовиках в Белград. Новосадская дружина положила основание 3-го полка Русского корпуса. Вначале она охраняла антимонитный рудник Заяча в северо-западной Сербии. Позднее новосадские сотни расположились вдоль реки Дрина»⁴.

В суровую, морозную зиму 1941/42 гг. Новому Саду пришлось пережить самые страшные испытания за всю его историю — террор оккупантов в отношении сербов, евреев, цыган и других народностей. В конце января 1942 г. город был в осаде и без телефонной связи с внешним миром. Три дня шли резня и массовые расстрелы целых семей. Врывавшиеся в квартиры венгерские жандармы истребили несколько тысяч невинных жертв, включая женщин и детей. Многих живьем бросали под лед Дуная. В этой т.н. «рации» — геноциде — погибло и 19 русских эмигрантов.

Русские, не вступившие в корпус, были обязаны заполнить бланк-анкету о происхождении своих предков. Если она свидетельствовала об их арийском происхождении, им, как и другим новосадцам, позволялось продолжить довоенную работу. Некоторым эмигрантам отказали в государственной службе (инженеру

П.И.Вандровскому, преподавательницам гимназий Е.А.Чарыковой, Е.В.Вандровской и др.). Кое-где оккупационные власти устраивали официальную проверку знания венгерского языка. Русские его не знали. Приходилось проявлять лояльность к государству, недружелюбно относившемуся к славянским и православным народам. Никуда не уезжая, русские оказались в чуждой среде невольными «беженцами» из православной Сербии.

Однако были и новосадцы, которые с первых дней или позднее включились в подпольное и освободительное движение. Так, 25-летний партизан новосадец Олег Николаевич Рябов погиб в Боснии⁶.

*Часовня Св. Василия Великого в Епархиальном дворце.
Новый Сад, 1940-е гг.*

Когда «Южный край» (область Бачка) был соединен с «Королевством Св. Стефана» (Венгрией), Общество попечения о духовных нуждах русских беженцев в Новом Саду потеряло свое правовое значение. Единственный тогда русский церковный приход

области, с центром и храмом в Новом Саду, оказался в неопределенном положении; в подобной ситуации оказался и разъездной священник о. Николай Чистяков, проживавший в Суботице. Вопрос выдачи документов о крещении, венчании и об арийском происхождении ставил в затруднительное положение русские колонии «Южного края». Ранее выданные документы новая власть не признавала, а связь с Епархиальным русским управлением в Белграде и митрополитом Анастасием была прервана.

По инициативе настоятеля новосадского храма о. Сергия Самсониевского созвано совещание русских священников в Венгрии, которое 10 (23) октября 1941 г. постановило войти в каноническую связь с ближайшим русским иерархом — архиепископом Серафимом в Берлине. Последний, по соглашению с белградским митрополитом Анастасием, принял под архипастырское управление русские приходы в Венгрии и учредил свое *Представительство* во главе с о. Сергием Самсониевским. Соответствующее решение о русских священниках, состоявших на сербской службе, оформил и сербский епископ Ириней. Министерство вероисповеданий и просвещения Венгрии утвердило необходимые полномочия представительства, но сочло излишним учреждать союз приходов ввиду существования Российского общества Красного Креста. Последнее приняло на себя заботы о русских приходах и облегчении их связей с властями.

Высокопреосвященнейший Ириней, остававшийся и в военные годы почетным председателем новосадского отдела Российского общества Красного Креста, стал председателем созданного *Русского православного миссионерского совета*, а архиерейский представитель протоиерей Сергей Самсониевский — председателем *Духовного суда* (его заместителем был священник Василий Колюбаев). Членами суда были священники Николай Чистяков и Владимир Родзянко (впоследствии архиепископ Василий при Американской автокефальной Православной церкви), а казначеем — о. Михаил Толмачев. В правление миссионерского совета входили настоятели русских храмов и штатные руководители отделов (А.А.Сердюкова, П.И.Ризнич, В.Д.Порошин, Н.П.Шидловская, А.П.Беликов, Г.Б.Броневский, В.В.Бартенева, казначей правления Л.Ф.Курносенко).

Русские приходы, общины и подобщины, помимо центра — Уйвидека, имелись в Будапеште и в 15 городах Венгрии, включая Ужгород⁷. Миссионерский совет проводил регулярные заседания в разных городах Венгрии и способствовал облегчению жизни русских. Сохранилось любопытное свидетельство о том, что заботами миссионерского комитета в Уйвидеке изготовлено для отсылки в «освобожденные» местности России 16 тысяч нательных крестиков⁸.

Большая часть русских, оказавшихся на оккупированной территории областей Банат и Бачка, сохраняла нейтралитет, ожидая окончания войны. В местах своего жительства они вступали в контакты с советскими военнопленными, привезенными на работы. Некоторые эмигранты оказывали им помощь и даже устраивали побег из плена в партизанские отряды, передевая пленных и связывая их с подпольными ячейками.

Осенью 1944 г. во время освобождения северо-восточной Югославии при содействии советской армии (3-го Украинского фронта) эмигранты поспешно жгли

опасные документы из семейных архивов и фотографии, на которых они или их близкие были запечатлены в военной форме, прятали ордена и реликвии царского времени. Некоторые, разделяя радость местного населения, встречались с советскими офицерами и солдатами, приглашали их в свои дома и угощали, произнося тосты в честь Родины.

Часть русских, по мере приближения Красной армии, ушла на Запад, опасаясь репрессий — либо из-за причастности родственников к Русскому корпусу, либо предчувствуя отношение к «белоэмигрантам». Большинство эмигрантских семей покинуло Новый Сад 13 сентября 1944 г. поездом на Будапешт. Несколько вагонов с русскими проследовало многодневным маршрутом через Венгрию и Австрию в Германию: Будапешт (стоянка двое суток), Вена (двое суток), Галле на р. Саале (трое суток), Вольфен (стоянка на неделю), Биттерсфельд на р. Мульде (севернее Лейпцига). Часть присоединилась к Русскому корпусу, отступившему в Австрию, часть попала в лагеря «Ди-пи» в Германии. В 1947 г. некоторые из них перебрались оттуда в Северную Африку и дальше. Группе русских новосадцев из лагеря для перемещенных лиц близ Мюнхена впоследствии удалось переехать в США (Филадельфия). В 50-х гг. несколько бывших новосадцев жили в Русском старческом доме г. Сент-Рафаэль на Лазурном побережье Франции.

После прихода Красной армии в Воеводину почти всем русским пришлось писать автобиографии и заручаться характеристиками по месту работы. Многих арестовали — затем выпустили. В Банате были созданы лагеря, куда свозили местных немцев — пособников оккупантов, а также и не провинившихся русских эмигрантов, включая женщин и детей. От них путем настойчивых допросов пытались получить сведения о родственниках или знакомых соотечественниках.

Советские военные власти в прифронтовой полосе проводили проверку и чистку оставшихся русских; контрразведку главным образом интересовали активисты НТСНП, РОВС и казачества. Престарелые чины русской армии, военные инвалиды, доживавшие свои дни в приютах, или молодые русские, состоявшие ранее на службе в Королевской армии Югославии и не покинувшие мест своего жительства, предстали перед органами СМЕРШ — особого отдела советской контрразведки. Некоторых стариков-инвалидов расстреляли около Темишвара. Часть арестованных через Румынию или на самолетах из Белграда (В.В.Шульгин, М.А.Георгиевский, В.М.Ткачев и др.) отправили в Москву на Лубянку. Такая судьба постигла новосадцев: служащего Александра Петровича Сахновского, офицера югославской армии Юлия Анатольевича Улиха, бывш. артиллерийского поручика Якова Семеновича Шпиндлера, капитана Степана Васильевича Лисицына, кубанского казака Георгия Филипповича Голобородько, руководителя

новосадского отделения НТСНП Ивана Дмитриевича Делибалту, адвоката Алексея Григорьевича Высоту, чертежника Валериана Алексеевича Стрижкова, архитектора Сергея Сергеевича Маккавеева, летчика Константина Николаевича Буссова, его тестя — полковника Алексея Лазаревича Мариюшкина⁹...

Одновременно югославские власти арестовывали в Петроварадине и судили русских, не прекративших своей профессиональной деятельности при недавнем государстве НДХ¹⁰.

Непосредственно после освобождения Воеводины, когда в местных «народных комитетах» вместе с партизанскими бойцами у власти были и советские военные представители, появился «декрет Сталина», согласно которому не скомпрометировавшие себя в войну русские эмигранты без подданства или желающие сменить таковое могли получить советский паспорт. Часть русских так и поступила: одни из патриотических чувств, некоторые по принуждению, а многие по необходимости, в зависимости от положения, в котором оказались сами или их семьи.

Следует отметить, что новое государство — Демократическая Федеративная Югославия (ДФЮ) — юридически не охраняло интересы русских эмигрантов, даже относилось к ним враждебно. Однако местные власти и население, которым каждый русский был известен, относились к эмигрантам по-разному, чаще дружески и с сочувствием.

Русские, принявшие советское подданство, вскоре были разочарованы, потому что оно не давало им возможности вернуться на Родину и не приравнивало их в правах с советскими гражданами. У руководства СССР были причины задерживать этих русских в Югославии и держать подальше от советских людей, находившихся в ДФЮ.

Югославские власти нажимали на русских эмигрантов, принуждая принять советское гражданство и надеясь, что всех их вывезут в Россию. Как отмечали современники, советское подданство приняли около 2000 человек; остальным русским в Югославии пришлось настойчиво добиваться признания своего прежнего югославского гражданства или быть принятыми в это гражданство. Последовала бюрократическая волокита, новая чистка со всевозможными издевательствами¹¹. Однако современники ошиблись в подсчете: по косвенным данным, до ноября 1947 г. около 6000 русских приняли советское гражданство¹², тогда как по сведениям Министерства внутренних дел, к сер. 1949 г. из 13057 «русских эмигрантов», проживавших в Югославии, 5874 имели советское подданство, 6887 — югославское, а 296 были без подданства.

Через неделю-две после подписания в Москве советско-югославского договора о дружбе и взаимопомощи в конце апреля 1945 г. возникло новосадское *Общество по*

культурному сотрудничеству Воеводины с СССР, на сербском языке стал выходить его бюллетень¹³. Подобные журналы печатались в Белграде и во всех республиках страны, с ноября 1945 г. переименованной в Федеративную Народную Республику Югославию (ФНРЮ). Это общество развернуло широкую деятельность: были открыты библиотеки с советскими книгами и периодикой, переводились брошюры о жизни в Советском Союзе, возникали курсы по изучению русского языка (ставшем в стране почти обязательным), устраивались выставки картин и фотографий, посвященных Отечественной войне, демонстрировались кинофильмы, на встречи с рабочими и творческой интеллигенцией приглашались советские ветераны, артисты, лекторы, разъезжавшие по Югославии. Наступила новая волна увлечения русским (теперь советским) искусством, вновь оставившим заметный, хотя и непродолжительный, след в культурной жизни страны¹⁴.

Русских новосадцев в Общество по культурному сотрудничеству Воеводины с СССР не приглашали, поэтому они не принимали участия в его деятельности, за исключением пожилого преподавателя гимназии Д.В.Скрынченко, занявшего скромную должность библиотекаря общества. Незадолго до своей кончины он прочитал проникнутую патриотизмом публичную лекцию по случаю 800-летия основания Москвы.

Эмигранты не пользовались библиотекой общества, однако на кинофильмы с исторической тематикой или по произведениям классиков они ходили, хвалили игру актеров, но метко подмечали нарушения «духа эпохи»: произношение и советскую лексику, детали военной формы, негодовали на тенденциозность и засилие идеологической пропаганды.

В этот переломный период Новый Сад оставил о себе горькие воспоминания у ряда русских, которые в годы войны были вынуждены уехать из Сербии на работы в Германию. По возвращении в Югославию их арестовали и как «сотрудников оккупантов» без суда и следствия заключили в лагеря на неопределенный срок. В 1945-1947 гг. один из таких лагерей размещался на территории новосадского консервного завода¹⁵.

Очередное несчастье обрушилось на русских в Югославии, когда обострились партийные и государственные отношения между СССР и ФНРЮ. В 1947-1948 гг. Коммунистическая партия Югославии (КПЮ) отказалась принять ряд советских предложений. Руководство СССР приостановило торговые переговоры с Югославией, срочно отозвало своих гражданских и военных специалистов и обвинило Тито в «ревизионизме». На заседаниях Информбюро в Бухаресте (июнь 1948 г.) была принята резолюция «О положении в КПЮ». Югославию обвинили в антисоветской политике и предательстве антиимпериалистического фронта, в реставрации капитализма. Наступили дни экономической блокады ФНРЮ, судебных процессов в восточноевропейских

государствах против югославских дипломатов. На границах с Югославией сосредоточились военные силы стран «народных демократий».

А в Югославии проходила волна арестов видных коммунистов, военных, специалистов, интеллигенции, с основанием или без доказательств обвиненных в просталинской ориентации и соглашательстве с бухарестской резолюцией. В тюрьмах и лагере «Голиоток» оказались и десятки русских эмигрантов, их сыновья. Выжившие и амнистированные в сер. 50-х гг., они с трудом

устраивались на работу в провинции. Некоторые из них бежали на Запад, часть уехала в СССР.

После бухарестской резолюции эмигрантов с советскими паспортами югославские власти принуждали покинуть страну. Оставалась еще возможность срочно сменить гражданство. Процедура была трудной и в провинции почти не осуществимой. Эвакуация русских из некоторых районов страны (Македония), проведенная в кратчайшие сроки, почти насильно, стала для многих путешествием в неизвестность. Власти зачастую выдворяли русских из страны без виз и разрешений. Бывали случаи, когда выслаемых возили с одной границы на другую, пока где-нибудь их не принимали.

Десятки русских из Воеводины попали в Венгрию и Болгарию. Редко кому из желающих удалось оттуда уехать на родину — в родные края или культурные центры¹. Большинство, которое к 1954 г. осело и устроилось на работу в странах советского окружения, под принуждением было увезено в СССР. Вывезенных из Болгарии расселили по деревням центральной полосы России, а вывезенные из Венгрии оказались на Алтае, «кормыслом носили воду из колодца» в аулах Казахстана... Как и прибывшие в 20-х гг. на Балканы, эмигранты снова оказывались отторгнутыми от семей и зачастую безвозвратно теряли близких. В Венгерской Народной Республике, чтобы получить гражданство; работу и жилье, русским приходилось венгеризировать свои имена и фамилии; так, бывший новосадец Георгий Николаевич Соколов стал Gyorgy Szatmari.

Вопрос об отношении Югославии к русским эмигрантам обсуждался на Четвертой сессии Генеральной ассамблеи ООН в ноябре 1949 г. Советский министр иностранных дел А.Я.Вышинский обвинил Югославию в том, что она относится к местным русским плохо не из-за того, что они «белоэмигранты», а из-за того, что ныне они искренние приверженцы дружбы с СССР. Однако советский дипломат не смог ответить на реплику, почему в таком случае его правительство не желает этих граждан репатриировать из Югославии¹⁷.

Почти одновременно в Сараево шел показательный суд над «бывшими белогвардейцами — советскими гражданами, завербованными советской разведкой». Два

русских священника, председатель русской колонии в Сараево, полковник, инженер, медик, два студента (родившиеся в Югославии) и учительница обвинялись как агенты немецкого гестапо, контрреволюционеры, враги социализма, шпионы-диверсанты¹⁸. Настоятель русского храма Св. Троицы в Белграде о. Владислав Неклюдов не дождался обвинительного приговора, в одиночной тюремной камере священник «лишил себя жизни».

Недоверие многих эмигрантов к будущему социалистической Югославии и участвовавшие притеснения, которые они испытывали, привели к тому, что выезд русских из страны продолжался до сер. 50-х гг. В период так называемого «второго исхода» был создан лагерь в Триесте (Италия). В нем оказывались уже и русские с югославским подданством, выезжавшие по приглашениям родственников или знакомых в страны Западной Европы, Аргентину, Венесуэлу, Чили, Австралию, Канаду. В лагерях Европы некоторые русские из Югославии годами ждали возможности переехать на более гостеприимный континент.

Бывшие русские новосадцы устраивались на новых местах литейщиками сталеплавильных цехов, лифтбоями небоскребов, чертежниками, лаборантами, санитарками, ухаживающими за французскими инвалидами индокитайских войн, становились собственниками ферм аллигаторов в болотах Ориноко, арендаторами теннисных площадок...

Приток русских в Новый Сад из других городов Воеводины (Суботицы, Сомбора, Зренянина, Кикинды) последовал вскоре после окончания войны. Столица Воеводины превратилась в промышленный и административный центр. Из провинции сюда были переведены многие предприятия, учреждения.

В Управлении гидросистемы «Дунай-Тисса-Дунай», в проектных бюро, на стройках, в Районном управлении и на заводах работали русские инженеры, окончившие в Югославии средние учебные заведения или технические факультеты, — Петр Вандровский, Владимир Иванчев, Николай Букин, Алексей Мальцев, Василий Гончаров, Игорь Лашков, Владимир Горячковский, Александр Ростиславов, Владимир Попов, Алексей Логунов, Петр Витюк и др.

Необходимо отметить инженера-строителя Георгия Георгиевича Готуа (1905-1971), выпускника Донского Императора Александра III кадетского корпуса в Билече и Технического факультета в Белграде, занимавшего в 50-60-х гг. ответственный пост на строительстве гидросистемы «Дунай-Тисса-Дунай» в Воеводине. Потом он был назначен руководителем строительства ГЭС «Баина Башта» на Дрине, а затем — консультантом на стройке мощной югославско-румынской ГЭС «Джердап» на Дунае.

Более 35 лет на посту главного санитарного инспектора и начальника лаборатории Гигиенического института проработала Тамара Константиновна Марич, урожд. Николаева (род. в 1910 г. в Иркутске), специалист по контролю за качеством вод и пищевых продуктов. Из Москвы в Новый Сад она прибыла с матерью во 2-й пол. 20-х гг. по приглашению родственников. По окончании русского реального училища (1928), получив скромную французскую стипендию, она уехала в Париж, училась в Сорбонне, в университете г. Бордо, где затем работала ассистентом. Однако в конце 30-х гг. она решила вернуться к матери в полюбившийся ей Новый Сад. Здесь своим трудом и знаниями Т.К.Марич завоевала высокое уважение.

Вскоре после основания в Новом Саду Сельскохозяйственного факультета (1955) сюда переехал д-р Белградского университета Виктор Карлович Нейгебауэр (1897-1988), участник Первой мировой и гражданской войн, почвовед с мировым именем, автор сотен научных работ, в том числе монументального труда «Чернозем Воеводины» (1950), основатель почвенно-картографической школы в Югославии, автор работ по мелиорации почв Воеводины. Своей культурой, трудолюбием, объективностью и организаторскими способностями этот ученый снискал себе любовь, уважение и за пределами страны.

Недолгую, но насыщенную творческую жизнь прожил его единственный сын Александр Викторович Нейгебауэр (1930-1989), д-р филологии, требовательный профессор, исследователь и переводчик современной американской поэзии, поэт. Он возглавлял кафедру английского языка и литературы на Философском факультете в Новом Саду.

На культурном поприще послевоенного Нового Сада заметный след оставило еще несколько русских.

Утонченный знаток русского языка и культуры Василий Александрович Пейхель (1888-1964), выпускник Московского университета, бывш. одесский преподаватель, по прибытии в Сербию стал учителем начальных и средних школ в провинциальных городах Прокупле, Алексинац, Крагуевац. Он был членом белградского Союза русских писателей и журналистов, принимал участие в Первом съезде русских писателей и журналистов за рубежом (1928), сотрудничал с Министерством народного просвещения — работал над реформой начального образования в Королевстве Югославия, вел экспериментальные классы т.н. «новой школы», переводил труды по педагогике и детской психологии К.Д.Ушинского, Н.Д.Левитова, В.М.Бехтерева¹⁹, публиковал статьи о Пушкине, Л.Толстом, Достоевском, Чехове, Горьком. Со своей супругой, Александрой Павловной, Василий Александрович поселился в Новом Саду в военные годы, неся на душе тяжелое бремя: в октябре 1941 г. нацистские оккупанты повели на расстрел учеников и

преподавателей гимназии в Крагуеваце как возмездие за убитых партизанами немецких солдат; преподаватель несербского происхождения В.А.Пейхель при перекличке был выведен из строя и не разделил участи остальных. Тяжело больной пороком сердца, он всю жизнь не мог себе простить этого, как ему казалось, малодушия и эгоистической жажды жизни. До основания университета в Новом Саду В.А.Пейхель являлся профессором местного Педагогического института, авторитетным консультантом по русскому языку и литературе. Его ученики стали видными педагогами и преподавателями.

Основателем балетной студии и репетитором при новосадском Сербском народном театре в 50-х гг. была Марина Михайловна Оленина (1901–1963), выпускница белградской балетной школы Е.Д.Поляковой. Прима-балеринами и хореографами в театре были также Людмила Михайловна Костина (1908–1974) и Елена Павловна Андреева (род. в 1933 г.).

В новосадском Институте по охране памятников культуры Воеводины в 50-60-х гг. реставрацией икон и фресок сербских монастырей на Фрушка-Горе, пострадавших в войну, занималась художник-реставратор Елена Владимировна Вандровская, урожд. Чарыкова (род. в 1909 г. в Петербурге). Окончив Харьковский девичий институт в воеводинском городке Новый Бечей и Загребский университет по специальности «история искусств», Елена Владимировна с 1932 г. преподавала в новосадских учебных заведениях. Во время войны она подверглась гонениям со стороны венгерских оккупантов и осталась без работы; по вступлении в город Красной армии работала переводчицей, писала заказные портреты советских маршалов, была сотрудником Антифашистского фронта женщин (АФЖ). Вскоре ее перевели в Музей Воеводины на должность старшего реставратора, где она выполняла заказы и от Сербской Академии наук и искусств.

Е.В.Вандровская занималась вскрытием первых пластов настенной живописи в монастырях Ново-Хопово, Крушедол, Месич... Выезжая в длительные командировки, она копировала фрески в древней Печской патриархии, вместе с французскими специалистами вела расчистку живописи XI в. собора Св. Софии в Охриде, совершенствовалась в реставрационных центрах Рима, парижского Лувра, Мюнхена, Вены, ленинградского Эрмитажа, Москвы... После выхода на пенсию (1969) Вандровская переехала в Белград, но продолжала работать: она пишет несколько икон для русского храма под Нью-Йорком, исследует художественное наследие русских духовных центров в США, читает лекции в Германии, занимается живописью, следуя древнему иконографическому письму²⁰.

После войны приобретением старых и заказами новых книг гуманитарного профиля на иностранных языках в Библиотеке Матицы сербской заведовала Ирина Петровна Троицкая, урожд. Шапошникова (род. в 1914 г. в Ростове-на-Дону), окончившая Первую русско-сербскую девичью гимназию в Великой Кикинде и Филологический

факультет Белградского университета. В фонды этой новосадской библиотеки поступали редкие эмигрантские и советские издания, новые книги русских издательств Европы, Америки.

С 1949 г. в Новом Саду обосновался композитор и педагог Николай Николаевич Петин (род. в 1920 г. в Краснодаре), выпускник Первого русского Вел. Кн. Константина Константиновича кадетского корпуса в Белой Церкви и музыкальной академии в Белграде по классу композиции, во время войны участник народно-освободительного движения в Северном Банате. Позднее он совершенствовался в Париже у знаменитого педагога Нади Буланже. В Новом Саду Николай Николаевич развил всестороннюю культурно-просветительную деятельность как преподаватель музыкального училища, пединститута и профессор Академии искусств (со дня ее основания в 1975 г.), а также как музыкальный критик в местной прессе, автор теоретических трудов, лектор, член правления Оперного театра и Филармонии.

Широкое признание снискали его музыкальные сочинения, исполняющиеся и за пределами страны (Англия, Франция, Германия, Россия, США, Греция, Чехословакия и др.). Высшими художественными достижениями отмечены его симфоническая, вокально-инструментальная музыка, камерные произведения и вокальная лирика²¹. Н.Н.Петин — лауреат многих наград и отличий, в том числе почетного диплома Музыкального биографического центра в Кембридже (1977), медали Международного академического фонда «Альберт Эйнштейн» (1990), звания «honoris causa» д-ра музыки этого фонда при Организации Объединенных Наций (1991).

В 1957 г. солисткой в труппу Новосадской оперы принята выпускница белградской Музыкальной академии Елена Алексеевна Ечменица, урожд. Никифорова (род. в 1928 г. в хорватском городке Слунь, где оказались ее родители — эмигранты из России). Война помешала ей окончить Донской Мариинский девичий институт в Белой Церкви. На протяжении своей 24-летней певческой карьеры в Новом Саду Елена Алексеевна исполнила десятки ролей в оперных спектаклях и опереттах, часто гастролировала. До выхода на пенсию (1991) она десять лет вела класс вокала в местном музыкальном училище. Певица и сегодня пользуется популярностью как исполнительница русских романсов и народных песен.

Общественная жизнь русских в Новом Саду 50-х гг. уже не протекала в Русском клубе или других эмигрантских организациях, которые давно прекратили существование. Встречи Нового года, именины, семейные торжества и православные праздники справлялись дома. Были они многолюдны, шумны, с пением под гитару, чтением стихов, сочиненных на злобу дня, и танцами. В определенные дни недели старшее поколение

продолжало собираться для игры в карты — преферанс, канасту, реми, покер... Однако все заметнее была ассимиляция, отмежевание некоторых семей от русской среды.

Связи между русскими поддерживались и благодаря Церкви. Летом 1944 г. скончался настоятель русского прихода в Новом Саду о. Сергей Самсониевский. Исполняющими обязанности настоятеля состояли (поочередно): о. Василий Колюбаев, о. Владимир Родзянко, о. Николай Чистяков. Русские приходы Венгрии в то, еще военное, время входили в состав православной Мукачевско-Пряшевской епархии во главе с епископом Владимиром. В Новом Саду после кончины настоятеля о. Сергия свободного русского священника не оказалось. По предложению новосадских церковных деятелей, указом епископа Владимира (при согласии сербского епископа Иринея) настоятелем русского прихода при часовне Св. Василия Великого в марте 1945 г. назначен иеромонах Иоанн Стойкович, серб, принявший перед этим монашеский сан в русском православном храме Св. Троицы в Белграде. Отец Иоанн свободно владел русским языком, любил прихожан, и они были им довольны.

Под конец войны русские приходы Югославии оказались в сложном положении. Синод Русской православной церкви за границей во главе с митрополитом Кишиневским и Хотинским Анастасией в октябре 1944 г. покинул Югославию, а на Московском поместном соборе уже 31 января 1945 г. была принята «Инструкция по управлению русскими приходами в Банате» (области, освобожденной при поддержке Красной армии). Патриархом Московским и всея Руси 30 октября 1945 г. введен пост *Благочинного русских православных приходов в Югославии* и, при согласии Сербской православной церкви, создано Подворье Московской патриархии в Белграде. С 30 декабря 1945 г. Благочинному подчинялся и русский приход в Новом Саду²².

Отец Иоанн исполнял обязанности настоятеля этого прихода до апреля 1953 г. К тому времени церковный староста адвокат С.П.Метельский и член приходского совета Г.Б.Броневский подняли в среде прихожан вопрос о выводе новосадского русского прихода из подчинения Московской патриархии и переводе его в юрисдикцию Сербской церкви. Завязалась запутанная переписка между исполняющим обязанности настоятеля и Благочинным, церковным старостой и сербскими иерархами.

В конечном итоге новосадский русский приход перешел под сербскую юрисдикцию, тем более что русским храмом здесь все время была часовня Св. Василия Великого при сербском Епископском дворце. Настоятелем местной русской церкви до ее упразднения в 1955 г. состоял протоиерей Стеван Попович, священник сербского Николаевского храма. После того как ворота часовни Епископского дворца замкнулись,

большинство русских новосадцев стали посещать сербский храм Св. Николая, где почти все хористы, включая регента Б.П.Арсеньева, были русскими.

¹ Ведомости охранной группы: *Nachrichten für die Werkschutz — Gruppe des Generalbevollmächtigten für die Wirtschaft in Serbien* (Белградъ), 1942, 18 февраля.

² Из общего числа корпуса 45% составляли русские из Молдавии, Буковины и военнопленные из Румынии, 28% — русские эмигранты из Сербии, 17% — из Болгарии, 2,5% — из Венгрии (включая оккупированные Бачку и Новый Сад). По возрасту: 48% были 17–30 лет, 47% — 41–60 лет. Корпус перешел границу Австрии 12 мая 1945 г. и при численности 4500 человек сдался английским военным подразделениям. Всего через корпус прошло около 17000 человек, из которых погибло 1132, ранено 3280 (Русский корпус на Балканах во время II Великой войны 1941–1945 гг.: Исторический очерк и сборник воспоминаний соратников / Под ред. Д.П.Вертепова. Нью-Йорк, 1963. С. 404–405).

³ *Milošević S. Izbeglice i preseljenici na teritoriji okupirane Jugoslavije 1941–1945 godine*. Beograd, 1981. S. 66.

⁴ *Трескин Л.* Новосадская дружина// Русский корпус... С. 83-91. В апреле 1942 г., когда хорваты повели яростную кампанию против сербов, под прикрытием новосадской 1-й сотни свыше 3000 сербских беженцев из Боснии удачно переправились на правый берег Дрины. В этой операции особенную энергию и доблесть проявил командир взвода подполковник Федор Васильевич Гунбин (*Там же*).

⁵ Известны имена большинства из них: Константин Астахов, железнодорожный служащий Константин Васильевич Вознесенский, чиновник Борис Андреевич Головинский, Ксения Федоровна Головинская (урожд. Иванова), владелец галантерейного магазина Иван Васильевич Губанов, Полина Петровна Губанова, ученица Татьяна Сергеевна Дронова, полковник Федор Георгиевич Иванов, Зинаида Сергеевна Иванова, геодезист Георгий Николаевич Карпов, директор представительства винного завода «Мозер» Ростислав Николаевич Протопопов, Нина Николаевна Протопопова (урожд. Федотова), вдова полковника Алевтина Сергеевна Федотова, торговец Василий Эрнестович Эппле, Мария Михайловна Эппле (урожд. Думнова). Настоятель русской церкви служил панихиды по жертвам, боязливо отмечая в метрической книге причину смерти: «Погиб(ла) из-за несчастного случая. Тело не найдено».

⁶ *Казак В.* Побратимы: Советские люди в антифашистской борьбе народов Балканских стран, 1941-1945. М., 1975. С. 66-72.

⁷ Бюллетень Представительства Высокопреосвященнейшаго Серафима, митрополита Берлинскаго и Германскаго и Средне-Европейскаго Округа для православныхъ русскихъ приходовъ въ Королевстве Венгрии (Уйвидекъ), 1944, апрель. (С весны 1942 г. епархия была возведена в степень митрополии.)

⁸ Церковное обозрение: Ежемесячный независимый органъ свободной церковно-религиозной мысли (Белградъ), 1943, № 8.

⁹ Дальнейшую судьбу полковника А.Л.Мариюшкина можно проследить по описанию встреч с ним А.И.Солженицына (Архипелаг ГУЛаг, ч. I, гл. 6), а также по записи о последних днях его жизни в лагере Явас Мордовской АССР (*Штиндлер Я.С.* Мои воспоминания о А.Л.Мариюшкине. Новый Сад, 1957. Машинопись [Собрание А.Б.Арсеньева]).

¹⁰ Врач, 62-летний Петр Феликсович Пожариский, писал из тюрьмы супруге в Новый Сад: «...Ну вот я и арестантом стал под конец своей жизни. Пролежал 78 дней в предварительном заключении, меня судил 20-го числа военный суд и присудил к 2-м годам принудительного труда с лишением свободы и к 5-ти годам лишения политических

прав. Судил и присудил за то, что я русский эмигрант, белогвардеец, за то, что состоял членом русской колонии, и наконец за то, что добровольно поступил на службу НДХ. С таким и подобными обвинениями пострадало немало русских, хотя ни одно из обвинений, а в особенности бывшее обязательным — состояние в колонии, не может являться наказуемым преступлением (служба же в НДХ — кроме усташей и пр. — подлежала амнистии), но при тенденции осудить во что бы то ни стало и как можно больше суд никаких оправданий в расчет не принимал...» (письмо от 26 августа 1945 г. [Собрание А.Б.Арсеньева]).

¹¹ *Е.Ж-в.* Высылка русских эмигрантов из Венгрии и Болгарии (От нашего белградского корреспондента)// Новое русское слово (Нью-Йорк), 1954, 30 июня.

¹² *Jovanovič / Jugoslavia u Ujedinjenim Nacijama 1945–1953.* Beograd, 1985. S. 107.

¹³ Билтен Друштва за културну сарадњу Војводине са СССР (Нови Сад), фебруар 1946 — Мај 1947, бр. 1–4.

¹⁴ В ноябре 1945 г. Новый Сад посетили писатели Илья Эренбург и Николай Тихонов. В январе 1946 г. выступил Ансамбль песни и пляски И.Моисеева, в октябре — ректор Ленинградского университета А.А.Вознесенский, акад. Н.В.Цицин, скульптор Вера Мухина, корреспондент «Правды» Борис Полевой, а 6 ноября прошли гастроли московского Театра им. Ленинского комсомола, исполнившего пьесу К.Симонова.

¹⁵ Свидетельство А.А.Московченко: «Из Белграда меня и одного подростка с вооруженным солдатом по железной дороге повезли в Новый Сад. Цивильный лагерь находился на рыбном базаре, в здании бывшей консервной фабрики. Двор был обнесен высоким забором. Там я встретил товарищей, которые тоже вернулись из Германии: инженера Николая Олени на, Олега Германа с женой, технолога Юрия Пограничного и еще кого-то. Русских здесь было человек 50. Мужчины спали на бетонном полу, по крытом соломой; женщины жили на 2-м этаже. После завтрака нас выстраивали на плацу, и туда приходили покупатели рабочей силы, платившие за нас лагерю. Некоторых в обед кормили, других возвращали в лагерь на похлебку с “проей” (кукурузным хлебом)... Оленин, Герман и я начали работать грузчиками зерновых. К моему счастью, однажды в лагерь приехал мой знакомый, директор технического предприятия, которое занималось восстановлением разрушенных мостов. Он набрал не сколько лагерников. Там я работал по профессии, бесплатно... Попал я в лагерь в сентябре 1945 г., а освободили нас на Рождество 1947 г. с приказом не возвращаться в Белград... Старых, нетрудоспособных русских из Нового Сада отослали в покинутую немцами-старожилами деревню Бачки-Ярак, где они жили в ужасных условиях. Их плохо кормили, и молодые стражники проявляли к ним грубость. Там скончались: одна семейная пара, казачий полковник Николай Угрюмов, лейтенант флота и адвокат из Суботицы...» (письмо от 30 июля 1990 г. [Собрание А.Б.Арсеньева]).

¹⁶ Летописец музыкальной жизни Белградского радио сообщает сведения о бывшем новосадском дирижере Ф.П.Селинском, долгие годы прожившем в Белграде: «Здесь он обрел новую родину, которой отдал всю свою творческую жизнь. Федор Петрович оказался растерянным, когда после стольких лет ему по освобождению Белграда внушали принять советское подданство... Пришлось согласиться, продолжив заниматься своим любимым делом. А когда в 1948 г. неожиданно возник конфликт между страной проживания и той, которой он официально подчинился, "Дедушка" это переживал весьма болезненно. В изменившихся обстоятельствах ему "предложили" принять югославское гражданство, если он желает остаться в Белграде. "Дедушка" впервые в своей жизни вскипел и заявил: "Подданство не рубаха, чтобы сегодня одну, завтра другую!" Этим его судьба была предрешена. Он оказался в Болгарии, лелеял надежду, что дорога приведет его до единственной, настоящей Родины. Однако тут путешествие и окончилось. Он скончался в Болгарии в 1957 г., так и не повидав просторы своей юности» (*Simić-Mitrovič D.* «Da capo all'infinito...»: Pola veka od osnivanja Simfonijskog orkestra i Hora Radio-televizije Beograd. Beograd, 1988. S. 23).

¹⁷ Политика (Београд), 1949, 26 ноября.

¹⁸ *Там же*, 1949, 7 декабря.

¹⁹ Опубликованные педагогические труды В.А.Пейхеля: Нова школа. Крагујевац, 1929; Прилог за психологију испита. Крагујевац, 1934; Општа педагогика. Крагујевац, 1934 (2-е изд.: Београд, 1940); Извођење наставе преживљавањем. Нови Сад, 1938.

²⁰ *Вандровски Ј.* Аутобиографска белешка (Архив Спомен-збирке Павла Бельанског, Нови Сад).

²¹ Основные сочинения Н.Н.Петина: Концерт для фортепиано с оркестром (1948), Три симфонических портрета (1954), Симфония «Brevis» (1957), Симфоническая поэма «Трнава 1941» (1961), 3-я симфония «Барочная» (1965), 4-я симфония «Vox populi» (1970), Концерт для струнного оркестра (1972), Торжественная увертюра «Пробуждение Феникса» (1983), «Хоровая симфония» (1987; первое исполнение на 3-м Международном фестивале современной музыки в Ленинграде в 1988 г.), кантаты, камерно-инструментальные и хоровые произведения, циклы песен, сочинения для фортепиано.

²² Канцелярия Подворья Московской патриархии в Белграде: Архивный фонд «Дело о Русской церкви в Новом Саду».

Юрий Львович Ракитин

Из выдающихся деятелей культуры послевоенного Нового Сада особая благодарная память сохранилась о режиссере Сербского народного театра и преподавателе Театральной школы Юрии Львовиче Ракитине (23 мая 1882, Харьков — 21 июля 1952, Нови-Сад). Старые театралы помнят его постановки, исследователи продолжают о нем писать, публикуются воспоминания современников... По мнению историков театра, «изгнанник из Белграда», не щадя себя, отдал весь опыт, знания и любовь делу создания «новосадской театральной школы».

Георгий Львович Ионин был первым сыном начинающего судебного следователя, впоследствии судьи Апелляционного суда и криминалиста в Петербурге. Из-за частой перемены мест службы отца детство Юры проходило в провинциальных городах, в имениях родственников. Там он глубоко проникся любовью к русской природе и еще застал последние мерцания стародавнего быта и уклада жизни помещичьих гнезд, подметив в них много трогательного.

Юрий Львович Ракитин. Белград, 1920-е гг.

Бабушке по матери, Юлии Ильиничне Козловой, «любящей старухе, полной горя и красоты», он останется обязанным всем, что отложилось в нем нежного и прекрасного. Вспоминая детство, Козельск, «белый махровый густой убор цветущих вишен» в садах Малоярославца, Юрий Львович рассказывал и о паломничестве с бабушкой в Оптину пустынь и пророческом обращении к мальчику старца Амвросия после благословения: «Ах, как же тебя пестро разодели! Пестро жить будешь...» Поистине, вся жизнь новосадского маэстро, уже сгорбившегося и больного, ворчливого и упрямого, душевно одинокого, была насыщенной и трагичной.

Начальную школу и три класса гимназии Юра Ионин окончил в Калуге, четвертый класс — в 1-й московской классической гимназии, остальные — в Иркутске. Страсть к театру у него пробуждается в Москве, а в Иркутске он уже устраивает любительские спектакли. Несмотря на сопротивление отца, осенью 1902 г. Юрий покидает отчий дом и на самостоятельно заработанные деньги едет в Петербург, где ему удается сдать вступительный экзамен в Императорское театральное училище. Трехлетние курсы у прославленного актера В.Н.Давыдова его любимый ученик Ракитин оканчивает в апреле 1905 г. Первая любовь — очаровательная Ольга Афанасьевна Глебова, впоследствии жена художника С.Судейкина, близкий друг А.Ахматовой¹.

Перед выпускными экзаменами, принимая во внимание высокое общественное положение отца, Георгий Львович Ионин выбирает для себя сценическое имя — Юрий Ракитин². Выпускной спектакль «Вишневый сад» шел непосредственно перед гастролями Московского Художественного театра, который показывал в столице ту же пьесу впервые. В журнале «Театр и искусство» А.Р.Кугель критикует «художественников» и хвалит спектакль класса Давыдова, особо отмечая Ракитина в роли Лопухина. Желание педагога продемонстрировать своему другу Станиславскому таланты выпускников совпадает с намерением Константина Сергеевича набрать молодых актеров и создать при МХТ экспериментальную студию. Ракитин и еще один юный актер приняты в московскую Театр-студию на Поварской, ее возглавил мятежный Мейерхольд³.

Начало творческой биографии Ракитина совпало с годами интенсивных эстетических исканий, новаторства молодых и угасающего свечения плеяды русских актеров реалистической театральной школы. Деятельность Ракитина в России можно разделить на три периода: 1905–1907 гг. — «эпоха поиска новых форм», работа с Мейерхольдом, студия на Поварской, Товарищество новой драмы (Тифлис), Общество московских артистов; 1907–1911 гг. — четыре сезона в труппе МХТ у Станиславского и Немировича-

Данченко, где он играет эпизодические роли, а иногда работает помощником режиссера; 1911–1918 гг. — режиссура в петербургских театрах, главным образом в Александрийском театре, куда он приглашен по рекомендации Мейерхольда.

Дебют последователя «системы» Станиславского («Нахлебник» Тургенева, осень 1911 г.) не привлек внимание критики, тогда как вторая постановка («Крещенский вечер» Шекспира, 12 октября 1911 г. в Михайловском театре) принята благосклонно. Этот спектакль сыграл решающую роль в раскрепощении молодого режиссера от жестких сценических канонов.

До 1918 г. Ракитин поставил много пьес — В.В.Барятинского, Тирсо де Молино, С.С.Юшкевича, Шекспира, Шеридана, М.Н.Бухарина, Дюма... Совместно с Мейерхольдом в 1916 г. он осуществляет постановку «Романтиков» Д.Мережковского, а в 1917 г. — самостоятельно, двух драм А.Островского.

В обоих, петербургском и московском периодах своего творчества Ракитин находился в центре культурной жизни⁴. В художественных кабаре и салонах он ставит музыкальные и танцевальные камерные спектакли, «капустники», пишет пьески («Мемории Амура»), знакомится с Гумилевым, Ахматовой, Ремизовым, Горьким, Куприным, Волошиным, Городецким, посещает Блока и «среды» Вяч. Иванова, встречается с Б.Зайцевым, Брюсовым, Книппер-Чеховой, дружит с Качаловым, близко сходитя с Н.Балиевым, художниками «Мира искусства» и кругом М.Кузмина⁵.

В 1915 г. Юрий Львович женился на Юлии Валентиновне Шацкой (1892–1977), женщине сложного характера, общительной и доброй, в России и эмиграции близко стоявшей к театру.

Октябрьская революция застала Ракитина в Петрограде. Он состоит членом временного комитета по управлению театров, а в апреле 1918 г. из-за надвигающегося голода и неприятия им политических позиций Мейерхольда навсегда покидает любимый город и присоединяется к сыну, супруге и ее родителям в имении кн. Паскевича близ Гомеля, оккупированного немцами.

Начинаются странствия и лихорадочные дни в борьбе за существование. Ракитин ставит спектакли в киевском театре Н.Н.Соловцова. Затем через Харьков пробирается в Одессу, занятую французами. Там с К.Н.Миклашевским он работает в Весеннем и

Камерном театрах. По предложению своего мхатовского друга К.А.Марджанова Ракитин возвращается в Киев и готовит новые спектакли. После ухода из Киева красных нерешительный артист не покидает город. Этот поступок предрешит его разлуку с Россией и заставит всю жизнь раскаиваться. Ход гражданской войны обрекает его на

дальнейшие скитания: Харьков, Ростов-на-Дону, Севастополь. В марте 1919 г. Юрий Львович с женой эвакуируются из Феодосии в Константинополь.

После долгих поисков здесь ему удается заняться профессиональной деятельностью. Он ставит драматические и оперные спектакли, читает лекции, в местной прессе под псевдонимом «Chev. de Grioux» публикует статьи и рецензии на русском и французском языках. Н.Ф.Балиев приглашает его в свой парижский театр, но одновременно через посольство Королевства СХС Ракитин получает и принимает предложение директора белградского Национального театра переехать в Сербию.

В нелегких условиях вместе с сербским режиссером М.Исаиловичем осенью 1920 г. Юрий Львович с энтузиазмом взялся поднять профессиональный уровень театральной жизни Белграда. Все знания, приобретенные в работе с Давыдовым, Станиславским и Мейерхольдом, обогащенные собственным опытом, широким кругозором и художественным вкусом, Ракитин отдал белградскому театру. Им поставлено здесь свыше сотни спектаклей — от трагедий до водевилей и опер. Репертуар был самый широкий: классический, русский, современный.

Постановки Ракитина, противника «литературного театра», отличались сценическим блеском, экспрессией, остроумными находками, подчеркнутой психологизацией характеров, иногда — ярким гротеском, стилизацией, отходом от традиционных шаблонов и даже от авторского текста. Бывало, критике подвергались его постановки бульварных комедий в театре «Манеж». Однако эти популярные пьесы не только разнообразили репертуар и пополняли театральную кассу для более серьезных проектов, но и предоставляли молодым актерам возможность совершенствоваться, проявлять свой талант. Ракитин ставил спектакли и в Скопле, Сараево, а после войны — в Шабаце, Вршаце. Его педагогическая деятельность достойно оценена, из белградской Театральной школы вышли лучшие актеры страны. Один из них вспоминает о Ракитине:

«Выглядел он старше своих лет... Несколько клоунское лицо, небольшой вздернутый нос, круглые глаза с большими дугами густых бровей, толстые губы, роста среднего, походка неуклюжая, чаще всего небритый или порезанный от бритвы, в неопрятном костюме, усыпанный пеплом от папирос, с табачной желтизной на пальцах. Были дни, когда Юрий Львович на репетиции являлся в вычищенном, отглаженном костюме и сияющей обуви, весь подтянутый. В последние годы он все чаще бывал таким.

Иногда, в отличие от буйств на генеральных репетициях, он за режиссерским столиком сидел совершенно апатичным, далеким от всего, что перед ним происходило, с потухшей, недокуренной папиросой, обвисшими влажными губами — жалкий и обессиленный. О причинах его вида и состояния мы лишь догадывались... В обществе

Ракитин был весел, любил язвительные шутки, сносил их, когда они были направлены в его адрес, наслаждался и громко смеялся собственным анекдотам о других. В периоды, когда он себя чувствовал хорошо, Юрий Львович был приятным, воспитанным, бодрым, полным внутренней радости и человеческого тепла... Нам казалось, что знаем его хорошо, но в его внетеатральную жизнь никто из нас не проник»⁶.

Заметна была и общественная деятельность Юрия Львовича. Он один из основателей Союза русских писателей и журналистов в Белграде (1925), председатель Литературного кружка союза, член редколлегии журналов «Призыв» (1926-1927) и «Россия» (1926-1927, 1934-1935), сотрудник ежедневной газеты «Новое время» М.А.Суворина (1921-1930), участник кружка «Литературная среда», созданного молодым И.Н.Голенищевым-Кутузовым. В Русском доме им. Императора Николая II Ракитин ставит спектакли (изредка сам в них играет), устраивает концерты, балы, читает свои воспоминания.

Он встречается с П.Б.Струве, Е.В.Аничковым, В.В.Шульгиным, обаятельным В.И.Бельским (либреттистом Н.Римского-Корсакова), византологом Г.А.Острогорским, молодыми поэтессами Е.Таубер и Л.Девель (Алексеевой), прозаиком М.Иванниковым; в его доме останавливается приезжавший в Белград Игорь Северянин. Многолетнее творческое сотрудничество и дружба связывали Ракитина с выдающимся художником сцены В.И.Жедринским.

Страницы дневников Ю.Л.Ракитина: Севастополь, февраль 1920 г.;
Новый Сад, декабрь 1949 г.

Насыщенная работа в театре, борьба с рутиной, белградские сплетни... Усталого и ворчливого артиста преследуют семейные неурядицы: негармоничный брак с Юлией

Валентиновной, ее измены, истерики, побеги из дома, ревность, жалость и любовь к ней, вечные долги. Ракитины испытывают безысходное отчаяние и угрызения совести по отношению к единственному сыну Никите (1917-?), организатору коммунистического кружка в русско-сербской гимназии Белграда; в 1937 г. он сбежит от родителей в Париж, затем вступит в интербригады и примет участие в испанской гражданской войне, а по слухам, дошедшим до родителей, и в советско-финской войне.

Помимо работы в театре едва ли не единственной отдушиной, беседой наедине с собой стали для Юрия Львовича ежедневные или отрывочные записи в дневнике. Они содержат творческие замыслы, фрагменты воспоминаний. Пожелтевшие школьные тетради и записные книжки, плотно исписанные разборчивым, иногда усталым почерком... Записи художника, талантливого и несчастного, отразили трагедию одинокого, стареющего человека, не способного приноровиться к новой эпохе. Они дают редкую возможность постичь внутренний мир русского изгнанника.

Начальные страницы дневника возвращают нас к январским севастопольским дням 1919 г.:

«Едва только я достиг земного благополучия в смысле уюта, тепла любимых людей и предметов, едва я достиг того кажущегося, может быть, покоя, — как судьбе угодно было бросить меня в скитальчество, и вот я попал в великую волну беженцев, несущуюся неудержимым потоком из пределов России. У меня нет решительно ничего. Все погибло, потеряно безвозвратно, и все-таки я дышу, двигаюсь и существую.

Да, живуч человек. Я потерял любимые книги, любимое дело, лелеянные моим отцом вещи. Я не знаю, где моя мать, мой брат и мой маленький сын. А главное, я не знаю, что делается с моей великой матерью — Россией».

Помимо задуманных воспоминаний (частично написанных и сохранившихся в отрывках) Ракитин брался за роман (сербско-русскую хронику «Славяне»), собирался писать пьесу из эмигрантской жизни, книгу о тайнах актерского и режиссерского мастерства... Дневники хранят лишь наброски к ним, конспекты:

«Хочу до боли написать все, что бродит в голове, бродит неопределенно, неотчетливо, путано, туманно. То меня влечет эмиграция, ее белые и темные стороны, то меня тянет высмеять все это, но высмеять с болью, чтобы ужаснулись люди своей тупости и своей духовной убогости» (запись от 16 апреля 1932 г.).

В июне 1940 г. в Русском доме Ракитин поставил свою пародию-сатиру в стихах из жизни эмиграции «"Горе от ума в Белграде" Грибоедова-внука». Текст ее, видимо, утрачен.

Интересны оценки Юрия Львовича нравов его окружения в дореволюционной России:

«Читаю исповедь Айседоры Дункан. Время мое и ее было сумбурное. Много было искренней, пережитой позы, деланного и восторженного увлечения искусством: точно опоили нас всех дурманом такие вот сумбурные типы, как Борис Пронин. Мы сознавали их восторженную пустоту, за которой не было решительно ничего, но вместе с тем мы поддавались этому сумбуру, какому-то “исканию”, экстазу. “Шаманство” — вот слово, лучше его не сыщешь. Я думаю, что оно шло от низов к верхам и кончилось оно дворцом и Распутиным. Мерещилось что-то в большом нашем мареве, и вот этот туман перешел с искусства в жизнь, а потом — политику и государство. Желтые движущиеся газы — сладковатые, отдающие эфиром... И Андрей Белый, и Блок, и Брюсов, и Андреев — все были заражены маревом и газом... Да, мы не принимали жизни всерьез. Мы скользили по ней, гоняясь за удовольствиями и удачами. И теперь наказаны жестоко. Мы питались идиотской иронией, это было какое-то стихийное молодечество, какой-то дэндизм» (записи от 25 октября 1939 г. и 23 августа 1940 г.).

В межвоенные годы Ракитины трижды ездили за границу. В течение пятинедельного пребывания в Италии (июль-август 1931 г.) они зачарованы искусством и красотами Венеции, Падуи, Флоренции, Рима, Сиены, встречаются с русскими изгнанниками: художниками Леонидом и Риммой Браиловскими, искусствоведом Павлом Муратовым, знаменитым археологом-историком Михаилом Ростовцевым. Трехнедельная поездка в Париж (ноябрь-декабрь 1937 г.) дала Юрию Львовичу возможность ознакомиться с культурными новинками Европы. В столице «заграничной России» он навещает старых петербургских и московских знакомых: Б.Зайцева, Ремизова, Тэффи, Азова, Евреинова, Ренникова, Зноско-Боровского, кн. Барятинского, Рощину-Инсарову, Бенуа... Летом

1939 г. Ракитины гостят у родственников в Бессарабии (тогда в составе Румынии). Гуляя вдоль набережной Днестра, они устремляют взоры на другой берег — просторы покинутой родины.

Часто в дневниках Юрия Львовича мелькает глубокая ностальгия по России:

«Какая красота — Калужская губерния, которая встала предо мной сегодня почему-то во всей красоте юношеских воспоминаний! Много я видел прекрасного в своей жизни. Но лучше Калужской губернии и Украины не видел ничего. Калуга — это одуряющие цвета лесные, леса с чудными долинами, ручьями, реки с нависшими над ними ракитами, это такое цветение вишен в белых весенних садах, что думаешь — это все волшебная декорация. Это мое детство.

Моя юность — прекрасная Сибирь, богатство воды и лугов, богатство стремительных рек и чистота воздуха... А молодость моя — Украина, и Крым, и Кавказ! Господи, все это я видел, все чувствовал, все сложил в своей душе... Оттого во мне и были заложены какие-то крупницы таланта, оттого что я все это умел запечатлеть, хранил долго и берег. Так любить Россию, реально, как я любил, — это особая способность и благодать, которая перешла сейчас в такое же особое наказание» (запись от 31 июля 1940 г.).

Жизнь в оккупированном немцами Белграде была для Ракитиных полна кошмаров: голод, болезни, две операции Юрию Львовичу, унижения, распродажа почти всего имущества (вплоть до одежды и простынь), переезды на загородные квартиры, в сдаваемые кухни. «Вчера какой-то серб хотел мне подать кусок хлеба, думая, что я нищий. Это по моему небритому и неопрятному виду... Сидим без хлеба, жиров и без дров» (1943 г.).

Ракитин лелеял надежду уехать в Берлин, но так и не дождался приглашения от русской театральной труппы. Он готовится стать священником, уйти в монастырь — практикуется в церковно-славянском чтении, изучает богослужебный устав.

Улучшение здоровья дает ему возможность возвратиться к работе в театре. Осенью 1943 г. он репетирует пьесы Мольера и Гам-суна, в 1944 г. ставит «Эльгу» Гауптмана.

Окончание войны и приход в белградские театры администраторов, насаждавших идеологизацию и политизацию искусства, приводят к вытеснению Ракитина из театра. Он ставит «Ревизора», «Живой труп», однако в апреле 1946 г. ему не дают возможности продолжать работу над пьесой Островского. Лишенный югославского гражданства, Юрий Львович вынужден уйти на пенсию. Летом 1946 г. как гастроллирующий режиссер Ракитин в Новом Саду ставит «Тартюфа», «Ревизора» и одноактные пьесы Чехова; сезон 1946/47 гг. он работает в провинциальном городе Шабац.

Трудное положение, в котором оказался новосадский театр после войны без квалифицированных кадров, побудило воеводинских руководителей вспомнить о Ракитине и буквально за день на грузовике перевезти его вместе с Юлией Валентиновной и убогим скарбом из Белграда в Новый Сад.

Новосадский театр обрел в нем сильного художественного руководителя, умевшего научить и помочь. Юрий Львович воспрянул душой и телом, проявлял юношеский задор и изобретательность, поддерживал с актерами дружеский контакт, добивался сценической целостности. Он преподает в Театральной студии, воспитывая лучших актеров сербских театров. Незабываемыми остались его десять постановок в Сербском народном театре⁷.

Лебединой песней пожилого маэстро оказалась постановка «Вишневого сада» (1950). Юрию Львовичу удалось заразить магией творчества всю труппу. Чудо искусства свершилось — спектакль стал высочайшим достижением новосадского театра. Постановка готовилась восемь месяцев, репетиции проходили порой дважды в сутки. Все требования Ракитина удовлетворялись — до мельчайших деталей костюмов, декораций, музыки... Дневник отражает творческое горение, неудовлетворенность художника, муки русского артиста в попытке воскресить в искусстве ушедший мир и свою молодость:

«Читали снова 3-й акт, после в первый раз 4-й. Было трудно объяснить актерам все нюансы и все немое действие, полное такого огромного значения, полное такой внутренней музыки, которую, вероятно, не ощущал и сам Чехов в той мере, в какой она сейчас открывается нам, русским того самого времени, пережившим сейчас все последствия Расставания с Вишневым садом этих уже давно погибших людей, наших современников» (15 марта 1950 г.).

«Вместо того, чтобы наслаждаться, работая над любимым автором и над пьесой, которая так дорога мне, так близка, я вместо этого так страдаю. Почему это происходит? Потому что святое, лежащее далеко в глубине человека, не надо трогать. Мои руки и мой темперамент слишком сейчас нечисты — так же, как и уста тех, кто произносит эти для меня святые слова и чувства. Чехов требует чистоты творчества, а я нечист, я осербился и отошел здесь на чужбине... >> (19 марта 1950 г.).

«Трофимов (Симич) — единственный тип в пьесе, который должен оправдать появление на сербской сцене этой пьесы в наше социалистическое время. Он для нынешнего зрителя понятен и полон оптимизма. Если не придать ему лозунга революционера — пьеса будет в нынешнее время мертва» (10 мая 1950 г.).

Семейные и материальные дела Ракитиных в Новом Саду быстро наладились. Юлия Валентиновна поступает на работу. Они возобновляют белградские знакомства, переписку с Парижем, общаются с русскими новосадцами, читают советские журналы, восторгаются шолоховским «Тихим Доном», внимательно следят за тревожной политической обстановкой в стране...

Показывая рукой на большую звезду, водворенную на башню новосадского административного здания, Юрий Львович любил шутя говорить: «Я всю жизнь бежал от этой красной пятиконечной звезды, и наконец она настигла меня».

Последняя тетрадь дневника — исповедь усталого, смиренного человека, не лишённого глубоких чувств:

«В эти Рождественские дни я особенно раздумываю о своей жизни и убежденно говорю, что милость Господа ко мне велика и щедроты Его со мной. Старость моя все же тиха. Новый Сад для меня оказался спасением и пристанью...» (8 января 1952 г.).

«Песни из России по радио. И старые и новые, хватают меня за сердце. Томят своей грустной услугой. Сладко мучительно слушать их. Щемит сердце...» (7 мая 1952 г.).

Юрий Львович скончался неожиданно. На дому. Летом, в солнечный день... На скромных похоронах отпевали его по русскому православному обряду.

Съехавшиеся осенью к началу театрального сезона актеры и почитатели посадили у его могилы вишневые деревья.

¹ «...В училище находилась одна, которой я вскоре отдал свое первое настоящее юное чувство. Отдал, мало на что надеясь... Это она, прекрасная золотистая Олечка Глебова, она сошла с картины Боттичелли “Весна”. Она была всецело под влиянием декадентства. Певуче декламировала Бальмонта и Бодлера. Искала тонких, изысканных эмоций и запахов... Эти увлечения модернизмом сыграли большую роль в обеих наших жизнях» (*Ракитин Ю.Л.* Воспоминания русского актера и режиссера. Гл. VII. Машинописная копия [Собрание А.Б.Арсеньева]).

² «И вот в одно утро я сделался Ракитиным. Почему “Ракитин”, не знаю; чтоб избежать громких актерских фамилий на “-ский”? Может быть, из-за воздыхателя Ракитина в “Месяце в деревне”. Увлечение этим спектаклем совпало с первой моей любовью к Олечке...» (*Там же*. Гл. XI).

³ По словам Мейерхольда, Станиславский восторгался Ракитиным (*Мейерхольд В.Э.* Переписка: 1896–1939. М., 1976. С. 64).

⁴ «Ракитин — душа московского общества, принят везде и всюду, имеет успех» (из письма В.А.Подгорного А.П.Зотову от 21 января 1908 г.// Рукописный отдел РНБ, ф. 371, ед. хр. 122).

⁵ М.Кузмин посвятил ему рассказ «Бенина родинка» (1911) и несколько стихотворений: «Уж прожил года двадцать три я» (1912), «Письмо перед дуэлью» (1913), «Возвращение дэнди» (1913). Частично сохранившаяся переписка Ракитина с А.Блоком за 1906 г. хранится в РГАЛИ (ф. 55, ед. хр. 378), там же и его переписка с В.Мейерхольдом (ф. 998, ед. хр. 2293).

⁶ *Milosevic M.* Sećanje na Rakitina// *Pozorišni život* (Beograd), 1966, № 29.

⁷ Постановки Ю.Ракитина в Новом Саду (1947-1952): «Мещанин во дворянстве» и «Школа жен» Мольера, «Васса Железнова» Горького, «Бесприданница», «Волки и овцы» и «Без вины виноватые» Островского, «Вишне вый сад» Чехова, «Дикая утка» Ибсена, «Живой труп» Толстого, «Мирандолина» Гольдони.

Русский некрополь в Новом Саду

Не спрашивай, что будет там, потом,
Когда настанет миг прощанья и свободы, —
Ведь если что-то ждет — какое чудо в том!
А если ничего... Какой великий отдых!

Л.Алексеева

Зимой или весной при оголенных кустах и отсутствии высокой травы русские могилы легко обнаруживаются на периферии почти всех православных кладбищ Югославии или на католических и лютеранских — в северо-западной части страны. Распознаются они по восьмиконечным крестам (иногда лишь высеченным на плите), по кириллице едва разборчивых эпитафий или цитат из Священного Писания, по склоняющимся над ними березам... Могилы обыкновенно сгруппированы и составляют целые русские участки.

Большие участки сравнительно хорошей сохранности находятся на православном Новом кладбище в Белграде¹, кладбище Мирогой в Загребе, православных кладбищах Воеводины: в Панчево, Белой Церкви, Новом Саду, Зреняине, Суботице, Сомборе, Земуне, Сремских Карловцах. Однако многие участки уже разделяют общую судьбу старых кладбищ — запустение, осквернение или даже полное уничтожение (как в Скопле, Сараево, Кикинде и др.).

До 1975 г. жителей Нового Сада хоронили на кладбищах в черте города: православных — Успенском и Алмашском, Военном в Петроварадине, а также на католическом, еврейском, лютеранском... Ныне все захоронения производятся на загородном Центральном кладбище без учета конфессионального или национального признаков.

Подавляющее число русских новосадцев похоронено на Успенском кладбище, главным образом на западном, периферийном, не ограниченном строгими рамками участке, именуемом «Руска парцела».

В конце 70-х гг. нависла угроза полного или частичного уничтожения захоронений на старых городских кладбищах (в первую очередь неухоженных). Нами проведена работа по выявлению русских могил, описанию их состояния, регистрации эпитафий. При систематизации собранного материала, дополнении и уточнении сведений использованы метрические книги русского прихода в Новом Саду за 1922–1955 гг., некрологи, опубликованные в периодической печати, и свидетельства современников.

На кладбищах Нового Сада и Петровардина до 1990 г. погребено свыше 800 русских; в нач. 80-х гг. на этих кладбищах нами обнаружено всего около 340 сохранившихся надгробий.

*Могила Петра Ивановича Вандровского (1897–1971)
на русском участке Успенского кладбища в Новом Саду*

В конце главной аллеи Успенского кладбища, вдоль которой расположены могилы видных сербских деятелей, находятся и первые захоронения русских новосадцев. На внушительных размеров мраморной плите памятника со сломанным крестом читаем: «Россійскій консуль въ Македоніи Павелъ Артемьевичъ Лобачевъ. Скончался 2-го марта 1921 г. на 46-омъ году; Зинаида Вла-диміровна Лобачева. Скончалась 27-го февраля 1922 г. на 38-омъ году жизни». Их сыновья сегодня далеко: Георгий Павлович с нач. 50-х гг. проживает в Санкт-Петербурге, Артемий Павлович — в Ницце, третий сын обосновался в Бразилии.

На той же аллее Успенского кладбища большой каменный восьмиконечный крест с табличкой «Ген.-майоръ Оеодоръ Васильевичъ Воронцовъ. 1856–1921». Вероятно,

старейшей из русских, похороненных в Новом Саду, была Елена Иосифовна Иванова; на металлическом кресте значится: «Род. 21 мая 1840 г. — ск. 27 апреля 1923 г.»²

Могилы лишивших себя жизни или убитых в 20-х гг. свидетельствуют о личных трагедиях, пережитых на чужбине. В 1922 г. покончил с жизнью 34-летний д-р философии Виктор Михайлович Юловский; в 1923 г. — летчик-истребитель капитан Всеволод

Иванович Штюрмер, 28 лет. Чиновник Михаил Степанович Приходченко на 38-м году жизни покончил с собой «в состоянии умоисступления», после того как задушил своего пятилетнего сына и застрелил 20-летнего кадета Георгия Сысоева, 34-летнего юнкера Николая Романовича Рыбальченко, 23-летнюю жену полковника Валентину Константиновну Третьякову; 19-летний кадет Александр Сарматов-Бабин скончался от ран через несколько дней.

В 1924 г. «вольноопределяющийся Русской армии Георгий Михайлович Канареевский на 23-м году преднамеренно убит выстрелом из револьвера». 26-летний поручик Лейб-гвардии гусарского полка кн. Николай Петрович Волконский, защищая честь 13-летней сербской девочки, погиб от пули венгерского солдата; на похоронах поручика присутствовало немало местного населения и вся русская колония. (Его отец, приближенный Императрицы Марии Федоровны, владеец поместья в Сумском уезде Харьковской губернии кн. Петр Николаевич Волконский (1868–1958) проживет долго; новосадцы знали его как атеиста и плотника, искусно изготавливавшего сундуки.)

Согласно метрической книге, в 1925 г. «случайным выстрелом злоумышленника» убит 41-летний полковник Леонид Митрофанович Успенский, библиотекарь новосадского отделения Русской матицы; он похоронен на петроварадинском кладбище. В том же году из-за психического расстройства покончил с жизнью поручик Дмитрий Иванович Воробьев, а в 1926 г. — 30-летний капитан Самурского пехотного полка Михаил Алексеевич Дементьев. В 1928 г., лишившись рассудка, покончил с собой 25-летний Василий Павлович Попов...

От ангины молодым скончался капитан русской гвардии барон Александр Оттокарович фон Тизенгаузен (1894–1924), его хоронили отец и брат.

С почестями провожали новосадцы в последний путь отважного генерала от инфантерии Константина Александровича Крылова (1861–1930). В 1923 г. новосадскому отделу сербских добровольцев он подарил саблю, бывшую при нем во время наступления русской армии в 1914 г., когда, разбив австро-венгерские войска, русские спустились с Карпат в венгерскую равнину и породили у сербов надежду на скорое освобождение. Каменный крест и фотография генерала на памятнике сохранились до наших дней.

Русский участок Успенского кладбища в Новом Саду

Неподалеку и могила ген.-лейтенанта Диодора Николаевича Черноярова, председателя новосадской колонии. Рядом похоронены его супруга Вера Николаевна, сын Владимир Диодорович (урна с его останками привезена из США) и незамужняя дочь Евгения Диодоровна (1890–1968). Она была служащей, а когда пришло время выйти на пенсию, от последней отказалась, сказав: «Но я могу себя содержать материально!» До последних лет своей жизни Евгения Диодоровна давала частные уроки иностранных языков.

Скромный памятник уцелел на могиле Георгия Васильевича Скоропадского (1873–1925), мирового судьи, члена III и IV Государственных дум от Черниговской губернии, председателя Сосницкого земского управления, октябриста.

Военный летчик подполковник Александр Александрович Кованько (1889–1926) поживает под большим валуном с крестом и металлическим российским гербом, вокруг могилы массивная цепь. Недавно из США приезжал поклониться могиле деда его внук — американский врач.

Здесь же похоронен другой погибший летчик — полковник Николай Анатольевич Кутейников (1888–1927). Фотография на черном мраморном памятнике сохранилась, но белый фарфоровый ангел давно разбит. Неподалеку погребен его отец — ген.-майор Анатолий Михайлович Кутейников (1864–1933).

Летчик подполковник Сергей Матвеевич Урвачев (1893–1973) и его супруга Марина Александровна, урожд. Тутурская (1903–1979), покоятся на петроварадинском Военном кладбище. Сегодня там еще можно обнаружить десяток русских могил...

Из высшего офицерского состава Русской армии, помимо ранее упомянутых, в Новом Саду скончались и похоронены:

Брунн Анатолий Андреевич (ок. 1863–1936), ген.-майор;
Игнатъев Игнатий Петрович (1866–1933), ген.-майор;
Ирманов Владимир Александрович (1852–1931), ген. от кавалерии;
Кикин Константин Сергеевич (1853–1943), ген.-майор; Кривцов Пантелеймон
Прокофьевич (1863–1933), ген.-майор;
Мельгунов Михаил Эрастович (1870–1926), ген.-лейтенант Генштаба;
Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич (1860–1929), ген.-лейтенант
Генштаба;
Сенча Владимир Иванович (1868–1954), ген.-майор Генштаба;
Сухотин Николай Петрович (1842–1924), ген. от артиллерии;
Урчукин Флегонт Михайлович (1870–1930), ген.-майор;
Хануков Александр Павлович (1867–1943), ген.-лейтенант Генштаба.

Простые каменные кресты на могилах казаков: «Павел Фомич Попов. 1892–1934. Вольному казаку от Беломечетской. Кубань»; «Василий Леонтьевич Цокур. 1895–1936. Вольному казаку от Каневской. Кубань»; «Казак Кубанской области Иван Федорович Сивцов. 1894–1936»... На памятнике с фотографией крестьянина Ставропольской губернии разбираем надпись: «Дорогому супругу Ивану Софрониевичу Жердеву от неутешной жены Мелании. Умер 25-Х-1937, 49 лет».

Казачьи жены нерусского происхождения понимали ностальгию своих мужей. Следы этого встречаются в эпитафиях: «Почива у драгој степи коју је толико волео — Михаило Такушин. 1890–1961. Споменик подиже супруга Милица». Недалеко могила кубанского казака станицы Каневской: «Овде почива Иларијон Карпенко. Преминуо у 46. години. 1944. Споменик подиже супруга Ђурђинка».

В Новом Саду жили и русские, скрывавшие свое происхождение, стыдясь положения, в котором оказались на чужбине. На неприметном памятнике надпись: «Максимчук Иван. 1892–1961; Чудинова Ольга. 1888–1962». После кончины вдовы в ее доме были обнаружены фамильные драгоценности — подарки от Императорской семьи. Выяснилось, что Ольга Дмитриевна — дочь ген. от артиллерии Дмитрия Гавриловича Арсеньева (1840–1912), военного губернатора Амурской области, Наказного атамана Амурского казачьего войска, затем пермского губернатора, а ее мать — Надежда Фердинандовна, урожд. баронесса Корф. В 1-м браке Ольга Дмитриевна была женой графа Кронгельма. Овдовев в Петербурге, она вышла замуж за полковника Н.А.Чудинова. Позднее она вступила в третий брак.

Два прежних москвича похоронены рядом: Сергей Сергеевич Усов (1872–1943) и Екатерина Петровна Климович (1876–1943), вдова бывш. московского градоначальника

Евгения Константиновича Климовича (похороненного в 1930 г. в Панчево). Вблизи и могила бывш. прокурора Московской судебной палаты Николая Михайловича Смирнова (1870–1939).

Во время войны скончалась графиня Анна Васильевна Гудович, урожд. Кокушкина (1889–1943), супруга гр. Мстислава Александровича, участника русско-японской войны, чиновника Министерства внутренних дел, а в Новом Саду — казначея отделения Русской матицы. Его брат ротмистр Игорь Александрович Гудович (1878–1931) также похоронен на Успенском кладбище.

На русском участке этого кладбища встречаются могилы представителей канувших в Лету сословий Российской империи: помещик Михаил Михайлович Савенко (1846–1931), коллежский асессор Михаил Семенович Ковалев (1895–1934), судебный следователь Владимир Александрович Флегинский (1886–1937), мировой судья Петр Алексеевич Керин (1867–1943), капитан 1-го ранга Русского Императорского флота Константин Иванович Шишма-рев (1858–1932), саратовский купец Павел Прокофьевич Борисов-Морозов (скончался в 1935 г. на 91-м году жизни)...

Наследник и глава «пастуховского дела», переехавший в сер. 30-х гг. из Франции к сестре, покоится под плитой: «Сергей Николаевич Пастуховъ. Родился въ Ярославле 22 іюня 1866. Умеръ въ Новомъ Саду 3 ноября 1940».

Воронежский дворянин, бывш. управляющий Киевским крестьянским банком Митрофан Александрович Верховский скончался в 1929 г. на 67-м году жизни; в Новом Саду он был финансовым агентом.

На русском участке похоронен и уроженец Вологды полковник Степан Федорович Климентов (1870–1953). Он сторонился эмигрантских офицерских организаций, преподавал математику в гимназиях, а в г. Великий Бечкерек содержал частную русскую публичную библиотеку (погибла осенью 1944 г. с приходом в город Красной армии).

В девятом ряду восточной части Успенского кладбища могила с каменным крестом: «Здесь почиваетъ князь Николай Петровичъ Трубецкой. Рожд. въ Юеве 3 марта 1875 г., сконч. 8 февраля 1946 г. въ Новомъ Саду». Князь был музыкантом, холост. Недалеко от него похоронена Анна Георгиевна Келеповская, урожд. Богачева (1877–1954), вдова Сергея Васильевича Келеповского, члена Государственной думы.

На русских могилах «встречаются трогательные эпитафии, дающие возможность восстановить семейные связи, судьбы. Чем глубже исследуешь — тем больше грусти...

«Другу и папе. Здесь покоится военный инженеръ полковникъ Сергій Александровичъ Макаевевъ. Умеръ 1937 г. 23 августа, 62 летъ. Жди насъ!»; супруга его, Ольга, скончается лишь в 1954 г., а сын, инженер, в войну пропадет без вести. Жена сына,

Нина Александровна, урожд. Гоман (1902–1982), долго проживет со своей матерью Елизаветой Федоровной Гоман (1885–1977), овдовевшей еще в 1929 г.

О судьбах вдов напоминает удел сестер Рутковских. Надежда Семеновна, в замужестве Соседова (1896–1978), лишившись в годы войны мужа, болгарского корреспондента парижских и берлинских русских газет, и единственного сына (арестован органами НКВД), после войны переехала в Новый Сад к младшей сестре Валентине Семеновне, в замужестве Коноваловой (1898–1954), у которой муж и сын были расстреляны в 1944 г. Сестер приютила семья уважаемого новосадского адвоката-сербя. Надежду Семеновну, сгорбленную, озлобленную на Советский Союз старушку, продававшую свечи в храме и собиравшую по домам пожертвования на Церковь и «на бедных», знали и жалели все. Скончалась она в старческом доме в Сомборе, где и похоронена (она пережила благодетелей, и ей пришлось выехать из своей комнатки в Новом Саду).

Долгая, но нелегкая жизнь выпала на долю Елены Николаевны Кулжинской (1880–1976), перенесшей кончину своего сына Коки — Николая Степановича Кулжинского (1900–1974) и похороненной уже на загородном Центральном кладбище. В годы Второй мировой войны она потеряла мужа, младшего сына, внука. Добрейшая «бабушка Кулжинская» жила одна, в темном полуподвальном помещении, но сохраняла кротость и любовь к людям, воспитав детей в нескольких русских семьях.

На 96-м году тихо угаснет жизнь Зинаиды Ивановны Борисевич (1885–1980), волевой, трудолюбивой женщины, глубоко любившей Россию, но ругавшей последнего российского монарха и духовенство всех конфессий. С дочерью и сыном на руках она пережила революцию и голод в Петрограде, пока муж скрывался в Финляндии. Затем скудная жизнь на берегу Азовского моря, суматоха крымской эвакуации, временная разлука с мужем (заболевшего тифом, его высадили с парохода в Константинополе, потом несколько лет он будет искать семью). Шитьем по ночам Зинаида Ивановна зарабатывала на жизнь, помогала детям — студентам в Белграде. Во Вторую мировую войну она пережила арест сына; храбрая мать с порога дома прогоняла немецких оккупантов, выпытывавших у нее местонахождение сына-партизана, военного врача. После войны она перенесла новый арест сына, пострадавшего в период ухудшения отношений с СССР, его заключение в лагерь «Голиоток», а впоследствии разделила его непоседливую жизнь сельского врача в деревнях Воеводины и Восточной Сербии. Осенью 1968 г. Зинаида Ивановна предприняла непростое путешествие на родину для встречи с братом, после полувековой разлуки оказавшимся совершенно чуждым ей человеком...

Борис Михайлович Моисеев (1896–1974), железнодорожный служащий, регент хора Успенской церкви, живописец-любитель, и его жена Антонина Феликсовна (1898–1972) испытали в конце войны тяжелый удар судьбы: арест органами НКВД и исчезновение их единственного сына Юрия — юноши, увлекавшегося скаутизмом. В нач. 60-х гг. Борису Михайловичу предоставилась возможность направить знакомого серба к своим родственникам в подмосковный город. Иностранец представился его сестре и был встречен дрожащим, умоляющим шепотом: «Уходите, уходите...» Трогательна и горька была жизнь этой пары. Административное распоряжение о закрытии кладбища разъединило их: мужа уже не смогли похоронить рядом с женой.

Та же участь постигла и могилы супругов Марковских. Полковник Борис Платонович Марковский (1875–1946), участник мировой войны, командир 3-го Сербского отдельного артиллерийского дивизиона на румынском фронте в 1917 г., кавалер многих

боевых наград, в Королевстве СХС зарабатывал на жизнь, будучи бухгалтером и кладовщиком. Его вдова Ольга Федоровна, урожд. Соловьева (1888–1982), не добившись улучшения своего материального положения, постоянно больная, тридцать лет не выходившая из комнаты в коммунальной квартире, почти слепая, пользовалась помощью знакомых и Красного Креста. Поочередно или одновременно к ней приезжали сестры из Нью-Йорка и Баку. Новый Сад оказался для них единственным местом встреч.

Большинство русских на чужбине похоронено с горстью отчей земли — хранимой в ладанках или привезенной кем-либо с родины.

Судьбы... Прожитые годы... Жизнь многих беженцев оказалась почти неправдоподобной. Сохранились их дневники, записки, воспоминания — уроженца Киевской губернии, новосадского плотника Георгия Андреевича Бойкова (1903–1989), княжны Екатерины Сергеевны Эристовой, в замужестве Гуляевой (1903–1988), сына священника г. Борисоглебска, участника Ледяного похода, агронома Михаила Васильевича Смолянникова (1894–1987)³...

¹ Согласно метрическим книгам Русской православной церкви Св. Троицы в Белграде, лишь в 1921–1949 гг. в этом городе скончалось более 2500 русских, из них почти две трети — мужчины.

² В деревне Кисач близ Нового Сада в 1922 г. скончался ген. от кавалерии Алексей Герасимович Жеребков, родившийся в 1836 г.

³ Исторический интерес представляют работы М.В.Смолянникова: «Четыре месяца 1918 года» (Ледяной поход); «Полтора года на Турецком фронте» (воспоминания, написанные на основе записок автора в Новочеркасске 1918-1919 гг.); «Кубань: 1920 год» (воспоминания о гражданской войне). Экземпляры этих машинописных тетрадей М.В.Смолянников в 70-х гг. от правил на родину.

Послесловие

Нормализация советско-югославских отношений в 1955–1956 гг. способствовала восстановлению экономических и культурных связей между обеими странами. Вскоре некоторым русским в Югославии удалось возобновить переписку с родственниками в СССР, прерванную еще до войны. В 60-70-х гг. многие нашли в России своих дальних родственников (новосадцы склоняли друг друга на такие розыски). Иногда эти розыски предпринимались без достаточного эмоционального накала, особенно если в семье не все были русскими. Появилась возможность ездить к родственникам (лишь в «незакрытые» города и незапретные зоны СССР) или принимать их у себя. Другие по туристическим визам отправлялись осматривать достопримечательности былой России. Эти встречи и путешествия, совершаемые даже в родные края, не всегда могли утолить тоски по родине и принести ожидаемое удовлетворение.

После временного охлаждения межгосударственных отношений, связанного с осуждением советской интервенции в Чехословакии (август 1968 г.), личные контакты сравнительно быстро возобновились.

В 70–80-х гг. несколько новосадских заводов интенсивно сотрудничало с советскими фирмами: судостроительный завод выполнил ряд заказов для СССР, в Новом Саду была построена тепловая электростанция, на нефтеперерабатывающем заводе — мощная технологическая установка. Десятки советских специалистов технического профиля были на длительные сроки командированы в Новый Сад и проживали здесь чаще всего со своими семьями. Культурные связи и научно-педагогический обмен кадрами осуществляют библиотека, галерея и научные секции Матицы сербской, кафедра славистики Философского факультета. В Музыкальной академии, оперной и балетной труппах Сербского народного театра работают по контрактам педагоги Московской консерватории и оперных театров из других городов России. Многие русские новосадцы охотно встречаются с приезжими соотечественниками, оказывают им радушный прием, заводят многолетнюю дружбу. Частые гастроли советских ансамблей и артистов также радовали русских новосадцев¹. Выставки из собраний Третьяковской галереи, Эрмитажа, Русского музея, Оружейной палаты, московского Исторического музея, Музея-квартиры А.С.Пушкина на Мойке, книжные ярмарки советской книги, дешевая подписка на российские газеты и журналы, как и беспересадочное железнодорожное сообщение между Новым Садам и Москвой, круизы судов Черноморского пароходства по Дунаю, — создавали у части русских новосадцев, чуткой к отечественным корням, своеобразную иллюзию жизни в нерусскоязычной губернии России...

Заканчивая последние страницы повествования о жизни и делах русских в Новом Саду, следует сказать несколько слов о тех из них, кто проживает здесь сегодня².

Нельзя обойти вниманием ряд представителей «второго поколения», уже вышедших на пенсию: Александра Васильевича Музалевского, преподавателя русского языка Философского факультета; Людмилу Александровну Сперанскую, кандидата экономических наук, преподавателя Коммерческого института при Новосадском университете; Татьяну Александровну Ванифатову (в замужестве Савич), многолетнего сотрудника Института градостроительства и архитектора (по ее проектам построено несколько зданий начальных школ, Институт международных экономических связей в Новом Саду, университетский городок в г. Баня-Луке, комплекс «Детское село» близ Нового Сада для беспризорных детей); Алексея Николаевича Бэра, профессора Факультета физического воспитания; фармацевта Константина Александровича Моисеева; зубного врача Марию Павловну Быкадорову (в замужестве Кристич); инженера путей сообщения Алексея Константиновича Буссова.

В городских учреждениях, на предприятиях и заводах мелькают имена русских: инженеров — С.С.Мировича, А.А.Панчулидзева, К.Я.Шпиндлера, В.Р.Смирнова, А.Б.Арсеньева, архитектора В.С.Кисловского, юристов — Н.В.Лопушанского, Б.П.Чуянова, врача А.В.Непокойчицкого, экономиста П.М.Новикова, художника-реставратора Б.В.Иванчева, дирижера и пианиста Б.Г.Черногубова, театральных деятелей — Б.И.Павлова, В.И.Меркулова, режиссера новосадского телевидения В.Г.Фигуровского...

Молодое поколение, главным образом из смешанных браков, ныне почти полностью ассимилировалось, и если и знает русский язык, то не владеет им как родным. Согласно новосадской переписи населения, в 1981 г. в городе проживало 270 русских³. В большинстве это, конечно, сыновья, внуки и правнуки беженцев. Можно предположить, что сегодня в Новом Саду, насчитывающем без малого 250 тысяч жителей, русских всего около 150, из которых не более 10 родились в России.

Энергичный, жизнерадостный Сергей Андреевич Кисловский (род. в 1899 г.), агроном на пенсии, и поныне интересуется многим, увлекается историей и археологией, приводит в порядок свои коллекции и обширные воспоминания.

Уроженец Новочеркасска Николай Федорович Букин (род. в 1903 г.), инженер-лесовод на пенсии, избран в члены Донского круга в Ростове-на-Дону; он ведет переписку с историками донского казачества и живет мыслями о родине.

В Новом Саду, полюбившемся ей с 20-х гг., проживала оперная певица София Рудольфовна Драусаль (род. в 1894 г.), ранее солистка Одесского оперного театра.

«Свежесть и чистота колоратурного сопрано Драусаль, которая пела “Снегурочку” еще в России... Наделенная от природы кристально прозрачным голосом и инструментально чистой интонацией...» — отзывался о ней в 40-х гг. либреттист Владимир Иванович Вельский, живший в Белграде. Очаровательная, чистая русская душа, бодрая София Рудольфовна здравствует ныне в Белграде, одна, в уюте и тепле⁴...

Встречаясь с этими людьми, вспоминаешь стихотворение поэтессы русского Зарубежья Екатерины Таубер (1903–1987), проведшей юность и молодость на воеводинских просторах и в Белграде:

Твой чекан, бывшая Россия,
Нам тобою в награду дан.
Мы — не ветви твои сухие,
Мы — дички для заморских стран.

Искалеченных пересадили,
А иное пошло на слом.
Но среди чужеземной пыли —
В каждой почке тебя несем.

Пусть нас горсточка только будет,
Пусть загадка мы тут для всех —
Вечность верных шадит, не судит
За святого упорства грех.

В «Биографии юности» архиепископ Иоанн Шаховской, возвращаясь к дням своей жизни в Югославии, вспоминал: «Вырванные из недр России, мы были *кровью и плотью* России, ее продолжением в мире... Мы были *органической частью России*. Мы были подобны большому кораблю, который, выйдя из родной гавани, зажил своей, по-своему полной жизнью, ощущая, впрочем, что он лишь часть целого, что он лишь корабль своей родины, а не его гавань».

Заблудившийся во времени «корабль» с судьбами и сохранившимися голосами русских новосадцев ныне причаливает к родным берегам.

Новый Сад. 1991г., 1998 г.

¹ В Новом Саду гастролировали: Ансамбль «Березка», Ансамбль народного танца СССР И.А.Моисеева, московский Театр им. Ленинского комсомола, Центральный театр кукол под руководством С.В.Образцова, московские Театр на Малой Бронной и Театр на Таганке, оперная труппа Большого театра Союза ССР, Ленинградская филармония, Государственный симфонический оркестр СССР, Московский камерный оркестр Р.Б.Баршай, Аркадий Райкин, Зара Долуханова, Святослав Рихтер, Давид Ойстрах, Эмиль Гилельс, Леонид Коган, Ирина Архипова, Елена Образцова, Владимир Атлантов, Игорь Жуков, Дмитрий Башкиров, Григорий Соколов и десятки лауреатов международных музыкальных конкурсов. На многие годы свою концертно-педагогическую деятельность связала с Новым Садам скрипачка Марина Яшвили. Несколько музыкальных сочинений московского композитора Виктора Екимовского впервые было исполнено новосадскими музыкантами.

² Эти строки писались в 1991 г. К 1998 г., когда готовилось издание настоящей книги, некоторые из упоминаемых в «Послесловии» русских новосадцев скончались: М.П.Быкадорова (1928–1993), Н.Ф.Букин (1903–1994), А.Н.Бэр (1924–1995), С.А.Кисловский (1899–1995), А.В.Музалевский (1923–1998).

³ Popis stanovništva, domaćinstava i stanova 1981. godine. Knjiga I. Pokrajinski zavod za statistiku Novi Sad, 1983.

⁴ С.Р.Драусаль скончалась 21 октября 1991 г. в Белграде.

Приложение 1

**Список учеников
Русской реальной гимназии в Новом Саду
на 1925/26 учебный год**

Начальница гимназии — Вера Федоровна Шкинская

I подготовительный класс

Андреев Георгий
Безбородое Дмитрий
Бетлинг Анатолий
Винкич Ангелина
Галилеева Людмила
Гурчина Татьяна
Даркин Юрий
Заболотная Анастасия
Иванов Всеволод
Колпиков Василий
Колпикова Ольга
Колядзинская Ольга
Коровников Олег
Лабинский Никита
Лобач-Жученко Надежда
Мансфельд Дмитрий
Орлова Нина
Сементовский Юрий
Хабаров Мирослав
Чехович Георгий
Шебалина Елена
Широбокова Тамара
Эрдели Николай

II подготовительный класс

Бодиско Людмила

Диброва Вера
Верстаков Всеволод
Дмитриев Виктор
Даркин Владимир
Зейдлер Юрий
Кнапп Маргарита
Колядзинский Иван
Коровников Николай
Лашкарев Александр
Орлова Ирина
Подкаминер Елизавета
Фигуровский Юрий
Хмелевская Ольга
Широбоков Олег
Щеголев Олег
Эрман Лариса

I класс

Андреева Нина
Ассиер Ольга
Барановская Ольга
Барановская Татьяна
Бразоль Илья
Дашков Евгений
Корницкий Александр
Кричинская Ольга
Пальчинская Тамара
Перикоти Вера
Покровская Ираида
Сильченко Василий
Сперанская Кира
Ширай Алексей

II класс

Бразоль Василий

Гамбурцев Николай
Генц Ольга
Голицын Дмитрий
Конева Наталия
Кугатов Михаил
Ламздорф Николай
Мошинский Олег
Окшевский Олег
Пржевальский Николай
Скоропадская Ирина
Широбокова Нина
Шульгин Алексей

III класс

Генц Елизавета
Елагин Владимир
Зайцева Людмила
Мариюшкина Наталия
Окшевский Лев
Раевский Глеб
Рудь Ангелина
Степанов Владимир
Хитров Всеволод
Широбокова Людмила
Шретер Елена

IV класс

Гамбурцев Лев
Голицына Вера
Дорофеева Валентина
Жила Елена
Кугатова Вера
Ламздорф Григорий

Ламздорф Екатерина
Лобач-Жученко Николай
Субботин Михаил
Чекарская Ольга
Широбоков Георгий
Эппле Роман

V класс

Бразоль Злата
Бразоль Мария
Вишневская Нина
Дончакова Мария
Спассовская Александра
Трубецкой Всеволод
Эппле Георгий

VI класс

Герц Петр
Дончакова Зинаида
Конева Татьяна
Левицкая Людмила
Ляшенко Дмитрий
Николаева Тамара
Энвальд Василий

Приложение 2

Упокоились в Новом Саду (1920–1998 гг.)

- Азаренко Леонид Евгеньевич (1891, Могилев — 1957), капитан.
- Азаренко, урожд. Иванова Ольга Софрониевна (1885, Полтава — 1964).
- Аксенов Иван Иванович (1893, Ставрополь — 1963), офицер; авиамеханик.
- Аксенова, урожд. Ланер Виктория Владиславовна (1902–1954).
- Аксенова Татьяна Ивановна (1928, Нови-Сад — 1929), дочь авиамеханика.
- Александрова Анна (1878, Москва — 1976).
- Аливанов Анатолий Иванович (1896, СПб. — 1940), подьесаул; музыкант.
- Алпатьев Василий Григорьевич (1887, Артемовка, Донская обл. — после 1960),
мещанин,
- Алпатьев Григорий Григорьевич (1887, Артемовка, Донская обл. — 1975),
мещанин.
- Андреев Иван Иосифович (1883–1976).
- Андреев Павел Емельянович (1895, ст. Сулин, Донская обл. — 1947), поручик;
рабочий.
- Андреева Татьяна Михайловна (1858, Чернигов — 1937), вдова.
- Антонов Николай Иванович (1859–1938), юрист, почетный мировой судья, член III
Гос. думы, октябрист; служащий.
- Антонова, урожд. Комаровская Вера Владимировна (1866, СПб. — 1941), вдова.
- Анфилов Павел Ипполитович (1886–1937), рабочий.
- Аплечеев Николай Николаевич (1864–1940), полковник; инвалид.
- Аредов Александр Прокофьевич (1892, Донская обл. — 1937), инженер.
- Аржаховский Виктор Романович (1897, Владивосток — 1933),
вольноопределяющийся Добровольческой армии; рабочий.
- Аржаховский Николай (1865–1945).
- Арсеньев Борис Петрович (1908, Дубно, Волынская губ. — 1972), служащий,
регент церковного хора.
- Арсеньева, урожд. Борисевич Тамара Александровна (1910, Рига — 1984),
преподавательница.
- Архангельский Андрей (?—1943).
- Архангельский Владимир Николаевич (1897–1925), врач.
- Ассиер Агния Андреевна (1863, Ставропольская губ. — 1932), дворянка.
- Астахов Константин (1900–1942).

Афоненко Григорий Спиридонович (ок. 1883, ст. Старочеркасская, Донская обл. — 1929), казак.

Бабанин Гавриил Трофимович (1897, Михайловка — 1956), рабочий.

Бабинский Константин Константинович (ок. 1869, Житомир — 1946), служащий.

Балабан, урожд. Игнатьева Ольга Петровна (1874, Грозный — 1943), вдова.

Балабанова, урожд. Аамзаки Анна Ивановна (1904, Одесса — 1987), служащая.

Балахнин Иван Варфоломеевич (1901, Белая Калитва, Донская обл. — 1985), казак; плотник.

Бальц, урожд. Вишневецкая Татьяна Анатольевна (Р-1921).

Баранковский Николай Васильевич (1899, Екатеринослав — 1962), техник.

Батлуков Иван Иванович (1892, Перебой — 1978).

Бедрик Ольга Павловна (1929-1930), дочь крестьянина Ставропольской губ.

Безбородое Иван Петрович (1885, Москва — 1939), войсковой старшина.

Безкровная Надежда Александровна (1882–1942), вдова полковника.

Безкровный Георгий Федорович (1872–1935), полковник кавалерии.

Беловолов Иван Михайлович (1930, младенец).

Белопольская, урожд. Дробышева Лидия Ильинична (1896, Нальчик — 1985), похоронена в Белграде.

Белопольская, в замужестве Бергер Ирина Николаевна (1916–1994), врач.

Белопольский Николай Александрович (1889, Темир-Хан-Шура, Дагестан — 1958), техник.

Белопольский Федор Александрович (1876, Темир-Хан-Шура, Дагестан — 1948).

Белоусова, урожд. Кудинова Ирина Ивановна (1881, Астраханская губ. — 1933), крестьянка, вдова.

Беляева, в замужестве Антонию Евгения Архиповна (1898, Рыбинск — 1970).

Белякова Анастасия Ивановна (1935, младенец), дочь крестьянина Саратовской губ.

Бенецкий Анатолий Иосифович (1887–1932), капитан.

Бережникова, в замужестве Суботип Олимпиада Ивановна (1867, Варшава — 1946).

Бернштам Герман Сергеевич (1857, СПб. — 1927), потомственный почетный гражданин.

Бернштам Ольга Федоровна (1860, СПб. — 1926).

Бибиков Владимир Семенович (1874, Польша — 1937), штабс-капитан.

Бирюков Илья Ерофеевич (1875–1935), кубанский казак; плотник.

Бирюковская, урожд. Квитка Александра (1864, Харьков — 1943).

Бирюлькин Игорь Федорович (1927, младенец).

Блуме Владимир Александрович (ок. 1891 — 1921).

Бодиско Ирина Васильевна (1910, СПб. — 1925), дочь капитана.

Божанов Георгий Михайлович (1899-1937), кубанский казак; рабочий.

Бойков Георгий Андреевич (1903, Киевская губ. — 1989), плотник.

Болгов Петр Петрович (1906, Кубанская обл. — 1932), казак.

Большое Кирилл Петрович (1891, Армавир — 1971), служащий.

Большова, урожд. Прыткова Мария Владимировна (1895, Армавир — 1968),
медсестра.

Бондаренко Вера Петровна (1929, младенец).

Бондаренко Евфим Федорович (1878, Тирасполь — 1956), рабочий.

Бондаренко Надежда Петровна (1929, младенец).

Бондаренко Ольга Петровна (1928, младенец).

Борисевич Владимир Александрович (1914, Рига — 1968, Бор, Сербия), врач;
похоронен в Нови-Саде.

Борисевич, урожд. Дараган Зинаида Ивановна (1885, Рига — 1980), вдова.

Борисов Петр Александрович (1893, Москва — 1954).

Борисов-Морозов Павел Прокофьевич (1844, Саратов — 1935), купец.

Борисова, урожд. Слюсарева Надежда Павловна (1895, Москва — 1989), вдова.

Брезкев Константин (ок. 1889 — 1922), казак; рабочий.

Броневский Георгий Борисович (1891, Тула — 1961), инженер-полковник.

Брунн Анатолий Андреевич (ок. 1863 — 1936), ген.-майор.

Брянцев Александр Иванович (1896, ст. Михайловская, Донская обл. — 1925),
рабочий.

Будасов Алексей (1900–1942), рабочий.

Бузин Константин Петрович (1897–1927), сын полковника.

Букин Николай Федорович (1903, Новочеркасск — 1994), инженер-лесовод, регент
церковного хора.

Букина, урожд. Ильинская Анна Николаевна (1899, Москва — 1986), врач.

Булат Елена Михайловна (1851, Новороссийск — 1929), вдова.

Булатка Мария (1897-1925).

Булгаков Андрей Иванович (1872, ст. Новотроицкая, Кубанская обл. — 1937),
рабочий.

Бунакова, урожд. Педашенко Ольга Ивановна (1880, Самара — 1959), педагог.

Бурлак Надежда Илларионовна (1930, младенец).

Буссов Константин Николаевич (1904, Малая Чернявка, Киевская губ. — 1971), летчик.

Буссова, урожд. Мариюшкина Елизавета Алексеевна (1909, СПб. — 1989), служащая.

Буткова, урожд. Яровицына Параскева Марковна (1849–1925), вдова.

Быкадорова, урожд. Романова Александра Алексеевна (1890–1975).

Быкадорова, в замужестве КристиѢ Мария Павловна (1928, Бела-Црква, Сербия — 1993), дантист.

Бэр Алексей Николаевич (1924, Панчево, Сербия — 1995), профессор.

Бэр Николай Сергеевич (1888, Бунино, Тульская губ. — 1955), дворянин, инженер-химик.

Вайман Гавриил Андреевич (1876–1923), дворянин.

Вандровский Петр Иванович (1897, Елизаветград — 1971), инженер-гидротехник.

Ванифатов Александр Николаевич (1897, Екатеринослав — 1961), офицер; служащий.

Ванифатов Николай Николаевич (1866, Екатеринослав — 1933), мещанин.

Ванифатова, урожд. Мелешкина Евдокия Васильевна (1880, Рязань — 1954).

Ванифатова, урожд. Шевченко Мария Федоровна (1896, Екатеринослав — 1976).

Варава Емельян Осипович (1897, Полтава — 1986), служащий.

Варава, урожд. Сикорская Мария Дмитриевна (1897, Полтава — 1960).

Васильев Александр Тимофеевич (1902, Тифлис — 1949), кубанский казак; рабочий.

Васильев Василий Иванович (1884–1932), казак Оренбургского казачьего войска.

Васильев Иван Софрониевич (1891–1939), рабочий.

Васильевский Петр Викентьевич (1888, Брест-Литовск — 1961), подпоручик; директор страхового общества.

Васильченко Василий Федорович (1883, Подольская губ. — 1929), крестьянин.

Васьков Михаил Андреевич (1878, ст. Попутная, Кубанская обл. — 1951), рабочий.

Васюта Петр Андреевич (1944, младенец), сын кубанского казака.

Векслер Владимир Михайлович (1884, Новороссийск — 1948), врач в дер. Господжинцы.

Великий Петр Евгеньевич (1903, Харьков — ок. 1984), парикмахер.

Величко Мария Александровна (1859-1924), вдова статского советника.

Венеровский Михаил Алексеевич (1861–1925), «военный чиновник, по профессии — художник».

Вертепова, урожд. Малиновская Надежда Яновна (1897, Баку — 1989).

Верховская, урожд. Клочкова Ольга Ивановна (ок. 1862 — 1922), дворянка.

Верховский Митрофан Александрович (1862, Воронеж — 1929), дворянин, управляющий Киевским крестьянским банком; служащий.

Верховской Мстислав Вячеславович (1910–1928), сын служащего.

Весновский Леонид (1926, младенец).

Ветренников Павел Дионисьевич (ок. 1881, Михайловское — 1944), крестьянин из Србобрана.

Ветрженковский Иван Семенович (1892–1949, Сремска-Митровица), председатель новосадского филиала украинской организации «Просвпта »; похоронен в Нови-Саде.

Ветчинкин Михаил Михайлович (1899, Никополь — 1941), служащий.

Вильхов Петр Андреевич (ок. 1885 — 1938), рабочий.

Винниченко Вера Прокофьевна (1935, младенец).

Виноградов Дмитрий (ок. 1868, Ставрополь — 1941).

Виноградов Петр Семенович (ок. 1864 — 1941), чиновник полиции; музыкант.

Висмонт Георгий Иванович (1897, Сурами, Тифлисская губ. — 1974), топограф.

Висмонт, урожд. Ратченко Мария Михайловна (1900, Никольск, Пензенская губ. — 1949).

Витюк, урожд. Григорьева Вера Петровна (1905, Ташкент — 1983), служащая.

Вихтоденко Светлана Владимировна (1933–1935), дочь чертежника.

Вишневецкий Аполлинарий Норбертович (1887, Курск — 1938), кандидат права; служащий.

Власов Лукьян Иванович (1894, Старомарьевка, Ставропольская губ. — 1968), пильщик дров.

Власов Максим Федорович (1880, Старомарьевка, Ставропольская губ. — 1936), рабочий.

Вовянюк Василий Ерофеевич (1901, ст. Полтавская, Кубанская обл. — 1970, Сремска-Каменица), казак; похоронен в Нови-Саде.

Вознесенский Константин Васильевич (1895, Житомир — 1942), служащий.

Волгушева, в замужестве Бранчип София Александровна (1899, Астрахань — 1989).

Волканчева Лидия (?—1970-е).

Волков Владимир Васильевич (1902–1982), кубанский казак; крестьянин.

Волков Сергей (1893–1941).

Волконская, урожд. Барковская Александра Васильевна, княг. (ок. 1871, СПб. — 1934), преподавательница.

Волконская, урожд. Граматова Любовь Дмитриевна (1886, Киев — 1965), служащая.

Волконский Николай Петрович, кн. (1897–1924), поручик Лейб-гвардии гусарского полка; служащий.

Волконский Петр Николаевич, кн. (1868, СПб. — 1958), помещик Сумского уезда Харьковской губ.; плотник.

Волкорез Ольга Николаевна (1938, Нови-Сад — 1939), дочь казака.

Волобуев Сергей Васильевич (1883, Льгов, Курская губ. — 1959), адвокат.

Воробьев Александр Николаевич (1888–1927), штабс-ротмистр.

Воробьев Дмитрий Иванович (?—1925), поручик.

Воробьева, в замужестве Госто п Евдокия (1898, Москва — 1947).

Ворожейкина Евгения Павловна (1877–1925), жена полковника.

Воронков Федор Тихонович (1891, Зуевка, Донская обл. — 1924).

Воронцов Федор Васильевич, гр. (1856–1921), ген.-майор.

Вортезан Владимир (1891–1942), рабочий.

Вурумзер Евгений Вячеславович (1891, Вильно — 1972), корнет; служащий.

Вязигин Владимир Сергеевич (1863–1929), полковник.

Гава Николай Евфимиевич (1895–1936), офицер; служащий.

Галкин Иван Васильевич (ок. 1870 — 1939), прапорщик; торговец.

Галкин Михаил Михайлович (1895, СПб. — 1973).

Гамбурцев Георгий Анатольевич (1925, младенец).

Гаровников Анатолий Иосифович (1890, Николаев — 1959).

Гаровников Георгий Анатольевич (1932-1977), инженер.

Генц Эраст Николаевич (1873, Вильно — 1936), полковник.

Герарди Владимир Андреевич (1867-1953).

Герарди, урожд. Оболенская Мария Павловна (1869, Тифлис — 1956), вдова.

Гибшман Евгений Владимирович (1898, Прилуки, Полтавская губ. — 1984), агроном.

Гибшман, урожд. Рышкова Надежда Павловна (1902, СПб. — 1989), библиотекарь.

Гинеевский Петр Трофимович (1904, ст. Отрадная, Кубанская обл. — 1975).

Гинеевский Трофим Игнатьевич (1873, ст. Отрадная, Кубанская обл. — 1943).

Глаголев Федор Матвеевич (1875–1927), полковник артиллерии.

Гладкая, урожд. Кусакова Мария Павловна (1862, Курск — 1947), вдова.

Гладков Константин Александрович (ок. 1877 — 1941), рабочий.

Глуходед Петр (1886, Новороссийск — 1963).

Говоров Василий Матвеевич (1888, Саратовская губ. — 1926), казак; рабочий.

Говорова Ирина Васильевна (1921, младенец).

Гоголев Федор Иванович (1890, Стрельново, Тульская губ. — 1960), крестьянин.

Гоголева Ульяна Степановна (1900, Гродно — 1983).

Годинский Александр Стефанович (1900, Темрюк, Кубанская обл. — 1959), казак, офицер Лейб-гвардии полка; служащий.

Голицынский Федор Алексеевич (ок. 1853, Курск — 1922), тайный советник, инженер путей сообщения; служащий.

Головань Дмитрий Фомич (1882–1936), кубанский казак; рабочий.

Головинская, урожд. Иванова Ксения Федоровна (1896, Варшава — 1942).

Головинский Борис Андреевич (1888, Харьков — 1942), служащий.

Голубничий Григорий Петрович (1893–1950), поручик; топограф.

Гольцев-Богданов Варлаам Васильевич (1879, Уральск — 1955), есаул Кубанского казачьего войска; служащий.

Гольцева-Богданова, урожд. Малахова Клавдия Александровна (1905, Новочеркасск — 1968), служащая.

Голядзе Филимон Ильич (1897, Грузия — 1944).

Голядзе Яков Ильич (1891, Грузия — 1948), сторож.

Гоман Александр Николаевич (1871–1929), полковник; служащий.

Гоман, урожд. Антюхова Елизавета Федоровна (1885–1977), вдова полковника.

Горбатова, урожд. Высота Анна Всеволодовна (1864, Николаев — 1940).

Горский Николай Фомич (1907, Киев — 1946), инженер.

Гребнев Алексей (1888, Тоншаево, Нижегородская губ. — 1964), рабочий.

Грибенников Аким Яковлевич (1900, Александровск-Грушевский, Донская обл. — 1954).

Григорьев Георгий Николаевич (1902, ст. Усть-Медведицкая, Донская обл.— 1980).

Григорьев Евфимий Федорович (1896, Николаевск, Оренбургская губ. — 1959), военнопленный из крестьян; рабочий.

Григорьева Мария Петровна (1892, Вильно — 1942).

Григорьева Надежда Петровна (1890, Вильно — 1968).

Гродский Владимир Александрович (ок. 1892, Киевская губ. — 1922).

Губанов Иван Васильевич (1893, Кисловодск — 1942), поручик; владелец галантерейного магазина.

Губанова, урожд. Яковлева Полина Петровна (1895, Харьков — 1942).

Гудович, урожд. Кокушкина Анна Васильевна, графиня (1889, СПб.— 1943).

Гудович Игорь Александрович, гр. (1878–1931), ротмистр; служащий.

Гуляев Георгий Степанович (1896, Козлов — 1963), инженер.

Гуляева, урожд. княжна Эрнстова Екатерина Сергеевна (1903, Харьков — 1988), служащая.

Гунько Никита Никифорович (1884, Хорол, Полтавская губ. — 1954), рабочий.

Давыдова, в замужестве Кнежевич Вера Ивановна (1914, СПб. — 1992), служащая.

Давыдова, урожд. Козлова Вера Николаевна (1884, СПб. — 1971).

Дадиани Фома Николаевич, кн. (1885, Зугдиди, Кутаисская губ. — 1924).

Данилов Дмитрий (1867, ст. Ахметовская, Кубанская обл. — 1945), казак; рабочий.

Данилов Сергей Антонович (1886, Москва — 1927).

Дементьев Михаил Алексеевич (1896–1926), капитан.

Демичев Иван Лаврентьевич (1888, Салаватово, Костромская губ. — 1946), сапожник.

Дервисье Виктор (1913, Одесса — 1987), агроном.

Дервянко Николай Николаевич (1932–1982).

Дервянко Николай Федорович (1899, Одесса — 1960).

Державин Николай Михайлович (1872, Симбирск — 1945), полковник.

Дериглазов Карп Иванович (1893, ст. Ермоловская, Терская обл. — 1967).

Диброва Вера Григорьевна (1918–1929), ученица.

Димитренко Григорий Данилович (1886, ст. Попутная, Кубанская обл. — 1943), казак; рабочий.

Дмитриев Виктор Сергеевич (1918, Киев — 1980), преподаватель.

Дмитриев Сергей Васильевич (1887, Москва — 1956).

Дмитриева, урожд. Фобисенко Клавдия Алексеевна (1893, Киев — 1949), преподавательница.

Доброхотов Арефа Иванович (1896–1933), учитель.

Долженко Дмитрий Степанович (1902, Югово, Екатеринославская губ. — 1924), мещанин.

Доманский Антон Николаевич (1863–1925), полковник.

Донсков Сергей Иванович (1904, Нижний Чир, Саратовская губ. — 1976), инженер.

Донскова, урожд. Космодемьянская Александра Васильевна (1880–1966).

Донскова Зоя Ивановна (1905, Вильно — 1991), врач.

Доценкова, в замужестве СтанишиК Мария (1895, Новый Павловск — 1976).

фон Дрейер Константин Дмитриевич (1862, СПб. — 1947), полковник.

Дронова Татьяна Сергеевна (1933, Нови-Сад — 1942), ученица.

Дунаев Александр Александрович (1893, Москва — 1940), кандидат права; рабочий.

Дуналаки-Скарлато Григорий Петрович (1899, Одесса — 1929), студент.

Евженков Иван Дмитриевич (1893, Сабинино, Белгородская губ. — 1957).

Егоров Александр Павлович (1885, СПб. — 1925), поручик; служащий.

Егоров Василий Корнилиевич (1892, Маккавеево, Забайкальская обл. — 1941), рабочий.

Емельяненко Семен Васильевич (1897, Ростов-на-Дону — 1976).

Еремеев Антон К. (1903, Новочеркасск — 1963), инженер-механик.

Еременко Борис Вячеславович (1953, Танда, Сербия — 1977).

Ермаков Евгений Федорович (1868, Киев — 1946), инженер.

Ефремова Наталия Ивановна (1901–1933).

Жаботинский Алексей Харитонович (1898, Краснополье, Витебская губ. — 1978), подпоручик; служащий.

Жарков Афанасий Федорович (1888, Воскресенское — 1953).

Желеховская, урожд. Кесслер Лидия Александровна (1897, Нарва — 1968), вдова.

Желеховский Иван Иосифович (ок. 1893–1941), служащий.

Жердев Иван Софронович (Софрониевич) (ок. 1888, Ставропольская губ. — 1937), крестьянин; трактирщик.

Житкова, в замужестве Биланип Евгения (1898, Кишеньки, Полтавская губ. — 1978), вдова.

Житлов Трофим (1866, Орел — 1939).

Журомская, урожд. Гибшман Цецилия Христофоровна (1883, Рига — 1966).

Заболоцкий Григорий Петрович (1888, Киев — 1929), есаул, юрист Кубанского казачьего войска.

Загоруйко Пантелеймон (1888, Донская обл. — 1939), офицер.

Загута Василий Тимофеевич (1896, ст. Ахтырская, Кубанская обл. — 1938), рабочий.

Зайцева, урожд. Блохина Анастасия Васильевна (1896, Томск — 1981), вдова врача.

Зеленский Кирилл (1896, Водяное, Крым — 1975), священник.

Зелингер (Иванович) Федор Иванович (1896, Вознесенск, Херсонская губ. — 1982), адвокат.

Змачинская Наталия Ивановна (1926, младенец).

Зотов Тихон Петрович (1892, Москва — 1936), поручик.

Иванов Владимир Федорович (1868–1928), инженер.

Иванов Федор Георгиевич (ок. 1877–1942), полковник.

Иванова Елена Иосифовна (1840–1923), вдова.

Иванова Зинаида Сергеевна (ок. 1879–1942), жена полковника.

Иванов-Бельский Иван Васильевич (1901, СПб. — 1968), корнет.

Иванова-Бельская, урожд. Федосенко Руфина (1903, СПб. — 1955).

Иванович Евгения Федоровна (1944, Велико-Средиште, Сербия — 1994, Вршац), похоронена в Нови-Саде.

Иванович (наст. фам. Абдиш) Сергей Иванович (1901, Харьков — 1949), мастер-канатчик.

Иванушко Григорий Яковлевич (1884, ст. Попутная, Кубанская обл. — 1959).

Иванчев Владимир Николаевич (1901, Москва — 1959), инженер-строитель.

Иванчева, урожд. Корвин-Сохачевская Ирина Борисовна (1909, Оренбург — 1988), вдова инженера.

Ивацевич Анатолий Павлович (1889–1925), штабс-капитан.

Ивашков Павел (1891–1926).

Ивлев Гавриил (1889, Тамбов — 1952).

Игнатъев Игнатий Петрович (1866-1933), ген.-майор.

Игнатьева, урожд. Зборомирская Мария Львовна (ок. 1885, Харьков — 1921).

Иеропольская, урожд. Розина Елена Николаевна (1898, ст. Константи-новская, Донская обл. — 1970), художница-любитель.

Иеропольский Иван Алексеевич (1880, Загорье, Псковская губ. — 1961), прокурор; преподаватель.

Ильинская, урожд. Карпова Клавдия Николаевна (1874, Орел — 1963).

Ильинский Николай Михайлович (1873, Вильно — 1944).

Ильяш Лука Аввакумович (1902, ст. Екатериновская, Кубанская обл. — 1939), рабочий.

Ипатьева, в замужестве Вајпн Клавдия Александровна (1897, Екатеринбург — 1959), вдова.

Ирманов Владимир Александрович (1852–1931), ген. от кавалерии; служащий.

Исаевич Анна Александровна (1860–1934), вдова дворянина.

Казанцева, урожд. Кравченко Екатерина Гавриловна (1889, Харьков — 1943).

Камаева Елена Целестиновна (1873–1938).

фон Кампф Максимилиан Эдуардович (1868–1923), полковник.

Канареевский Георгий Михайлович (1901–1924), вольноопределяющийся Добровольческой армии.

Караменко (Кононенко) Василий Петрович (1900–1939). Карамурза, в замужестве Мариуп Елена (1899, Михайловка, Астраханская губ. — 1973), вдова адвоката.

Карбоньер Мария Августовна (1871–1934), дворянка; вдова.

Карнаухов Иван Филиппович (1895, ст. Урупская, Кубанская обл. — 1926), писарь.

Карпенко Илларион Максимович (1898, ст. Каневская, Кубанская обл. — 1944), казак.

Карпов Георгий Николаевич (ок. 1887 — 1942), геодезист.

Карузо Мария (1878, Одесса — 1948), вдова статского советника.

Карузо Спиридон (1849, Одесса — 1938), статский советник.

Касиненко Иван Иванович (1860–1923), служащий.

Кашинцев Иван Петрович (1864–1932), полковник.

Кашовский Андрей Степанович (ок. 1876 — 1944).

Келеповская, урожд. Богачева Анна Георгиевна (1877, Елизаветград — 1954).

Келеповский Аркадий Ипполитович (1870, Херсонская губ. — 1925), действительный статский советник; служащий, председатель новосадской русской колонии.

Келеповский Сергей Ипполитович (1874-1928), председатель Одесской городской думы.

Керин Петр Алексеевич (1867, СПб. — 1943), мировой судья.

Керина Екатерина Васильевна (1876–1934), жена судьи.

Кикин Константин Сергеевич (1853, Тамбов — 1943), ген.-майор.

Кикина, урожд. Коробко Анна Константиновна (1869, Житомир — 1938).

Кириченко Сергей Георгиевич (1897, Тифлис — 1958), техник.

Кисловская, урожд. Климентова Вера Степановна (1904, СПб. — 1986), врач.

Кисловский Сергей Андреевич (1899, Прилуки, Полтавская губ. — 1995), агроном.

Климентов Степан Федорович (1870, Вологда — 1953), полковник; преподаватель.

Климентова, урожд. Аннинская Юлия Игнатьевна (1881, СПб. — 1944).

Климович, урожд. Тютчева Екатерина Петровна (1876, СПб. — 1943), вдова московского градоначальника.

Ключарев Михаил Михайлович (?—1950).

Кнепфер Сергей Константинович (1899, Харьков — 1945), служащий. Кобзарев Александр Антонович (1934-1937), сын крестьянина Екатеринославской губ.

Кобзарев Иван Антонович (1926, младенец).

Ковалев Михаил Семенович (1895-1934), коллежский ассессор, есаул.

Ковалев Сергей Андреевич (1902, ст. Новотроицкая, Кубанская обл. — 1926), рабочий.

Ковалевский Николай Викторович (1869, Екатеринослав — 1926), статский советник; служащий.

Кованько Александр Александрович (1889, СПб. — 1926), подполковник, летчик.

Козлова, в замужестве Манојловић Анна Сергеевна (1897, Челябинск — 1968), вдова.

Козлова Елизавета Ивановна (1862–1943), вдова.

Козлюк Степан (1894–1971), юрист.

Коковин Алексей Алексеевич (1891, Гаврилов-Ям, Ярославская губ. — 1978).

Коковина Анна Алексеевна (1928, Велики-Бечкерек, Сербия — 1992, Белград), похоронена в Нови-Саде.

Коковина, урожд. Пареман Елизавета Антоновна (1892, Левай — 1968), преподавательница.

Кокорев Василий Федорович (1872, СПб. — 1942), сапожник.

Колесников Адриан Федорович (1872, ст. Пластыровская, Кубанская обл. — 1944).

Колосовская, урожд. Игнатьева Александра Петровна (1865, Кисловодск — 1937).

Колтоновская Евгения Александровна (1924, Нови-Сад — 1929), дочь поручика.

Колядзинский Дмитрий (1892, Каменный Брод, Волынская губ. — 1965), слесарь.

Колядова Евдокия Васильевна (1872, Супруновка, Полтавская губ. — 1948).

Комов Иван Алексеевич (1896, Екатеринослав — 1940), поручик; служащий.

Комова, урожд. Чехун Александра Ивановна (1898, Семикосавка, Херсонская губ. — 1974).

Кондратьев Виктор Митрофанович (ок. 1937 — 1983).

Кондратьев Митрофан Иванович (ок. 1902 — ок. 1982).

Коновалов Александр Иосифович (1888, Одесса — 1944).

Коновалов Алексей Александрович (? — 1944).

Коновалова, урожд. Рутковская Валентина Семеновна (1898, Павлоград — 1954), вдова.

Коняева Евгения Ивановна (ок. 1901, Тулун — 1922).

Королев Иван Филиппович (1897, Таганрог — 1974), подпоручик.

Королева Мария Ивановна (1927, Нови-Сад — 1932), дочь подпоручика.

Короткевич Борис Викторович (1912-1928), сын капитана.

Корочинский Андрей (1883, Киев — 1938).

Корсун Федор Владимирович (1880-1936), полковник; служащий.

Корчакова-Сивицкая, в замужестве Радованова Надежда Александровна (1923-1948).

Костриченко Василий Васильевич (1928, Нови-Сад — 1986).

Кочетов Федор Иванович (1902-1975).

Кошейников Алексей Исидорович (1894, ст. Павловская, Кубанская обл.— 1977).

Красинская, урожд. Умнова Вера (1910, СПб. — 1945), жена инженера; похоронена в Сремски-Карловцах.

Кривцов Пантелеймон Прокофьевич (1863-1933), ген.-майор Кубанского казачьего войска.

Кривцова, урожд. Толстопят Александра Григорьевна (1879, Керчь — 1975), вдова генерала.

Криун Мария Ивановна (ок. 1900 — 1928), дочь полковника.

Крупиров Эмиль Аронович (1891, Елизаветград — 1961), изготовитель головных уборов.

Крылов Константин Александрович (1861-1930), ген. от инфантерии; служащий.

Крынковский Владислав Петрович (1925, Нови-Сад — 1988).

Крынковский Петр Владиславович (1897, Одесса — 1969).

Кубеков Николай Александрович (1878, Киев — 1948), служащий.

Кувидорова, урожд. Федорова Вера Васильевна (1853, СПб. — 1925), вдова статского советника.

Кудинов Владимир Иванович (1893, ст. Новониколаевская, Донская обл. — 1975).

Кудинова, урожд. Зимовнова Мария Федоровна (1898, ст. Новониколаевская, Донская обл. — 1984), преподавательница.

Кудров Василий (1902, Ростов-на-Дону — 1939), рабочий.

Кудрявцев Леонид Дмитриевич (1903 — ок. 1943), штабс-капитан.

Кузьмин Евгений Константинович (1897, Белосток, Польша — 1978).

Кузьмицов Василий Иванович (1886, Тифлис — 1949), рабочий.

Куклина, урожд. Яхлакова Евдокия Федоровна (1874-1941).

Кулаковская, в замужестве Никифоровип Надежда Евфимовна (1900, Киев- 1963).

Кулжинская, урожд. Чут Валентина Ивановна (1899, Оренбург — 1961), служащая.

Кулжинская, урожд. Никитина, в 1-м браке Адрианова Евгения Михайловна (1898, Ростов — 1976), похоронена в Белграде.

Кулжинская, урожд. Свентицкая Елена Николаевна (1880, Хорол, Полтавская губ. — 1976).

Кулжинская Стефания Николаевна (1942, младенец).

Кулжинский Дмитрий Николаевич (1927, Нови-Сад — 1949).

Кулжинский Николай Степанович (1900, Полтава — 1974), гидротехник, шахматист.

Купцов Дмитрий Михайлович (1897, Екатеринодар — 1968).

Курочкин Владимир Семенович (1883, СПб. — 1943), художник, преподаватель.

Курочкина, урожд. Британова Лидия Герасимовна (1892, Одесса — 1961).

Кутейников Анатолий Михайлович (1864–1933), ген.-майор.

Кутейников Николай Анатольевич (1888–1927), полковник, летчик.

Кухаренко, урожд. Матвеева Галина Матвеевна (1897, Дебальцево, Харьковская губ. — 1973).

Кухаренко Павел Евфимиевич (1897, Великий Бурлук, Харьковская губ. — 1963), поручик.

Кучерявая Ольга Петровна (1932, младенец).

Кучерявый Петр Филиппович (1900, Черниговская губ.— 1931), рабочий.

Кушевич Надежда Константиновна (1896-1931), жена директора банка.

Лабуский Яков Трофимович (1893, Полтавская губ. — 1927), крестьянин.

Лаврова, урожд. Яниковская Людмила Ивановна (1890, Каменец-Подольский — 1959), служащая.

Лагода Александр Никитович (1872, Новгород — 1936), полковник; служащий.

Лагода, урожд. фон Гоерц Надежда (1872–1936).

Ламзаки Евлалия Ивановна (1900, Одесса — 1925), дочь дворянина.

Ламзаки, урожд. Дуналаки Елена Демьяновна (1870, Сандово, Тверская губ.— 1946).

Ламзаки Иван Дмитриевич (1863, Одесса — 1955).

Ламзаки София Николаевна (1860–1934), вдова.

Ламздорф-Галаган Юлианна Митрофановна, графиня (1890, Киев — 1940), вдова.

Латышев Николай Сергеевич (1876, Харьков — 1922), капитан Генштаба.

Лашков Игорь Евгеньевич (1904, Кронштадт — 1975), инженер.

Лебединский Иван Казимирович (1893–1955), рабочий.

Левченко Степан Фокич (1886, Висунск, Украина — 1952).

Либталь Александр Владимирович (1885, СПб. — 1924), штабс-ротмистр; подрядчик.

Либталь Владимир Александрович (1924, Нови-Сад — 1925).

Липницкий Анатолий Алойзович (ок. 1890, Киев — 1931).

Липовецкая, урожд. Муравцева София Александровна (1888–1925), жена полковника; портниха.

Литвяк Петр Трофимович (1895, Веряскуни, Полтавская губ. — 1985), служащий.

Лихолет Арсений Иванович (1863, Широкое, Херсонская губ. — 1959).

Лихолет, урожд. Буцко Виргиния Петровна (1878, Дубянка, Киевская губ.- 1956).

Лобачев Павел Артемьевич (1874, Вильно — 1921, Дубровник), российский консул в Македонии; похоронен в Нови-Саде.

Лобачева, урожд. Власенко Зинаида Владимировна (1879-1922), вдова консула.

Логинов Поликарп Андреевич (1898, Казанская губ. — 1928), крестьянин.

Ложкин Сергей Сергеевич (1907, Москва — 1971), летчик.

Лозовой Гавриил Григорьевич (1912, Курсавка, Ставропольская губ. — 1971).

Лозовой Федор Трофимович (1881–1952), крестьянин.

Ломиковский Лев Николаевич (1902, Белосток, Польша — 1975).

Лопатин Николай Федорович (1891, Киев — 1964).

Лопушанский Валентин Автономович (1895-1976), военный врач.

Лумбин Михаил Юрьевич (1888, Петрозаводск — 1959).

Лумбина, урожд. Анасанова Александра Федоровна (1898, Петрозаводск — 1984).

Лысов Александр Феодосьевич (1884, Кубанская обл. — 1959), казак; рабочий.

Лысов Павел Платонович (1882, Ростов-на-Дону — 1964).

Лысова, урожд. Лебедева Лидия Ивановна (1897, Одесса — 1963).

Лыщинский Борис Михайлович (1873, Плоцк, Польша — 1960), полковник.

Мазаракий Виктор Викторович (1925–1933), ученик.

Мазаракий, урожд. Георгиевич Екатерина Федоровна (1888, Ораниенбаум — 1965), регент церковного хора.

Майбородов Владимир Иванович (1879, Орел — 1963), судья; служащий.

Майбородова, урожд. Кохановская, в 1-м браке Флегинская Александра Львовна (1892, Екатеринодар — 1969), хористка Новосадской оперы.

Маккаев Сергей Александрович (1875, СПб. — 1937), полковник; инженер.

Маккаеева, урожд. Гоман Нина Александровна (1902, Новомосковск, Екатеринославская губ. — 1982), служащая.

Маккаеева, урожд. Гринфельд Ольга (1880, Полтава — 1954), вдова полковника.

Максимчук Иван Михайлович (1892, Киев — 1961), поручик.

Малинтович Петр Иосифович (1865, Киев — 1937), полковник.

Мальцев Федор Митрофанович, о. Феодор (1869, Хмельник, Подольская губ. — 1965), протоиерей, д-р богословия.

Мардар Виталий Исаевич (1897 — после 1979), служащий.

Мардар, урожд. Сукучан Екатерина Николаевна (1895, Решкановка, Бессарабия — после 1979).

Мариюшкина, урожд. Андреева Юлия Ивановна (1888, Чернигов — 1938), жена полковника.

Маркин Максим Борисович (1891, Турово, Воронежская губ. — 1947).

Марковская, урожд. Соловьева Ольга Федоровна (1888, Баку — 1982), вдова полковника.

Марковский Борис Платонович (1875, Конотоп, Черниговская губ. — 1946), полковник; служащий.

Мартос Борис Евгеньевич (1899, Лохвица, Полтавская губ. — 1971), секретарь новосадского филиала украинской организации «Просвіта».

Мартос, урожд. Урчукина, в 1-м браке Пржевальская Раиса Флегонтовна (1897, Владикавказ — 1967).

Маснец Лука Лукич (1920, Брзава, Бессарабия — 1965).

Медников Григорий Иванович (1894, Владимировка — 1987).

Межевикин Алексей Палладиевич (1886, ст. Спокойная, Кубанская обл. — 1965).

Мельгунов Михаил Эрастович (1870–1926), ген.-лейтенант; служащий.

Мельников Анатолий Алексеевич (1894, Хабаровск — 1977), штабс-капитан; служащий.

Мельников Георгий Романович (1899, Харьков — 1971), служащий.

Мельникова, урожд. Гиндина Вера Викторовна (1897, Берислав, Херсонская губ. — 1958), служащая.

Мельникова, урожд. Мариюшкина Наталия Алексеевна (1914, Чернигов — 1981), служащая.

Меркулов Ефим Яковлевич (1906, ст. Мигулинская, Донская обл. — 1989), казак.

Минаев Иосиф Иванович (1864, ст. Михайловская, Донская обл. — 1940), казак.

Мингин Иван Ксаверьевич (1884–1927), капитан дальнего плавания.

Мирович, урожд. Матеева Анна Ивановна (1901, СПб. — 1981), преподавательница.

Мирович Сергей Васильевич (1892, Гатчина — 1955), гвардии полковник; служащий.

Мироненко Александр Миронович (1930, Нови-Сад — 1972).

Мироненко Григорий Иванович (1901, ст. Поповическая, Кубанская обл. — 1952), казак.

Мироненко Иван Григорьевич (1930, младенец).

Михайлов Николай Федорович (1903, Маяки близ Одессы — 1968), агроном.

Моисеев Борис Михайлович (1896, Москва — 1974), служащий, регент церковного хора.

Моисеева Антонина Феликсовна (1898, Варшава — 1972).

Молчанов Алексей Михайлович (1893, Житомир — 1942), полковник; служащий.

Моргунов Степан Тихонович (1863, ст. Михайловская, Донская обл. — 1941), полковник.

Морозов Дмитрий Львович (1884, Таганрог — 1963).

Морозова, урожд. Стефанович Ирина Ивановна (1888, Москва — 1962).

Моцаналидзе Кира Иеремиевна (1897–1926), жена поручика.

Музалевский Александр Васильевич (1923, Печ, Сербия — 1998), филолог-русист, профессор.

Мурис, урожд. Бычкова Агриппина Михайловна (1878, Киев — 1951).

Муханов Василий Александрович (1864, Сухуми — 1928), военный врач.

Мухаржевский Иван Львович (1888, Ольшанка, Подольская губ. — 1965).

Навроцкая, в замужестве Попович Каролина (1886, Гжималов — 1962).

Наглова Людмила Евгеньевна (1904–1929), служащая.

Науменко Михаил Васильевич (1878, Харьков — 1940), подполковник.

Науменко, урожд. Хоревич Ольга Леонардовна (1878, Псков — 1941), вдова.

Наумов Николай Григорьевич (ок. 1877, Славута, Волынская губ. — 1945), инженер.

Невеличко Виктор Никифорович (ок. 1889 — 1935), унтер-офицер; авиаэлектрик.

Недбаевский Максим Иванович (1870, ст. Каневская, Кубанская обл. — 1964), полковник; преподаватель.

Нейгебауэр Александр Викторович (1930, Белград — 1989), профессор, д-р филологии.

Нейгебауэр, урожд. Валкова Вера Владимировна (1899, Елизаветград — 1973), преподавательница.

Нейгебауэр Виктор Карлович (1897, Двинск — 1988), профессор, д-р сельскохозяйственных наук.

Нестеров Андрей Владимирович (1880, Москва — 1929), инженер.

Нетьаха Иван Лукич (1887-1940), кубанский казак; рабочий.

Нечаев Николай Павлович (1872–1933), присяжный поверенный.

Нечай Иван Григорьевич (1876, Москва — 1940), становой пристав Хорол-ского уезда Полтавской губ.

Низаев Павел Евгеньевич (1882, Гельсингфорс — 1944), служащий.

Никаноров Иван Федорович (1896–1924), штабс-капитан.

Никитин Александр Андреевич (1901, Царицын — 1976).

Николаева, урожд. Юнг Мария Александровна (1890, Иркутск — 1962), вдова.

Новиков Мирослав Максимович (? — 1979), геодезист.

Новикова, в замужестве Файт Любовь Николаевна (1894, Саратов — 1973).

Новицкий Петр Филиппович (1898, Киев — 1973), гидротехник.

Ноздрачева, урожд. Юдина Надежда (1890, Харьков — 1958), служащая.

Оглиндо Илья Георгиевич (1885, Кишинев — 1944).

Огнев Павел Михайлович (1903, Борисоглебск — 1925), служащий.

Олифиренко Игнатий Вуколович (ок. 1872 — 1923), капитан.

Ольховский Василий Евгеньевич (1886, Херсон — 1945), полковник; служащий.

Ольшевская, урожд. Висмонт Елена Ивановна (1883, Тифлис — 1956), вдова.

Онисимов Илья Никитич (1891, Тифлис — 1940), поручик; рабочий.

Орлов Константин Александрович (1869–1932), полковник.

Осетров Николай (1930, Белград — 1995), агроном.

Осипов Петр Михайлович (1925, младенец).

Павленко Василий Николаевич (ок. 1887, Екатеринослав — 1921).

Павлов Михаил Константинович (1884-1940), адвокат.

Павлова, урожд. Зенгбуш София Матвеевна (1890, Петроков, Польша — 1966), служащая.

Павловский Николай Александрович (ок. 1870 — 1941).

Павловский Николай Николаевич (ок. 1863, Киев — 1931), статский советник.

Павловский Сергей Иванович (1880, Николаев — 1948), служащий.

Пальчик, урожд. Воскресенская Александра Степановна (1893, СПб. — 1978), служащая.

Пальчик Григорий Моисеевич (1899, Полтава — 1979), служащий, регент церковного хора.

Пальчинская, урожд. Бобкова Екатерина Даниловна (1888, Бобруйск — 1968).

Пальчинский Евгений Петрович (1889, Минск — 1940), капитан; служащий.

Панин Александр (1893-1966), кубанский казак.

Панкратов Иван Иванович (1903, Донская обл. — 1942).

Панкратов Иван Иванович (ок. 1930 — 1944).

Панов Фома Архипович (1877, ст. Милютинская, Донская обл. — 1940), казак; рабочий.

Панфилов Евгений Дмитриевич (1910, ст. Казанская, Донская обл. — 1994), инженер; похоронен в Вуковаре.

Партолин Кузьма Иустинович (1872–1932), кубанский казак.

Пастухов Сергей Николаевич (1866, Ярославль — 1940), купец.

Пейхель, урожд. Биазы Александра Павловна (1890, Одесса — 1970).

Пейхель Василий Александрович (1888, Вознесенск, Херсонская губ. — 1964), филолог-русист, преподаватель.

Передельская Анастасия Митрофановна (1875–1933), жена врача.

Передельский Александр Георгиевич (ок. 1876, ст. Ладожская, Кубанская обл. — 1940), подполковник; врач-венеролог.

Перекопская Лидия Ивановна (1897–1952), вдова.

Перков Александр Григорьевич (1871–1936), полковник.

Перлов Дмитрий Лаврентьевич (1894, Москва — 1945), кузнец.

Перцовой Павел Иванович (1893, Полтавская губ. — 1926), крестьянин.

Пестова, урожд. Сабурова Александра Ивановна (1863-1934), дворянка.

Петина, урожд. Мавромати Капитолина Матвеевна (1900, Мариуполь — 1986), преподавательница музыки.

Петровский Степан Анатольевич (1932–1937), сын поручика жандармерии.

Петьковский Михаил Михайлович (ок. 1901 — 1942), учитель.

Пивоваров Адриан Максимович (1883, Белополье, Харьковская губ. — 1954).

Пивоваров Петр Георгиевич (1886, Сызрань — 1959), капитан.

Пивоварова, урожд. Косовская Татьяна Ивановна (1891, Житомир— 1974).

Плавшип Ирина Николаевна (1881–1945).

Пожариская, урожд. Гаврилова Вера Ивановна (1902, Бобруйск — 1981).

Пожариский Петр Феликсович (1883, Стайка, Киевская губ. — 1966, Бу-дисава близ Нови-Сада), врач; похоронен в Нови-Саде.

Поздняков Михаил Витальевич (1874, Курск — 1940), рабочий.

Позднякова Эмилия Целестиновна (ок. 1870, Киев — 1927), вдова.

Покрошинский Иван Христофорович (1868–1942), преподаватель.

Полешук, в замужестве Вайн Параскева (1911, Тучин, Волынская губ. —1963).

Полинская, урожд. Постникова Гали Евгеньевна (1904, Орел — 1971).

Полинский Алексей Николаевич (1934, Орашье, Босния — 1984).

Полинский Николай Николаевич (1897, Петриковка, Полтавская губ. — 1961), агроном.

де Поллини, урожд. Сеницына Антонина Васильевна (1891, Гори, Тифлисская губ. — 1953), учительница; похоронена в Белграде.

де Поллини Роман Брониславович (1888, Севастополь — 1979), капитан 2-го ранга; служащий; похоронен в Белграде.

Полтавец Василий (1888, Полтава — 1965).

Поляков Михаил Иванович (1893, Новый Оскол, Белгородская губ. — 1957), судья.

Попов Василий Павлович (1903, Севастополь — 1928), служащий.

Попов Владимир Николаевич (1884, СПб. — 1939), полковник; похоронен в Белграде.

Попов Дионисий Васильевич (1884, Рогачевка, Воронежская губ. — 1931), крестьянин.

Попов Николай (1889, Одесса — 1974), служащий.

Попов Николай (1898, Новочеркасск — 1987), служащий.

Попов Павел Фомич (1892, ст. Беломечетская, Кубанская обл. — 1934), рабочий.

Попов Федор Дмитриевич (1880, Москва — 1936), мещанин.

Попова, в замужестве Адамовиц Мария Николаевна (ок. 1900 — 1975), косметолог.

Порошин Валериан Дмитриевич (1898, СПб. — 1979), юрист.

Порошин Георгий Валерианович ((1937, Белград — 1989), врач.

Порошина, урожд. Цитович Мария Васильевна (1908, СПб. — 1996), преподавательница.

Поснов Никита Филиппович (1901, Новая Студеновка — 1975).

Постольников Игорь Владимирович (1922, младенец).

Приходченко Владимир Михайлович (1918–1923), сын служащего.

Приходченко Михаил Степанович (1885–1923), служащий.

Прокопенко Михаил Леонидович (ок. 1870, Харьков — 1936), рабочий.

Прокопович Анатолий Алексеевич (1878–1940), полковник Генштаба.

Протопопов Ростислав Николаевич (1900, Грозный — 1942), гвардии хорунжий Терского войска; служащий.

Протопопова, урожд. Федотова Нина Николаевна (1900, СПб. — 1942).

Прохоров Василий (ок. 1899–1951).

Пузыревский-Пузан Александр Александрович (1868, Вологда — 1944), полковник.

Радченко Спиридон Игнатьевич (ок. 1895 — 1946), проживал в Сремски-Карловцах.

Ракитин (наст. фам. Ионин) Юрий (Георгий) Львович (1882, Харьков — 1952), режиссер, театральный педагог.

Рачковская Евгения Ивановна (1876-1932), жена дворянина.

Ревич Николай Федорович (1901, Ростов-на-Дону — 1956), бухгалтер.

Рейтер Ольга Александровна (1900-1983).

Ровнее Вячеслав Николаевич (1880, Воронеж — 1943), юрист, воронежский губернатор.

Рогачев Леонид Евгеньевич (ок. 1889, Одесса — 1934), служащий.

Рогачев Федор Матвеевич (1897, Москва — 1980).

Родинов Иван Николаевич (1872, ст. Ракитная — 1946), рабочий.

Родионов Гавриил (1897, СПб. — 1942, Будапешт), кладовщик; похоронен в Нови-Саде.

Рождествин Василий Николаевич (1889, Задубровье — 1950).

Рождествинский [Рождественский?] Владимир Михайлович (1882, Тамбов — 1936).

Розеншильд фон Паулин Анатолий Николаевич (1860–1929), ген.-лейтенант; служащий.

Розеншильд фон Паулин, урожд. Энквист Надежда Вильгельмовна (1868, Варшава — 1948), вдова генерала.

Рославлев Георгий Александрович (1896, Одесса — 1971), служащий.

Рославлев Михаил Александрович (1906, Одесса — 1926), ученик.

Рославлева, урожд. Орлова Людмила Константиновна (1903, Варшава — 1992), служащая.

Ростиславов Александр Владимирович (1889, Ковно — ок. 1970), инженер.

Рощин Александр (1881, Москва — 1947), носильщик.

Рубинштейн Александр Дмитриевич (Эммануилович) (1876, Кременчуг — 1949), владелец ресторана.

Рубинштейн, урожд. Богословская Мария Самуиловна (1878, Ростов-на-Дону-1965).

Рыбальченко Николай Романович (1889–1923), юнкер.

Рябов Николай Николаевич (1878–1932), полковник, инженер-электрик; капитан авиации 2-го ранга.

Рябов Олег Николаевич (1920–1945, Босния), похоронен в Нови-Саде.

Рябова Наталия Борисовна (1921, Зеленика, Черногория — 1939), ученица.

Рянгина Варвара Львовна (1860, СПб. — 1936), вдова.

Савенко Михаил Михайлович (1846, Фомичевка, Екатеринославская губ. — 1931), помещик; служащий.

Савицкая Ирина Николаевна (1923, младенец).

Савон Иван Константинович (1892–1926).

Сазонов Василий Иванович (1877, Донская обл. — 1932), казак.

Сазонов Илья Самуилович (1888, Орел — 1952), служащий.

Сазонова, урожд. Пугачева Вера Никитична (1898-1967).

Самарин Владимир Петрович (1898–1933).

Самойленко Федор (1896, Павлоград — 1956).

Самсониевская, урожд. Линде Мария Емельяновна (1898, Валки, Харьковская губ. — 1965), вдова протоиерея.

Самсониевская, урожд. Захарова Ольга Николаевна (1858, СПб. — 1942).

Самсониевский Сергей Михайлович, о. Сергей (1898, СПб. — 1944), офицер гвардии; протоиерей, настоятель русского прихода в Новом Саду.

Саначин Николай Никандрович (1893, СПб. — 1966), капитан; инженер.

Сарматов-Бабин Александр Иванович (1904, Киев — 1924), воспитанник кадетского корпуса.

Сахновская, урожд. Балащева Мария Николаевна (1895, Одесса — 1972).

Свентицкая Варвара Федоровна (1852–1942), вдова.

Светашев Константин Иванович (ок. 1878, Полтава — 1924).

Свидерский Александр Евсеевич (1892, Кишинев — 1981), потомственный почетный гражданин.

Селеметьев Владимир Валерианович (1947, Нови-Сад — 1948).

Селякова, в замужестве Радип Татьяна (1921, Иркутск — 1970).

Семенцов Антон Дмитриевич (1870, ст. Цимлянская, Донская обл. — 1923), казак.

Семкова-Савойская, урожд. Берг Юлия Александровна (ок.1868 — 1922), дворянка.

Сенча, урожд. Ракович Вера Ивановна (1893, Каменец-Подольский — 1954).

Сенча Владимир Иванович (1868, Полтава — 1954), ген.-майор Генштаба.

Сенча Наталия Владимировна (1922, младенец).

Сенявин Сергей Львович (1878, Елизаветград — 1942), полковник.

Сердюков Михаил Михайлович (1881, Варшава — 1944), ротмистр; служащий.

Сердюкова, урожд. Розеншильд фон Паулин Александра Анатольевна (1893, Омск — 1978), преподавательница, литератор; похоронена в Будисаве близ Нови-Сада.

Сивоволов Николай Николаевич (ок. 1898–1942), преподаватель.

Сивоволова София Николаевна (1899, Киев — 1969), вдова.

Сивоконенко, урожд. Нивиченко Юлия Иосифовна (1854, Херсон — 1930), вдова.

Сивцов Иван Федорович (1894, Кубанская обл. — 1936), казак; рабочий.

Силаев Виктор Викторович (1901, Манглиси, Тифлисская губ. — 1970), служащий.

Силаев Виктор Захарьевич (1872, Тифлис — 1945), полковник; инвалид.

Силаева, урожд. Николаева Евгения Ильинична (1870, СПб. — 1957), вдова.

Сильченко Василий Федорович (1914, Николаев — 1947), техник.

Сильченко, урожд. Дидонова Ксения Ефимовна (1896, Николаев — 1984).

Симонова Мария Ивановна (1897, Пермская губ. — 1925), крестьянка.

Сироткин Владимир Алексеевич (1888, СПб. — 1949), инженер.

Скляр Константин Емельянович (1899, ст. Полтавская, Кубанская обл. — 1984).

Скоропадский Георгий Васильевич (1873, Глухов, Черниговская губ. — 1925), почетный мировой судья, член III и IV Гос. думы, октябрист; служащий.

Скрынченко Дмитрий Васильевич (1874, Пестоватка, Воронежская губ. — 1947), преподаватель, председатель новосадского отделения Русской матицы.

Слатвинская, урожд. Мищенко Анна Николаевна (1894, Карасубазар, Крым — 1977).

Слепко Антон Михайлович (1896, Алкан, Екатеринославская губ. — 1976), крестьянин; рабочий.

Слива Вячеслав Митрофанович (1871, Киев — 1956), судья; преподаватель.

Слива, урожд. Матвеева Елена Матвеевна (1886, Боровичи — 1959), вдова.

Смагин Николай Степанович (1929, младенец).

Смирнов Борис Николаевич (1883, Владимир — 1962).

Смирнов Георгий Ростиславович (1950, Панчево, Сербия — 1993).

Смирнов Николай Михайлович (1870, Курск — 1939), прокурор Московской судебной палаты.

Смирнова, урожд. Кучукова Евгения Степановна (1893, Феодосия — 1974).

Смирнова, в замужестве Дукип Надежда Ивановна (1895, Кишинев — 1965).

Смирнова, урожд. Вертепова Татьяна Дмитриевна (1922, Риджице, Сербия — 1992).

Смолянников Михаил Васильевич (1894, Борисоглебск — 1987), агроном, преподаватель.

Соболева, в замужестве ЛукиК Анастасия (1896, Челябинск — 1949).

Соколов Александр Иоаннович (1932, Белград — 1992), электрик.

Соколов Всеволод (? — 1980).

Соколов Дмитрий Федорович (1876, Московская губ. — 1939), крестьянин; портье.

Соколов Павел Николаевич (1876–1929), московский присяжный поверенный; адвокат.

Соколова Зинаида Михайловна (1901–1993), вдова.

Соколова, урожд. Кикина Лидия Петровна (1898, Ялта — 1980), вдова; похоронена в Сремски-Карловцах.

Соколовский Анатолий Адамович (1893, Гродненская губ. — 1934), крестьянин.

Сомов Александр Павлович (1843, Курская губ. — 1927), дворянин.

Сохачевская (Корвин-Сохачевская), урожд. Грюнберг Елена Артуровна (1882, Одесса — 1963), вдова инженера.

Сохачевский (Корвин-Сохачевский) Борис Александрович (1882–1954), инженер-строитель.

Сперанская, урожд. Лесниченко Анна Тихоновна (1893, Таганрог — 1964), похоронена в Белграде.

Сперанский Александр Викторович (1887, Одесса — 1970), капитан; чиновник военного ведомства; похоронен в Белграде.

Степанов Александр Константинович (1889, ст. Урюпинская, Донская обл. — 1942), кассир; похоронен в Будапеште.

Степанова Полина Николаевна (1875, Кишинев — 1967), вдова.

Стефановская Ирина Алексеевна (1923, Нови-Сад — 1992), служащая.

Стефановская Татьяна Алексеевна (1923, младенец).

Стефановская, урожд. Плотникова Фаина Николаевна (1891, Орел — 1984).

Стефановский Алексей Алексеевич (1887, СПб. — 1929), капитан; преподаватель.

Столбин Александр Борисович (1869, Темир-Хан-Шура, Дагестан — 1952).

Стороженко Максим Иванович (1869, ст. Мечетинская, Донская обл. — 1932).

Стоянов Федор Иосифович (1881, Херсонская губ. — 1937), поручик.

Стрелков Федор Демьянович (1892–1936), подпоручик.

Строцкий Петр (1889, Кишинев — 1970), адвокат.

Ступаков Николай Александрович (1896, Харьков — 1967), офицер.

Субботин Иван Петрович (1874, Белев, Тульская губ. — 1954).

Субботина, урожд. Фирсова Мария Андреевна (1889, Белев, Тульская губ. — 1952).
Суетин Борис Михайлович (1899, Калуга — 1964), врач-фтизиатр.
Суетин Михаил Михайлович (1901, Калуга — 1972), военный врач-фтизиатр.
Суетина, урожд. Черячукина Екатерина Федоровна (1902, Новочеркасск — 1977),
врач-фтизиатр.
Сукк, урожд. Носкова Дарья Филипповна (1895, Калужская губ. — 1972).
Сукк Иван Степанович (1875, Волынская губ. — 1937), крестьянин.
Сундечич Иван Душанович (1889, СПб. — 1940), инженер; служащий.
Сухорукое Николай (? — 1973).
Сухотин Николай Петрович (1842, СПб. — 1924), ген. от артиллерии.
Сухотина Зинаида Николаевна (1859–1932), вдова генерала.
Сысоев Георгий Федорович (1903–1923), воспитанник Русского кадетского
корпуса в Сараево.
Тараканов Илья Афанасьевич (1891–1933), капитан.
Тараканова Людмила Ильинична (1925, Нови-Сад — 1929), дочь капитана.
Тараканова Ольга Ильинична (1924, Нови-Сад — 1929), дочь капитана.
Тарасенко Иван (1895, Саксагань, Екатеринославская губ. — 1971).
Таргоньева, в замужестве Чосип Людмила Владимировна (1896, Чита — 1984).
Тельнов Павел Семенович (1885, Старобельск, Харьковская губ. — 1958).
Тельнова, урожд. Кутузова Екатерина Федоровна (1894-1979), преподавательница.
Теляков Павел (? — 1935), библиотекарь новосадского отделения Русской матицы.
фон Тизенгаузен Александр Оттокарович, бар. (1894, СПб. — 1924), гвардии
капитан; торговец.
Тимофеев Михаил Тихонович (1890, Бахмут, Екатеринославская губ. — 1960).
Тимофеева, урожд. Болотова Александра Ильинична (1882, Белгород — 1954).
Титов Александр Александрович (1975, младенец).
Титов Александр Степанович (1937, Нови-Сад — 1988).
Титов Анатолий Александрович (1892, Херсон — 1976).
Титов Павел Дмитриевич (1925, Скопле, Македония — 1976).
Титова София Степановна (1942, Нови-Сад — 1945), дочь крестьянина
Воронежской губ.
Тихвинская, урожд. Мхитарова Зинаида Гавриловна (1903, Гайсин, Подольская
губ. — 1993).
Тихвинский Федор Иванович (1892, Красноярск — 1970), ветеринарный врач.

Ткачев Григорий Иванович (1893, ст. Кавказская, Кубанская обл. — 1961), крестьянин; рабочий.

Токарев Петр Косьмич (1878, Элеутка, Терская обл. — 1937), полковник.

Токаренко, в замужестве Станковиц Ирина (1896, Елизаветград — 1969), вдова.

Толмачев Дмитрий Дмитриевич (1927, Нови-Сад — 1934), сын ротмистра.

Топка Потап Игнатьевич (1899, ст. Поповическая, Кубанская обл. — 1981), казак; рабочий.

Транс Елена Ивановна (1905, Харьков — 1931), дочь полковника.

Трегубов Сергей (1895, Левокумское, Ставропольская губ. — 1939).

Третьяков Евгений Степанович (1900, Минск — 1932), мещанин.

Третьякова Валентина Константиновна (1900-1923), жена полковника.

Тришкин Василий Иванович (1866, Екатеринослав — 1940), полковник.

Тростянский Александр (? — 1925), солист Новосадской оперы.

Троцина Дмитрий Константинович (1883, Киев — 1941), служащий.

Трошкина Пелагея Петровна (1885, Турки, Саратовская губ. — 1980).

Трубецкой Николай Петрович, кн. (1875, Киев — 1946), преподаватель музыки.

Тугуев Савелий Константинович (1870, Моздок, Терская обл. — 1941), служащий.

Тулубаев Михаил Михайлович (1904-1937), студент.

Тулубец Василий Федорович (1896, Васильевка, Екатеринославская губ. — 1980).

Туркович Павел Иванович (1894, Киев — 1949).

Тутурская, урожд. Трегубова Ольга Николаевна (1879–1928), жена полковника.

Тутурский Александр Евграфович (1877, Кола, Калишская губ. — 1944), гвардии полковник.

Тутурский Евгений Александрович (1913–1934), сын полковника.

Тюменцов Василий (ок. 1881 — 1945), рабочий.

Уласюк Павел Федорович (1898, Баку — 1986), офицер; инженер.

Унковский Владимир (1892, Таганрог — 1967).

Урвачев Сергей Матвеевич (1893, Москва — 1973, Сплит), подполковник, летчик; похоронен в Нови-Саде.

Урвачева, урожд. Тутурская Марина Александровна (1903, СПб. — 1979), вдова летчика.

Урчукин Флегонт Михайлович (1870, Владикавказ — 1930), ген.-майор.

Ус Илларион Иванович (1898, ст. Роговская, Кубанская обл. — 1951), приказной Кубанского казачьего войска.

Усов Сергей Сергеевич (1872, Москва — 1943), дворянин; служащий.

Успенский Леонид Митрофанович (1884, ст. Калачинская, Кубанская обл. — 1925), полковник.

Федоров Николай Михайлович (1857-1932), полковник. Федорова, урожд. Гальчевская Евгения Яковлевна (1898, Варшава— 1977), преподавательница.

Федотов Николай Киприанович (1854, Пятигорск — 1926), полковник. Федотова, урожд. Козлова Алевтина Сергеевна (1873, СПб. — 1942), вдова полковника. Фигуровская Ирина Павловна (1913, Екатеринодар — 1969), служащая.

Фигуровская, урожд. Руткевич Лидия Георгиевна (1893, Белая Глина, Ставропольская губ. — 1963), вдова регента.

Фигуровский Георгий Павлович (1918, Екатеринодар — 1993), офицер.

Фигуровский Павел Александрович (1889, ст. Упорная, Кубанская обл. — 1959), есаул Кубанского казачьего войска; регент,

Филатов Николай Андреевич (ок. 1904— 1936), рабочий.

Филиппова, урожд. Коваль Параскева (1910–1958), вдова крестьянина.

Филонов Владимир Фомич (1865–1946), типограф.

Филонова Елена Сергеевна (1931, младенец).

Флегинский Владимир Александрович (1886, ст. Красногорская, Кубанская обл. — 1937), судебный следователь; служащий.

Франк Наталия (? , Екатеринбург — 1939), жена ремесленника.

Фролов Матвей Андреевич (1871–1937), донской казак; рабочий.

Фурман Лукьян (1888, Доманевка, Херсонская губ. — 1978).

Хануков Александр Павлович (1867, Херсон — 1943), ген.-лейтенант Генштаба.

Харламов Гавриил (1895, Николаевск — 1976).

Харченко Геронтий Гаврилович (ок. 1880, Екатеринослав — 1941), врач, председатель новосадской русской колонии.

Харченко, урожд. Хоружинская Мария Ивановна (1888, Екатеринослав — 1963), вдова врача.

Холодкова Светлана Игоревна (1947, младенец).

Хомицкий Тихон (1880, Киев — 1933), крестьянин; рабочий.

Хондажевский Сергей Тихонович (1889–1944), полковник; похоронен в Белграде.

Храмович Федор Александрович (ок. 1898, Харьков — 1963).

Цитович Василий Григорьевич (1872, Харьков — 1963), служащий.

Цитович Евгения Васильевна (1902, Кобрин, Гродненская губ. — 1996), служащая.

Цитович, урожд. Твердохлебова Любовь Ивановна (1877, Харьков — 1951).

Цокур Василий Леонтьевич (1895, ст. Каневская, Кубанская обл. — 1936), поручик; рабочий.

Цорн Дмитрий Николаевич (1888-1923), дворянин.

Цыбенко, урожд. Бланарик Зинаида Иосифовна (ок. 1905, Мариуполь — 1936).

Чаговец Александр Михайлович (1890-1932), почтовый служащий.

Чаплиц Владимир Иустинович (1871-1930), гвардии полковник; служащий, председатель новосадской русской колонии.

Чеботарев Иван Еремеевич (1897, ст. Новониколаевская, Кубанская обл. — 1925), подхорунжий; рабочий.

Чекменев Григорий Георгиевич (ок. 1890 — 1921).

Чернов Матвей Игнатьевич (1896, Ставропольская губ. — 1936), рабочий.

Черноярв Владимир Диодорович (1902, СПб. — 1965, Калифорния), урна погребена в Нови-Саде.

Черноярв Диодор Николаевич (1864–1929), ген.-лейтенант; служащий, председатель новосадской русской колонии.

Черноярва, урожд. Бесенева Вера Николаевна (1864, СПб. — 1949), вдова генерала.

Черноярва Евгения Диодоровна (1890, СПб. — 1968), служащая, преподавательница.

Чернявский Митрофан Федорович (1891, ст. Спицевка, Ставропольская губ. — 1962), крестьянин; рабочий.

Чесноков Николай Владимирович (ок. 1880, Вильно — 1944), служащий.

Чесноков Петр Владимирович (1875, Вильно — 1948), геодезист.

Чиндин Филипп Арефьевич (1880–1939), рабочий.

Чистопольская, урожд. Раух Елизавета Филипповна (1903-1940).

Чистопольский Дмитрий Дмитриевич (1902, Житомир — 1948), служащий.

Чистопольский Михаил Дмитриевич (1904, Житомир — 1961), дворянин, типограф; служащий.

Чистопольский Михаил Михайлович (1927–1960).

Чудинова, урожд. Арсеньева, в 1-м браке графиня Кронгельм Ольга Дмитриевна (1888, Смоленск — 1962), вдова.

Чудновская, урожд. Нежинская Розалия Григорьевна (1868, Симферополь — 1937).

Чуприло Афанасий Иванович (1878–1938).

Чут, урожд. Коновалова Юлия Васильевна (1863, Полтава — 1949).

Шаповалов Василий Леонидович (1895, Одесса — 1978), юрист.

Шаповалов Дмитрий Антонович (1870, Одесса — 1937).

Шевцов Илья Никифорович (1899–1947), рабочий.

Шевцова, урожд. Павловская Вера Митрофановна (1892–1943).

Шевченко Николай (1933, младенец).

Шестопалов Анатолий (1885, Харьков — 1969), служащий.

Шибяев Михаил Иванович (1883, Ростов-на-Дону — 1923), инженер гражданской авиации.

Шидловский Борис Сергеевич (1897–1938), майор артиллерии.

Шимченко, в замужестве Ајђановић Анастасия Федоровна (1919, Султан — 1996), врач.

Шишкин Федор Федорович (1887, Москва — 1964), дворянин; владелец трактира.

Шишкина, урожд. Фоменко Елена Федоровна (1894, Екатеринославская губ.,- 1943).

Шишмарев Константин Иванович (1858–1932), капитан 1-го ранга.

Шишмарева, урожд. Андреева Мария Никитична (1868, Киев — 1931).

Шостаков Светислав [Святослав?] А. (1908, Рига — 1983), инженер-механик.

Шпиндлер Владимир Семенович (1902, Екатеринодар — 1968), служащий.

Шпиндлер, урожд. Казас Мария Семеновна (1897, Екатеринодар — 1991), вдова поручика.

Шпиндлер Яков Семенович (1895, Екатеринодар — 1959), поручик.

Шретер Мария Александровна (1890, Керчь — 1929), жена архитектора.

Штапельберг Варвара Тимофеевна (1870, Елизаветград — 1939), вдова.

Штапельберг Владимир Генрихович (1870, Одесса — 1939), полковник.

Штранге Борис Владимирович (1903, Псков — 1963), агроном.

Штюрмер Всеволод Иванович (ок. 1895 — 1923), летчик.

Шубин Василий Васильевич (1889, Алгасово, Тамбовская губ. — 1949), рабочий.

Шульга Виктор Павлович (1897, Керчь — 1949), служащий.

Щедрое Филипп Иванович (1891, ст. Некрасовская, Донская обл. — 1969), казак; служащий.

Щербакова Марина Григорьевна (1865, Каменка, Тамбовская губ. — 1956).

Щербачева Надежда Петровна (1877, Елизаветград — 1939), вдова.

Щербина Андрей Матвеевич (1892, ст. Кальниболоцкая, Кубанская обл. — 1974).

Эппле Василий Эрнестович (1876–1942), владелец галантерейного магазина.

Эппле, урожд. Думнова Мария Михайловна (ок. 1878 — 1942).

Эристов Сергей Михайлович, кн. (1876, Зуевка, Донская обл. — 1946), служащий.

Эристова, урожд. Ланге Екатерина Петровна (1879, Харьков — 1958).

Эскиридис Георгий (1914, Россия — 1948), милиционер.

Эсман Николай (1896, Застенок Випода[?] — 1980), служащий.

Юлинац Николай Дмитриевич (1877–1929), полковник.

Юловский Виктор Михайлович (ок. 1888 — 1922), д-р философии.

Юревич Мария Ниловна (1894, Рязань — 1979, Рума) похоронена в Нови-Саде.

Юрченко Аггей Тимофеевич (1885–1952).

Юрченко Матвей Павлович (1898, Полтава — 1940), кубанский казак; рабочий.

Яблоков Павел Иванович (1882, СПб. — 1962), врач.

Яблокова, урожд. Владимирова Татьяна Николаевна (1889, Кострома — 1965), артистка театра.

Яковлев Андрей Григорьевич (1899, Васильенка, Калужская губ. — 1977).

Яковлев Валентин Васильевич (1898, Иркутск — 1975).

Яковлева, в замужестве Поповиц Вера Ивановна (1923, Славонски-Брод, Хорватия — 1980).

Яковлева, урожд. Корчинская Полина (Пелагея) Яковлевна (1905, Немиров — 1983), портниха.

Якубович Анатолий Иванович (ок. 1869 — 1921).

Якушин Михаил Алексеевич (1890, Переяслав, Киевская губ. — 1961), кубанский казак.

Янин Григорий Андреевич (1894, Ставропольская губ. — 1935), рабочий.

Янсен, в замужестве Меденица Мария (1898, Владивосток — 1991), служащая.

Яракула Мария (1898, Ефремов, Тульская губ. — 1976), парикмахер.

Ярошевская, в замужестве Рацкова Нина Осиповна (1902, Москва — 1969), жена сербского военнопленного.

Ясько Иван Власьевич (1898, ст. Ивановская, Ставропольская губ. — 1978), кубанский казак; чиновник.

Ященко Андрей Зиновьевич (1899, Великие Будицы, Полтавская губ. — 1968).

Ященко Софроний Васильевич (1871-1929), полковник.

Оглавление

От автора

«Nominatur Neoplanta»

«Русские братья»

Русский православный приход в Новом Саду

Глашатаи русского искусства

Сохранили память о себе

Общества и политические группировки

«Представитель Августейшего Блюстителя Государева
Престола»

Издательства и типографии

Новосадское отделение Русской матицы

Александра Анатольевна Сердюкова

Русские сотрудники журнала «Летопис Матице српске»

Анатолий Игнатьевич Шпаковский

«Незамеченное поколение»

Быт и досуг русских на чужбине

Пути и судьбы после 1940 г

Юрий Львович Ракитин

Русский некрополь в Новом Саду

Послесловие

Приложения:

Список учеников Русской реальной гимназии в Новом Саду на 1925/26

учебный год

Упокоились в Новом Саду (1920–1998 гг.)

В оформлении книги использованы любительские фотографии из семейных архивов русских новосадцев.

Форзацы: типичный дворик сербского района Нови-Сада (рисунок художника Дж. Табаковича, 1930-е гг.)

Арсеньев А.Б.

А 85 У излучины Дуная: Очерки жизни и деятельности русских в Новом Саду / Под редакцией В.Б.Кудрявцева. — М.: Русский путь, 1999. — 256 с, илл.

ISBN 5-85887-053-8

Автор книги Алексей Борисович Арсеньев (род. в 1946 г.) принадлежит к потомкам русских беженцев, покинувших родину в начале 1920-х годов. Его исследование посвящено жизни русской колонии в г. Нови-Сад (Сербия) — одного из многочисленных очагов эмигрантского рассеяния. Насыщенная уникальным фактическим материалом, книга А.Б.Арсеньева открывает новое, «краеведческое» направление в изучении истории русского Зарубежья.

Адресовано широкому кругу читателей, интересующихся русской эмиграцией XX в.

ББК 63.3(2)61

Арсеньев Алексей Борисович
У ИЗЛУЧИНЫ ДУНАЯ
Очерки жизни и деятельности русских
в Новом Саду

Редактор *В.Б.Кудрявцев*

Художник *Г.К. Самойлов*

Технический редактор *Е.В. Антонова*

Корректор *М.М. Уразова*

ЛР № 040399 от 03.03.98. Подписано в печать 14.04.99.

Формат 60x90 1/16. Печать офсетная. Усл. печ. л. 16,0.

Тираж 2000 экз.

ЗАО «Русский путь»

109004, Москва, ул. Нижняя Радищевская, д. 2, стр. 1.

Тел.(095)915-10-47

Отпечатано в типографии Издательского дома «ГРААЛЬ»